

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025 – 1

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 2.6

Учредитель
**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор (ИЯ РАН, гл. науч. сотр.),
Е.О. Опарина – канд. филол. наук, заместитель главного редактора (ИНИОН
РАН, ст. науч. сотр.), *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, заместитель главного
редактора (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук,
акад. РАН (ИЯ РАН, гл. науч. сотр.), *Н.Г. Брагина* – д-р филол. наук (Гос. ИРЯ
им. Пушкина, РГГУ, проф.), *А.Б. Бушев* – д-р филол. наук (ТвГУ, проф.),
Е.А. Казак – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, науч. сотр.), *В.И. Карасик* – д-р
филол. наук (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, проф.), *Л.Р. Комалова* – д-р филол.
наук (ИНИОН РАН, вед. науч. сотр.), *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук (МГЛУ,
проф.), *А.П. Лободанов* – д-р филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.),
А.В. Нагорная – д-р филол. наук (НИУ ВШЭ, проф.), *В.А. Пицальникова* – д-р
филол. наук (МГЛУ, проф.), *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук (МГЛУ, дир.
Института прикладной и математической лингвистики), *В.В. Потапов* – д-р
филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, ст. науч. сотр.), *М.М. Раевская* – д-р
филол. наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *С.А. Ромашко* – канд. филол.
наук (Гильдия «Мастера литературного перевода»), *О.А. Сапрыкина* – д-р филол.
наук (МГУ им. М.В. Ломоносова, проф.), *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук (ИЯ РАН, гл.
науч. сотр., зав. отд. экспериментальных исследований речи), *И.А. Шаронов* – д-р
филол. наук (РГГУ, зав. кафедрой), *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук (МГТУ им.
Н.Э. Баумана, проф.)

Ответственный секретарь – *М.Б. Раренко*

Ответственные за выпуск – *Е.О. Опарина, М.Б. Раренко*

Журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics» включен в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77-80875 от 21.04.2021

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2025.01.00

© ИНИОН РАН, 2025

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
(INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

SERIES 6

LINGUISTICS

2025 – 1

Published since 1973
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.6

Founder
***Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences***

Editorial Board of the “linguistics” series:

V.Z. Demyankov – Doctor of Philology, Editor-in-Chief (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *E.O. Oparina* – Candidate of Philology, deputy Editor-in-Chief (INION RAN, senior researcher), *M.B. Rarenko* – Candidate of Philology, deputy Editor-in-Chief (INION RAN, leading researcher), *V.M. Alpatov* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *N.G. Bragina* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, RGGU, prof.), *A.B. Bushev* – Doctor of Philology (Tver’ State University, prof.), *E.A. Kazak* – Candidate of Philology (INION RAN, researcher), *V.I. Karasik* – Doctor of Philology (Pushkin State Russian Language Institute, prof.), *L.R. Komalova* – Doctor of Philology (INION RAN, leading researcher), *V.G. Kuznetsov* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *A.P. Lobodanov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *A.V. Nagornaya* – Doctor of Philology (HSE University, prof.), *V.A. Pishchal’nikova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *R.K. Potapova* – Doctor of Philology (MSLU, prof.), *V.V. Potapov* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, senior researcher), *M.M. Raevskaya* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *S.A. Romashko* – Candidate of Philology (Literary translators’ guild), *O.A. Saprykina* – Doctor of Philology (Lomonosov Moscow State University, prof.), *K. Ya. Seagal* – Doctor of Philology (Institute of Linguistics RAS, chief researcher), *I.A. Sharonov* – Doctor of Philology, Head of Department, RGGU), *E.B. Yakovleva* – Doctor of Philology (Bauman Moscow State Technical University, prof.)

Executive Secretary – *M.B. Rarenko*

Responsible for the issue – *E.O. Oparina, M.B. Rarenko*

The information-analytical journal “Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zaubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics” is included into the Index of Peer-reviewed Academic Journals and Publications that must publish academic results of doctoral and candidate degrees, recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, and is indexed in the Russian Science Citation Index.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ No ФЦ 77-80875 от 21.04.2021.

ISSN 2219-8776

DOI: 10.31249/ling/2025.01.00

© INION RAN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Алпатов В.М. Языкознание сегодня 9

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Ершова Е.В. Репрезентация эмоций в политическом дискурсе
Эмманюэля Макрона 18

Сергиевская Л.А., Федосеева Л.Н., Мелехова Л.А. Местоимение «я»: условия
оправданного употребления 31

УРОВНИ ЯЗЫКА

Фонетика. Фонология

Гордеева Т.А., Таньков Н.Н. Временная организация звучащих текстов
в региональных вариантах современного немецкого языка 46

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. Переводческий комментарий как средство
декодирования вертикального контекста переводимого текста
(на материале переводов позднего творчества Дж. Джойса) 61

Дигалев Н.В., Карасик В.И. Лингвоаксиология спортивного состязания:
ценности, нормы, традиции 77

РЕЦЕНЗИИ

Опарина Е.О. Рецензия на монографию: *Contested Languages: The hidden multi-lingualism in Europe* / Ed. by M. Tamburelli, M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2021. – 279 p. – (Studies in World Language Problems) 92

<i>Раренко М.Б.</i> Рецензия на книгу: Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. – Москва : Гнозис, 2022. – 536 с.	106
<i>Трошина Н.Н.</i> Рецензия на сборник: Мудрость и язык: лингвистические подходы / ред. Куссе Х. – Berlin etc: Peter Lang, 2024. – Bd 215. – 164 S. (Specimina philologiae slavicae)	112
<i>Раренко М.Б.</i> Рецензия на книгу: Гусейнова И.А., Косиченко Е.Ф. Грани смешного и юмор без границ: семиотика комических текстов разных жанров : монография. – Казань : Бук, 2024. – 210 с.	120

CONTENTS

HISTORY OF LINGUISTICS

<i>Alpatov V.M.</i> Linguistics today	9
---	---

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

<i>Ershova E.V.</i> Representation of emotions in the political discourse of Emmanuel Macron	18
<i>Sergievskaya L.A., Fedoseeva L.N., Melekhova L.A.</i> The pronoun “I”: conditions of justified use	31

LANGUAGE LEVELS

Phonetics. Phonology

<i>Gordeeva T.A., Tan'kov N.N.</i> Temporal organization of spoken texts in regional variants of modern German	46
--	----

APPLIED LINGUISTICS. TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

<i>Nesterova N.M., Naugol'nykh E.A.</i> Translation comments as a tool of decoding the vertical context of the source text (based on James Joyce's later works)	61
<i>Digalev N.V., Karasik V.I.</i> Linguistic axiology of sports competition: values, norms, traditions	77

REVIEWS

<i>Oparina Je.O.</i> Book review: <i>Contested Languages: The hidden multilingualism in Europe / Ed. by M. Tamburelli, M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2021. – 279 p. – (Studies in World Language Problems)</i>	92
<i>Rarenko M.B.</i> Book review: <i>Kusse H. Cultural Linguistics. – Moscow : Gnosis, 2022. – 536 p.</i>	106

<i>Troshina N.N.</i> Book review: Wisdom and Language. Linguistic Approaches. Ed. Holger Kuße. Berlin etc: Peter Lang, 2024. 164 S. (Specimina philologiae slavicae 215)	112
<i>Rarenko M.B.</i> Book review: Guseynova I.A., Kosichenko E.F. Facets of Funny and Humor without Borders: semiotics of Comic Texts of different genres: monograph. – Kazan : Buk, 2024. – 210 p.	120

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

HISTORY OF LINGUISTICS

УДК 81'1

DOI: 10.31249/ling/2025.01.01

Алпатов В.М.¹

ЯЗЫКОЗНАНИЕ СЕГОДНЯ

Аннотация: Структурный период был, несомненно, важным в истории мировой лингвистики, включая нашу страну. Его границами часто считают 1918–1957 годы, начиная от публикации «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и до появления «Синтаксических структур» Н. Хомского. Структурализм сосредоточен на синхронных исследованиях, а не на истории языков. Многие советские лингвисты (особенно специалисты по фонологии) до 1970-х годов в советской лингвистике в соответствии с направлением структурализма с 1950-х развивали математические методы. Главным объектом исследований оставался язык в понимании Соссюра. Однако преобладание структурного периода в лингвистике закончилось с формированием двух новых парадигм: генеративной и функциональной. В отличие от США в России генеративная парадигма не занимала доминирующего положения. Генеративная парадигма преобладала в США, но не в России, где стала значимой функциональная парадигма. Она имеет много независимо развивающихся ответвлений: прагматику, теорию речевых актов, дискурсный анализ, лингвистику текста, генерику и др. Однако у них есть общая черта: они выходят за рамки языка как системы знаков и изучают его функционирование. В отличие от генеративной лингвистики, функциональная лингвистика не ставит ограничений и включает в себя все явления в сфере речи и ее восприятия.

¹ © Алпатов В.М., 2025

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, академик, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук; v-alpatov@iling-ran.ru

Цель статьи – рассмотреть развитие мировой, в том числе российской науки о языке за последние десятилетия. Следует отметить усиление роли гуманитарных аспектов в языкознании.

Ключевые слова: язык; ограничения; структурная лингвистика; генеративная лингвистика; функциональная лингвистика; когнитивная лингвистика; коммуникативная лингвистика.

Для цитирования: Алпатов В.М. Языкознание сегодня // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1. – С. 9–17. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.01

ALPATOV V.M.¹ LINGUISTICS TODAY

Abstract. The structural period was undoubtedly important in the history of the world linguistics including our country. Its limits are more often considered as 1916–1957, from the publication of F. de Saussure’s “Cours de linguistique générale” to the appearance of N. Chomsky’s “Syntactic Structures”. This paradigm gave the main consideration of synchronous studies and not of history of languages. Many Soviet linguists (especially specialists in phonology) belonged to the structural paradigm as far as 1970th. Since 1950th the mathematic methods spread in the Soviet linguistics. The basic object of investigations was langue in Saussure’s sense. However, the structural period of linguistics was over after the forming of two new paradigms, i.e. generative and functional ones. The generative paradigm was prevalent in the USA, but not in Russia, where the functional paradigm became significant. It has many branches developed independently: pragmatics, theory of speech acts, discourse analysis, text linguistics, genre linguistics, and so on. However, they have one common feature: they exceed the limits of language as a system of signs and investigate its functioning. Unlike the generative linguistics the functional one does not restrict its object and includes all phenomena connected with the processes of speech and audition into its sphere of research.

Keywords: language; restrictions; structural linguistics; generative linguistics; functional linguistics; cognitive linguistics; communicative linguistics.

For citation: Alpatov V.M. Linguistics today. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 9–17. DOI: 10.31249/ling/2025.01.01

¹ © Alpatov V.M., 2025

Alpatov Vladimir Mihajlovich – Doctor of Philology, Professor, Academician, Main Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow; v-alpatov@iling-ran.ru

Введение

Тема данной статьи – развитие науки о языке за последние десятилетия. В основном речь пойдет о нашей стране, но отечественная наука рассматривается в мировом контексте.

Когда-то я довольно долго был молодым лингвистом, но прошло время, и я уже стал одним из старейших. Мой учитель Пётр Саввич Кузнецов обиделся, когда на награждении победителей лингвистической олимпиады его представили как старейшего профессора МГУ, поскольку были еще и профессора его старше, но все же его принадлежность к старшему поколению была очевидной. Я поступил на отделение структурной и прикладной лингвистики МГУ (четвертый набор) в 1963 г. С тех пор я был свидетелем многих событий. Хочется ретроспективно рассмотреть их историю, сравнить лингвистику 1963 и 2024 годов.

Лингвистика в 1960-е годы

В США часто историю мирового языкознания делят на два этапа: доисторический (от александрийцев до 1957 г., когда появились «Синтаксические структуры» Н. Хомского) и сменивший его в XX в. исторический. В отличие от США в СССР так не считали, и не из-за «железного занавеса», который тогда в лингвистической сфере был минимальным. Шло активное освоение западных теорий и методов. Большое значение имела серия переводов «Новое в лингвистике», основанная В.А. Звегинцевым. И в ней к 1963 г. уже были изданы по-русски «Синтаксические структуры». Но переворота не произошло: если в США структурализм вытеснялся хомскианством, то у нас магистральным направлением оставался структурализм. И книга Н. Хомского осмыслялась лишь как поворот американского дескриптивизма к изучению синтаксиса, ранее не бывшего в США в центре внимания. Реабилитация интуиции говорящего в книге Хомского казалась недостатком. Влияние Н. Хомского было намного меньше весьма значительного тогда влияния Р. Якобсона.

Другие парадигмы языкознания отступали. Марризм не возродился: еще до 1950 г. он держался лишь на поддержке сверху и на традиции; когда Сталин перечеркнул то и другое, его не спасло и последующее изменение отношения к Сталину. Компаративистика, ненадолго оказавшаяся после 1950 г. в центре внимания, затем, разумеется, продолжая развиваться, отошла на периферию.

Характерно, что в 1963 г. на отделении структурной и прикладной лингвистики она не преподавалась.

Структурализм же к 1963 г. в СССР уже имел немало традиций, хотя сам этот термин распространился здесь лишь с конца 1950-х годов. Можно выделить структурализм ранний (московские фонологи, Г.О. Винокур, А.И. Смирницкий и др.) и поздний (1950–60-е годы). Ранний советский структурализм был идейно близок к Пражскому кружку и был за некоторыми исключениями, вроде А.И. Смирницкого, сосредоточен на фонологии: на сравнительно простом и обозримом материале легче всего было разрабатывать новые методы. К 1963 г. уклон в фонологию снизился, появилось стремление развивать синтаксис и семантику, но не по Хомскому.

Но главное, что пришло в 1950-е годы с Запада, – математизация. Ранее о ней речи не было; характерно, что «математическая формула построения алфавита» Н.Ф. Яковлева была арифметической, время построения математических моделей тогда еще не пришло. Следующее поколение пришло к выводу, что лингвистика – естественная наука, а критерий степени развития науки – ее математизация. Влияли общемировые процессы; тогда появились ЭВМ, наблюдались успехи СССР в космосе и других областях, и довольно скоро стало ясно, что участие лингвистов необходимо для развития новых областей науки и техники. «Передовые» лингвисты полагали, что за машинной лингвистикой будущее. Эта вера отразилась даже в художественной литературе, например в повести «Попытка к бегству» Стругацких. Символом современной лингвистики стал машинный перевод, который тогда в реальности еще не был создан.

И.А. Мельчук, чья популярность в 1960–70-е годы была огромной, стал самым ярким представителем очень влиятельного тогда направления науки о языке, считавшего ее естественной наукой и принимавшего постулат о том, что критерием продвинутой науки является ее математизация. Он выступил с моделью «смысл ↔ текст», о которой писал: «Модель “Смысл ↔ Текст” должна быть задана *совершенно формально* – посредством однозначных и логически последовательных формулировок, не требующих привлечения какой-либо, добавочной информации. В качестве контрольного критерия выдвигается принципиальная осуществимость модели или любого ее фрагмента на вычислительной машине» [Мельчук, 1974, с 20].

Разрыв с прошлым казался очень значительным, но в то же время объект исследований, по сути, остался тем же самым, что в других направлениях структурализма. Развитие выдерживалось в

рамках, установленных Ф. де Соссюром. Из двух знаменитых его дихотомий разделение синхронии и диахронии расширяло границы лингвистики (снялась обязательность исторического подхода), но разделение языка и речи (как раз не вызвавшее больших протестов) значительно их сужало. Об этом много сказано в «Курсе общей лингвистики», и кратко, но емко это выразил фактический соавтор Соссюра Ш. Балли: «Чтобы у исследователя “появился” некоторый шанс уловить реальное состояние языковой системы, он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, чтобы все внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов» [Балли, 2003, с. 39]. Сам же Соссюр говорил: в речи «нет ничего, кроме суммы частных случаев» [Соссюр, 1977, с. 57].

Как и дескриптивисты, сторонники математизации лингвистики старались не заглядывать внутрь «черного ящика». Не было интереса к говорящему человеку. Исключался антропоцентризм, взгляд на объект исследования допускался только со стороны, как положено в естественных науках. Афазии и детскую речь в это время у нас очень активно изучали (А.Р. Лурия и его школа), но вне лингвистики.

Среди данного лингвистического направления были и исключения. Прежде всего, следует назвать В.В. Иванова. В.В. Иванов и И.А. Мельчук принадлежали к одному лагерю, поддерживали друг друга, никогда не полемизировали, но позитивные программы у них были достаточно разные. В.В. Иванов обращался и к афазиям, и к изучению глухонемых, и к функциям полушарий мозга, постоянно занимался «немодной» тогда компаративистикой, от нее переходил к мифологии древних индоевропейцев. Но для того времени столь широкий подход было необычен.

Не все были согласны с машинными идеями, но редко предлагали убедительную критику. Пожалуй, самой содержательной была в 1960-е годы критика выдающегося ираниста и компаративиста В.И. Абаева. Он писал: «В языке переплетаются две системы: познавательная и знаковая. Элементы первой соотносимы с элементами объективной действительности и отражают в конечном счете структуру последней. Вторая (знаковая) система определяется внутриязыковыми корреляциями. В первой системе элементами структуры являются значения, во второй – чистые отношения. Лексика есть преимущественная сфера первых, фонетика – вторых. Промежуточное положение между этими двумя

полюсами занимают морфология и синтаксис» [Абаев, 2006, с. 103]. Он принимал структурную фонологию, но отвергал структурную семантику, изгонявшую человека. Его критика «дегуманизации» была отвергнута чуть ли не всеми советскими лингвистами, его даже обвиняли в «мракобесии». Но ведь структурная фонология действительно успешно развивалась, а структурная семантика смогла сделать очень мало.

Лингвистика в 1980-е годы

Теперь обратимся к последующей эпохе. Изменения в подходах к объекту исследования и методу стало проявляться в СССР к началу 1980-х годов. Одной из первых публикаций, наиболее четко это отразивших, стала статья А.Е. Кибрика «Лингвистические постулаты», впервые опубликованная в 1982 г. Позднее появился ее новый вариант [Кибрик, 1992].

А.Е. Кибрик писал: «То, что считается “нелингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным. В целом он направлен в сторону снятия априорно постулированных ограничений на право исследовать такие языковые феномены, которые до некоторой степени считаются недостаточно наблюдаемыми и формализуемыми и, следовательно, признаются непознаваемыми. И каждый раз снятие очередных ограничений дает новый толчок лингвистической теории, конкретным лингвистическим исследованиям» [Кибрик, 1992, с. 20]; «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, 1992, с. 20]; «Далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний.... Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа мышления и строить деятельностьную модель языка на принципе неполной детерминированности» [Кибрик, 1992, с. 33]; «Форма, в конечном итоге, всегда мотивируется смыслом, хотя в истории языков бывает, что эта связь стерта, демотивирована, и тогда надо искать исходное мотивированное состояние». [Кибрик, 1992, с. 25]; «Всякое хорошее формальное описание может быть изложено и неформально» [Кибрик, 1992, с. 43].

Этот языковед начинал как последователь И.А. Мельчука, но к 1980-м годам. значительно изменил позицию. Он не только отказывался от жестких рамок Соссюра, но отверг, в отличие от Н. Хомского, любое априорное установление границ лингвистики.

Он не раз говорил, что Ф. де Соссюр, сыграв значительную историческую роль, уже отзвучал, а вот Э. Сепир актуален.

А.Е. Кибрик, безусловно, не излагал индивидуальные взгляды, а эксплицитно выразил тенденции, постепенно становившиеся более распространенными. Крайне схематизируя, всю лингвистику можно свести к поискам ответа на три вопроса: «Как устроен язык?», «Как изменяется язык?» и «Как функционирует язык?». Первый вопрос пытались решать с глубокой древности, в XIX в. на первый план вышел второй вопрос, в начале XX в. снова приоритетной проблемой стало устройство языка, но функционирование языка – на самом деле, самая важная проблема – редко оказывалось в центре внимания. Лишь немногие ученые обращались к этому вопросу. Из наиболее известных можно назвать В. фон Гумбольдта, а позднее Э. Сепира. Последний выделил две главные функции языка: символическую (сейчас ее чаще называют когнитивной) и коммуникативную. То есть это функция познания и членения мира и функция общения.

Постепенно в СССР, а затем в России стали активно развиваться лингвистические дисциплины, изучающие в том или ином аспекте функционирование языка; большинство из них развивается и в других странах. Это и теория речевых актов, и прагматика, и анализ дискурса, и лингвистика текста, и изучение жанров, и многое другое. Как обобщающий термин используется «функционализм». Функционализм, в отличие от генеративизма, не составляет какого-либо единства, но изучает теми или иными методами человека в языке.

Данные направления ставят задачу не ограничиваться описанием языка и предлагают те или иные объяснение языковых явлений. Особенно это заметно в области типологии, которая впервые со времен братьев Ф. Шлегеля и А. Шлегеля, а также В. фон Гумбольдта стала одной из ведущих областей языкознания. Как писал А.Е. Кибрик в работе «Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания», «на смену безраздельного господства КАК-типологии приходит *объяснительная* ПОЧЕМУ-типология, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования / несуществования тех или иных явлений» [Кибрик, 1992, с. 29].

Из традиционных областей языкознания, помимо типологии, центральное место заняла семантика. По существу, ранее она сводилась лишь к отдельным фрагментам, а теперь семантические исследования ведутся системно. Идея о центральной роли семантики ранее иногда декларировалась, но не смогла реализоваться ни в структурализме, ни в генеративизме. Теперь, когда лингвистика

стал развиваться по-новому, стало ясно, что семантику нельзя изучать атомарно, на уровне отдельных слов. «Прагматизация значения имела далеко идущие последствия: значение высказывания стало считаться неотделимым от прагматической ситуации, а значение многих слов начали определять через указание на коммуникативные цели речевого акта ... Значение слова стало рассматриваться в связи с коммуникативной направленностью речевого акта, то есть как орудие, посредством которого мы совершаем действие» [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 13]. Таким образом, семантика определяется тем, что Соссюр относил к речи, которую считал «суммой частных случаев». И место семантики стало иным: принят постулат об исходной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру [Кибрик, 2015, с. 32], то есть форма мотивируется смыслом.

Есть и направления, ранее развивавшиеся обособленно, а теперь вписавшиеся в функциональную парадигму лингвистических исследований. К их числу относится социолингвистика. Начинает развиваться нейролингвистика. Исследуется формирование языка у ребенка.

От формализации не отказались, но она перестала быть главным требованием. Уже нет речи об осуществимости модели на ЭВМ. И тем не менее теоретические и прикладные проблемы машинной лингвистики и сейчас в центре внимания. О машинном переводе меньше говорят, чем когда-то, но сейчас уже действуют работающие системы. И, безусловно, весь облик лингвистики меняет появление корпусов.

Однако в целом наблюдается снижение строгости и проверяемости. Признается, что многие стороны функционирования языка не допускают формализацию (навсегда или нет?). Типичный пример – так называемые «картины мира», одна из центральных проблем когнитивистики. Об этом писал еще Гумбольдт, а затем Э. Сепир и Б. Уорф, фактического материала накоплено очень много, но что-либо доказать невозможно из-за отсутствия метода.

Заключение

По-новому теперь звучит и вопрос о месте лингвистики среди других наук. В прошлом в разные эпохи ее относили то к гуманитарным, то к естественным наукам. Наука о языке, безусловно, имеет много точек соприкосновения с естественными науками, но в по-

следние десятилетия во в разных направлениях лингвистических исследований наблюдается усиление роли гуманитарных аспектов.

И вопрос, остающийся пока нерешаемым: где провести границы лингвистики? Бывают попытки включить сюда чуть ли не всю гуманитарную проблематику. Пока неясно.

Список литературы

- Абаев В.И. Об историзме в описательном языкознании // Абаев В.И. Статьи по теории и истории языкознания. – Москва : Наука, 2006. – С. 99–107.
- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 8–42.
- Балли Ш. Язык и жизнь. – Москва : УРСС, 2003. – 242 с.
- Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – Москва : МГУ, 1992. – 336 с.
- Кибрик А.А. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. – Москва : Институт языкознания РАН, 2015.
- Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст»: семантика, синтаксис. – Москва : Наука, 1974. – 316 с.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1977. – 696 с.

References

- Abaev, V.I. Ob istorizme v opisatel'nom yazykoznanii [On historical approach in descriptive linguistics]. In Abaev V.I. *Statyi po teorii i istorii yazykoznaniiya* [Articles on the theory and history of linguistics]. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 99–107. (In Russian)
- Arutyunova, N.D., Paducheva, E.V. Istoki, problemy i kategorii grammatiki [The origins, problems and categories of grammar]. In *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], Iss. 16: Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics]. Moscow: Progress, 1985. Pp. 8–42. (In Russian)
- Balli, Sh. *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. Moscow: URSS, 2003. 242 p. (In Russian)
- Kibrik, A.E. *Ocherki po obschim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya* [Essays on general and applied issues of linguistics]. Moscow: MGU, 1992. 336 p. (In Russian)
- Kibrik, A.A. Kognitivnyi podhod k yazyku [Cognitive approach to language]. In *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: Modern cognitive linguistics]. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN, 2015. (In Russian)
- Mel'tchuk, I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley "Smysl ↔ Tekst": Semantika, Sintaksis* [The theory of "Meaning <-> Text" models: Semantics, Syntax]. Moscow: Nauka, 1974. –316 p. (In Russian)
- Saussure, F. de. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow: Progress, 1977. 696 p. (In Russian)

КОММУНИКАЦИЯ. ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

COMMUNICATION. DISCOURSE. SPEECH GENRES

УДК 81'42

DOI: 10.31249/ling/2025.01.02

Ершова Е.В.¹

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭММАНЮЭЛЯ МАКРОНА

Аннотация. В статье рассматривается проблема репрезентации эмоций в политическом дискурсе Эмманюэля Макрона. Цель данной работы – выявить дискурсивные особенности языковой личности французского политика с точки зрения выражения эмоций и их воздействия на адресата. Материалом исследования послужили тексты выступлений президента Франции Э. Макрона. Для реализации поставленной цели использовались следующие методы исследования: описательный, интерпретации текста и классификации. Автор пришел к выводу, что цель выступлений политика – формирование у адресата позитивного восприятия и провоцирование положительных эмоций на будущее. Данная интенция реализуется посредством разнообразных языковых средств, выполняющих, в частности, функцию эмоционального воздействия на адресата.

Ключевые слова: политический дискурс; политик; Э. Макрон; репрезентация эмоций; адресат; французский язык.

Для цитирования: Ершова Е.В. Репрезентация эмоций в политическом дискурсе Эмманюэля Макрона // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1. – С. 18–30. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.02

¹ © Ершова Е.В., 2025

Ершова Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры европейских языков Дипломатической Академии МИД РФ; anelnadej@yandex.ru

ERSHOVA E.V.¹

REPRESENTATION OF EMOTIONS IN THE POLITICAL DISCOURSE OF EMMANUEL MACRON

Abstract. The article examines the problem of representing emotions in the political discourse of Emmanuel Macron. The purpose of this work is to identify the discursive features of the linguistic personality of the French politician in terms of the expression of emotions and their impact on the audience. The material of the study was the texts of 3 speeches of French President Emmanuel Macron. Methods: descriptive, text interpretation and classification. The author came to the conclusion that the purpose of the politician's speeches is to form a positive perception and to project positive emotions into the future. This intention is realized through a variety of linguistic means, performing, in particular, the function of emotional impact on the audience.

Keywords: political discourse; communication; politician; E. Macron; representation of emotions; the French language.

For citation: Ershova, E.V. Representation of emotions in the political discourse of Emmanuel Macron. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 18–30. DOI: 10.31249/ling/2025.01.02

Введение. Материалы исследования

В последние десятилетия понятие дискурс представлено в научных исследованиях отечественных и зарубежных ученых, имеет междисциплинарный характер и является предметом исследовательского анализа филологических, лингво–когнитивных, психологических и смежных с ними наук [Арутюнова, 1999; Дейк ван, 2022; Караулов, 2010; Шейгал, 2000]. В настоящей статье мы опираемся на понятие дискурс, предложенное Н.Д. Арутюновой, и понимаем его в широкой интерпретации как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1999].

Современный мир характеризуется возрастающим интересом к восприятию, пониманию и интерпретации политических событий, что связано, в частности, с усилением роли СМИ и дигитализацией общества. Данный факт позволяет говорить о возрастании политиче-

¹ © Ershova E.V., 2025

Ershova Elena Vladimirovna – Candidate of Pedagogy, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; anelnadej@yandex.ru

ского воздействия на аудиторию и большой вероятности манипулирования сознанием адресата. Это определяет актуальность исследования политического дискурса, который является предметом изучения политической лингвистики и понимается в данной работе как отдельная разновидность дискурса. В ряде научных исследований понятие «политический дискурс» рассматривается в узком смысле [Баранов, 1993] и определяется как собственно дискурс политиков, который реализуется в виде «правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков» и в широкой интерпретации. В данной работе мы придерживаемся более широкого понимания феномена «политического дискурса» как «совокупности всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом». [Арутюнова, 1999]

Цель данной статьи – выявить и проанализировать ситуации репрезентации эмоций в политическом дискурсе главы Французской Республики Эмманюэля Макрона. **Предметом** исследования являются особенности политического дискурса Э. Макрона с позиции выражения эмоций. **Материалом** для анализа служат выступления политика за 2017 и 2020–2023 годы, в частности – Первая инаугурационная речь, г. Париж, 7 мая 2017 г. (Le premier discours d'investiture), Выступление Президента по случаю избрания на второй срок, г. Париж, 24 апреля 2022 г. (Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur sa réélection à la Présidence de la République française et le projet de son deuxième quinquennat), и речь по случаю 75-й годовщины Декларации Прав Человека, г. Париж, 10 декабря 2023 г. (Discours du Président de la République à l'occasion du 75e anniversaire de la Déclaration des Droits de l'Homme). Указанная цель работы определяет **задачи** исследования – выявить коммуникативные стратегии оратора и проанализировать особенности языкового поведения субъекта политического дискурса с точки зрения использования языковых средств для репрезентации эмоций и эмоционального воздействия на адресата.

Обсуждение и результаты

Современный мир коммуникации демонстрирует важную роль эмоций. Это проявляется, в частности, в экономической, политической напряженности во взаимоотношениях власти и народа, в социальной напряженности между различными социальными группами, политическими объединениями. Современные исследования в области психологии, когнитивной лингвистики, философии [Дейк ван,

2022; Караулов, 2010; Шапочкин, 2012; Шаховский, 2012] подтверждают многофункциональный характер эмоций. В настоящем исследовании рассматривается функция положительного / отрицательного санкционирования, регулятивная и функция оценивания. Исследование эмотивных компонентов единиц языка является предметом изучения лингвистики эмоций (эмотиологии) – относительно новой отрасли языкознания. В данной статье мы опираемся на понятие «эмотивности», которое включает, в частности, эмотивную лексику и лексику эмоций. Под эмотивной лексикой в настоящем исследовании понимается вся совокупность лексических средств, непосредственно называющих конкретные эмоции. Лексика эмоций представлена лексическими единицами, выражающими или описывающими эмоции и эмоциональное состояние. [Шаховский, 2012] По мнению В.И. Шаховского, исследователя лингвистической теории эмоций, «категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстает в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах» [Шаховский, 2012].

Следует заметить, что любое выступление политика апеллирует в первую очередь к рациональному восприятию, однако речь оратора, как правило, включает эмоциональную составляющую и затрагивает эмоциональную сферу адресата. Прибегая к стратегии формирования эмоционального настроения адресата, политик оперирует мощным средством воздействия и манипулирования.

Анализ выступлений Э. Макрона позволяет выявить следующие тактики и языковые средства, к которым прибегает глава Французской республики для придания речи эмоциональности:

– выражение личных эмоций и переживаний: *C'est ce qui fait du peuple français cette force singulière que j'aime si profondément, si intensément. / Именно это придает французскому народу ту особую силу, которую я люблю так глубоко и так сильно.*

...et que je suis si fier de servir à nouveau. / ...и которому я вновь с гордостью готов служить.

La responsabilité qu'ils m'ont confiée est un honneur, dont je mesure la gravité... / Ответственность, которую мне доверили, – это честь...

et je veux redire ici tout mon respect pour les combattantes et les combattants de la liberté que vous êtes... / и я вновь хочу выразить вам все свое уважение, вам – борцам за свободу...

– использование эмотивных ситуаций, демонстрирующих противопоставление «свои – чужие» и указание на эмоции: *Je sais aussi*

que **nombre de nos compatriotes** ont voté ce jour pour moi non pour soutenir les idées que je porte mais pour faire barrage à celles de l'extrême droite. Je pense enfin à ceux qui ont voté pour Madame Le Pen dont je sais **la déception** ce soir... / Я думаю о тех, кто отдал свои голоса... за мадам Ле Пен, я понимаю, как велико ее разочарование...

Je sais aussi que pour **nombre de nos compatriotes**, qui ont choisi aujourd'hui l'extrême droite, **la colère et les désaccords** qui les ont conduits à voter pour ce projet, doivent trouver une réponse... / Я также знаю, что многие наши соотечественники, которые сегодня выбрали крайне правых и испытывают гнев и разочарование, должны найти ответ...

– использование эмотивных ситуаций, представляющих эмоции множественного субъекта: *Or, depuis des décennies, la France doute d'elle-même. Elle se sent menacée dans sa culture, dans son modèle social, dans ses croyances profondes. Elle doute de ce qui l'a faite.* / На протяжении десятилетий Франция сомневается. Она чувствует угрозу по отношению к своей культуре, своему социальному строю, своим принципам. Она сомневается в том, что составляет ее основу.

Ce que la France avait à dire au monde s'est parfois **trouvé affaibli par une situation nationale percluse d'inquiétude**... / То, что Франция хотела сказать миру, было искажено чувством беспокойства...

Car le vote de ce jour nous impose de considérer toutes les difficultés des vies vécues et de répondre avec efficacité **aux colères qui se sont exprimées**... / Потому что сегодняшнее голосование требует от нас учитывать все трудности, реагировать на все ситуации, вызывающие гнев...

Les démocraties qui respectent le droit, incriminent et enquêtent sur leurs crimes, ne peuvent avoir peur... / Демократические страны, которые уважают закон и разоблачают преступления, не боятся...

– использование эмотивных ситуаций, представляющих эмоции множественного субъекта, который включает также субъект речи:

Tout ce qui fait de **la France un pays sûr, où l'on peut vivre sans avoir peur**... / Все то, что делает Францию безопасной, где мы можем жить, не испытывая страх...

Il nous faudra aussi, mes amis, être **bienveillants et respectueux, car notre pays est pétri de tant de doutes, de tant de divisions**... / Нам придется, друзья мои, быть доброжелательными и уважительными, поскольку наша страна погрязла в сомнениях и разногласиях...

Parce que **nous aurons su dépasser ensemble nos craintes et nos**

angoisses. / Мы сможем вместе преодолеть наши страхи и опасения.

– обращение к ситуациям, демонстрирующим изменения эмоционального состояния с плохого на хорошее:

Les Françaises et les Français qui se sentent oubliés par ce vaste mouvement du monde devront se sentir mieux protégés. / Француженки и французы, которые чувствуют себя забытыми, должны будут почувствовать себя более защищенными.

– проецирование положительных эмоций на будущее для их перспективного отражения: *Il nous reviendra ensemble d'oeuvrer à cette unité par laquelle seule nous pourrons vivre plus heureux en France et relever les défis...* / Нам предстоит вместе работать, чтобы достичь единства, благодаря этому стать счастливее и отвечать на вызовы...

Ensemble, nous aurons à les écrire pour nos générations... / Вместе мы напишем их для наших будущих поколений...

Pour cela, il nous faudra être exigeants et ambitieux. / Нам придется быть требовательными и смелыми.

Mes chers compatriotes, c'est avec ambition et bienveillance pour notre pays, pour nous tous, que je veux pouvoir à vos côtés aborder les cinq années qui viennent. / Мои дорогие соотечественники, с гордостью за нашу страну, за всех нас я собираюсь приступить к своим обязанностям на ближайшие 5 лет.

С точки зрения семантики в политическом дискурсе Э. Макрона присутствуют положительные эмоции (*amour, confiance, honneur, certitude, discernement*), отрицательные (*peur, crainte, angoisse, inquiétude, doute, découragement de Françaises et de Français, défiance, haine*), социальные (*solidarité, dignité, la pérennité*) и этикетные (*honneur, gratitude, remerciement*).

Экспрессивность речи достигается благодаря использованию следующих стилистических приемов:

– бессоюзное перечисление с функцией усиления значимости объекта, нарастания эмоциональной составляющей высказывания: *Il y a des faits qui doivent être documentés, qualifiés, jugés.*

...nous aurons besoin d'une Europe plus efficace, plus démocratique, plus politique...

l'émancipation, la création et l'innovation seront au coeur de mon action...

Qu'il s'agisse de la crise migratoire, du défi climatique, des dérives autoritaires, des excès du capitalisme mondial, et bien sûr du terrorisme.

– синтаксический параллелизм: *...le travail sera libéré, les entreprises seront soutenues, l'initiative sera encouragée...*

Rien ne sera concédé à la facilité ni au compromis. Rien n'affaiblira

ma détermination. Rien ne me fera renoncer à défendre en tout temps et en tout lieu les intérêts supérieurs de la France.

– повтор: **Rien, rien** ne peut justifier une pénalisation, quelle qu'elle soit.

– эпифора: ...Non,.... c'est **faux** et c'est résolument **faux**.

– анафора: **Ils ont besoin d'une France** forte et sûre de son destin.

Ils ont besoin d'une France qui porte haut la voix de la liberté et de la solidarité. **Ils ont besoin d'une France** qui sache inventer l'avenir.

La France n'est forte que si elle est prospère. **La France n'est un modèle pour le monde que si** elle est exemplaire.

Chacun d'entre nous y aura une responsabilité. **Chacun d'entre nous** aura à s'y engager. Car **chacun d'entre nous** compte plus que lui-même... / Каждый из нас будет нести ответственность, каждому из нас придется взять на себя обязательства, поскольку участие каждого необходимо...

Parce que nous aurons rendu aux Français le goût de l'avenir et la fierté... **Parce que nous aurons su dépasser ensemble.... Parce que nous aurons su donner ensemble l'exemple...** / Потому что мы вернем французам вкус к будущему и гордость... Потому что мы сможем вместе преодолеть... Потому что мы сможем вместе подать пример....

– сравнение: **écrire une des plus belles pages** de notre Histoire / написать одну из прекраснейших страниц нашей истории; **comme par magie** / как по волшебству; **les plus vulnérables** / самые уязвимые;

– императивные конструкции: **les Français ont choisi. Qu'ils en soient ici remerciés** / Французы сделали выбор. Благодарю их за это; **Rendons justice à nos prédécesseurs** / Давайте воздадим должное нашим предшественникам;

– восклицательные конструкции: **Vive la République! Et vive la France!** / Да здравствует Республика! Да здравствует Франция!

– междометия: **Monsieur Robert BADINTER, le sait ô combien, je m'étais engagé à ses côtés** / Господин Роберт Бадинтер прекрасно это знает, я был рядом с ним...; **geste ô combien remarquable** / какой прекрасный поступок; **c'est l'objectif ô combien ambitieux** / это очень амбициозная цель.

– использование будущего времени позволяет оратору вызвать доверие аудитории: **Il m'appartiendra de convaincre les Françaises et les Français** / Мне предстоит убедить француженок и французов; **Je convaincrail nos compatriotes** / Я намерен убедить наших соотечественников; **Je ne céderai sur rien des engagements pris vis-à-vis des Français** / Я не откажусь ни от одного обязательства, данного французам; **Pour cela, je veillerai** / В этих целях я гарантирую; **Je ferai tout ce**

qui est en mon pouvoir / Я сделаю все, что в моих силах; Dès ce soir, je serai au travail / Я приступаю к работе уже сегодня вечером; J'espère que nous pourrons rapidement.. / Я надеюсь, что мы сможем в ближайшее время...

Анализ выступлений Эмманюэля Макрона с позиции использования оратором лексических средств выражения эмоций позволяет выявить широкий набор эмоциональной лексики. Под эмоциональной лексикой мы понимаем «слова, имеющие выраженную языковыми средствами эмоциональную окрашенность, слова, служащие обозначением испытываемых чувств, настроений, переживаний или средством выражения эмоциональной оценки» [Розенталь, Теленкова, 2022].

Оратор использует, в частности, эмотивные глагольные конструкции : *qu'ils m'ont confiée* (которую мне доверили); *se replier sur le passer* (ограничиться прошлым, замкнуться на прошлом); *embrasser l'avenir* (выбрать будущее); *Elle se sent menacée* (она чувствует угрозу); *Elle doute* (она сомневается); *rassurer* (обнадежить); *avoir peur* (бояться); *qui forge notre solidarité* (укрепляет нашу солидарность); *se hisser à la hauteur du moment* (оказаться на высоте); *concéder à la facilité* (выбрать легкий путь); *convaincre* (убеждать); *se battre contre tous les obscurantismes* (бороться с мракобесием);

– эмотивные существительные: *un nouvel élan* (новый импульс); *leur foi* (вера, приверженность); *le découragement* (отчаяние); *l'espoir* (надежда); *l'esprit de conquête* (победное воодушевление); *cette confiance en...* (эта вера, доверие...); *une puissance industrielle majeure* (великая промышленная держава); *la vigueur de la France et sa prospérité* (сила Франции и ее процветание); *l'audace* (отвага, дерзость); *la fierté* (гордость); *la réconciliation du rêve français et du rêve européen* (примирение французской и европейской мечты); *l'inquiétude* (беспокойство); *des dérives* (злоупотребления); *notre puissance* (наша сила); *cet héritage si précieux* (такое ценное наследие); *tous les obscurantismes* (мракобесие).

– эмотивные прилагательные: *le passé illusoire* (иллюзорное прошлое); *la certitude intime* (искренняя уверенность); *un rôle immense* (великая роль); *à l'orée d'une extraordinaire renaissance* (на пороге выдающегося подъема); *majeure* (великая); *le sens profond* (глубокий смысл); *prospère* (процветающий); *exemplaire* (образцовый); *un climat intérieur délétère* (пагубный, тлетворный климат); *que nous soyons solides et clairvoyants* (чтобы мы были сильными и проницательными); *la tâche considérable et exaltante* (важная и волнующая задача); *des parallèles scabreux* (скабрзные параллели); *haineux* (разжигающий ненависть); *les discours de haine* (речи, разжигающие

ненависть); *ce peuple si courageux* (такой смелый народ); *une confusion funeste* (катастрофическая путаница);

– эмотивные наречия: *une France qui porte haut la voix* (Франция громко заявляющая..); *J'en suis pleinement conscient* (Я полностью отдаю отчет...); *injustement oubliés* (несправедливо забытые); *la crise financière qui avait si violemment frappé...* (финансовый кризис, который так яростно ударил...); *perclus d'inquiétude* (искалеченный беспокойством); *C'est pour cette mission qu'humblement je servirai notre peuple* (именно ради этой цели я собираюсь смиренно служить нашему народу); *singulièrement* (исключительно);

Характерным для политического дискурса Эмманюэля Макрона является использование лингвистических элементов, которые уточняют семантическое значение эмотивной единицы (*la défiance démocratique* / демократическое недоверие; *espoirs brisés* / разбитые надежды; *insécurité économique* / экономическая нестабильность).

Наиболее частотными в анализируемых выступлениях являются

– лексемы: *la confiance* / доверие, *l'honneur* / честь, *la certitude* / уверенность, *vos efforts* / ваши усилия, *une majorité* / большинство, *la mission de la France* / миссия Франции, *une grande Nation* / великая нация, *vivre plus heureux* / жить счастливее, *être fort* / быть сильными, *en France* / во Франции, *ambitieux* / амбициозные, *détermination et force* / решимость и сила, *bâtir* / строить, *oeuvrer* / трудиться, *cette liberté* / эта свобода, *la démocratie* / демократия, *la bataille* / битва, *un devoir* / долг, *se battre* / бороться, *chacun* / каждый, *la protection* / защита, *le respect* / уважение, *le combat* / схватка, *le découragement* / отчаяние; *une certaine vision de l'homme digne et libre* / определенное видение человека свободного и достойного.

– лексико-синтаксические конструкции: *chers amis* / дорогие друзья, *chers compatriotes* / дорогие соотечественники, *je sais que vous* / я знаю, что вы, *je veux* / я хочу, *je pense* / я думаю, *ce sera* / это будет, *il nous faudra* / нам понадобится, *il faut redire* / необходимо еще раз сказать, *il nous reviendra ensemble* / нам предстоит вместе, *ils ont besoin d'une France* / им нужна Франция, *il m'appartiendra* / мне предстоит, *je ne céderai pas* / я не пойду на уступки, *je vous rassure* / я вас уверяю, *je convaincrail* / я смогу убедить, *je souhaite que désormais* / я хочу, чтобы отныне, *nous y avons œuvré* / мы над этим работали, *nous continuerons* / мы продолжим, *nous avons tant à faire* / нам предстоит столько сделать. *Nous savons que la liberté est un combat de chaque matin* / Мы знаем, что свобода – это битва, которая продолжается каждый день.

Данные языковые средства позволяют оратору апеллировать к чувству гордости за великую страну и нацию, за ее великое предна-

значение и роль на мировой арене.

Многokrатное употребление личного местоимения «я» демонстрирует аудитории решительность и вызывает чувство уверенности в активной и деятельной позиции оратора. Использование местоимения «мы» обеспечивает реализацию идеи солидарности и сопричастности.

В анализируемых выступлениях широко представлена регулятивная прагматическая установка оратора. Говорящий рекомендует, предписывает аудитории чувства и эмоции, которые необходимо испытывать: *il nous faudra être exigeants et ambitieux* / нам придется быть требовательными и амбициозными; *nous devons retrouver le sens profond, la dignité* / мы должны найти глубокий смысл, вновь обрести достоинство; *aujourd'hui vous avez fait le choix d'un projet humaniste, ambitieux* / сегодня вы сделали свой выбор – гуманистическое, амбициозное будущее; *alors il nous faudra être fort* / итак, нам придется быть сильными; *car le monde attend de nous que nous soyons forts, solides et clairvoyants* / поскольку мир надеется, что мы будем сильными, уверенными и проницательными; *nous aurons besoin d'une Europe plus efficace, plus démocratique, ... car elle est l'instrument de notre puissance et de notre souveraineté* / нам нужна более эффективная, более демократичная Европа, так как она является инструментом нашего могущества и суверенитета; *Voilà pourquoi nous sommes ici ce jour, pour tous ceux qui, partout en ce monde, vivent dans l'espérance de la liberté, de l'égalité, de la fraternité* / Мы здесь, ради тех кто живет в надежде обрести свободу, равенство, братство.

Выводы

Анализ выступлений Эмманюэля Макрона с точки зрения репрезентации эмоций позволяет сделать следующие выводы:

– выступления с инаугурационной речью и речь по случаю 75-й годовщины Декларации Прав Человека относятся к дискурсу институциональной коммуникации, являются частью торжественной церемонии и характеризуются высокой степенью ритуальности. Оратор позиционирует себя как волевого, энергичного, решительного политического лидера, готового взять на себя всю полноту ответственности за будущее страны и французского народа.

– интегративная функция анализируемых обращений выражается в использовании тактики «единения» и осуществляется, в частности, посредством использования эмотивных конструкций с семантикой взаимодействия и сопереживания. Оратор призывает забыть о

политических разногласиях и отнестись с пониманием к политическим противникам *Non, ne sifflez personne. Depuis le début je vous ai demandé de ne jamais siffler / Нет, не надо свистеть. С самого начала я призывал вас никого не освистывать».*

– инспиративная функция выступлений достигается благодаря использованию стратегии возвеличивания нации, страны, французского народа. С этой целью оратор прибегает к тактике убеждения, призыва к восхищению силой, могуществом и величием Французской Республики, что прослеживается в выборе языковых средств – присутствие личного местоимения *nous* / мы, *vous* / вы, детерминатива *notre certitude* / наша уверенность, *nos forces* / наши силы. Семантика величия реализуется в использовании суперлатива.

– функция непосредственного эмоционального воздействия на аудиторию выражается в использовании тактики единения в исключительные моменты истории. Оратор обращается к эмоциям, отражающим величие и исключительность момента – *amour, gratitude, confiance, honneur*. С этой целью президент использует эксплицитную номинацию соответствующей эмоции *solidarité, dignité, inquiétude, doute*, что позволяет аудитории осознать всю важность и ценность эмотивной ситуации; широкий набор стилистических приемов – повтор, перечисление, синтаксический параллелизм; а также разнообразные типы эмотивов – эмотивные существительные, прилагательные, наречия и эмотивные глагольные конструкции.

– доминантной характеристикой выступлений Эмманюэля Макрона является направленность на будущее и позитивное воздействие на аудиторию.

– дискурсивный анализ выступлений французского политического лидера позволяет утверждать, что политик в совершенстве владеет стратегиями и тактическими приемами эмоционального воздействия на аудиторию. Э. Макрон оперирует разнообразными языковыми средствами, позволяющими эффективно и убедительно ориентировать аудиторию на восприятие своих выступлений для реализации, в частности, интегративной, инспиративной функции и функции эмоционального воздействия политической речи на адресата.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
- Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 182 с.
- Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. – Москва : Книжный дом, 2022. – 344 с.
- Егорова О.Г. Прагматика дипломатического дискурса (на примере выступлений представителей дипломатических служб и глав Франции и Великобритании) / О.Г. Егорова, Н.А. Емельянова, У.А. Савельева // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 265–277.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Москва : Мир и образование, 2022. – 624 с.
- Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. – Москва : Гнозис, 2014. – 304 с.
- Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект : монография. – Тюмень, 2012. – 260 с.
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
- Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur sa réélection à la Présidence de la République française et le projet de son deuxième quinquennat, à Paris le 24 avril 2022. [Electronic resource] // France Info. – URL : <https://www.viepublique.fr/discours/284950-emmanuel-macron-24042022-presidence-de-la-republique> (accessed 16.03.2024).
- Discours du Président de la République à l' occasion du 75e anniversaire de la Déclaration des Droits de l'Homme, , à Paris le 10 décembre 2022. [Electronic resource] // France Info. – URL : <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/12/10/75eme-anniversaire-de-la-declaration-universelle-des-droits-de-lhomme> (accessed 16.03.2024).
- Le premier discours d'investiture d'Emmanuel Macron, à Paris le 14 mai 2017. [Electronic resource] // France Info. – URL : <https://www.ina.fr/ina-eclair-actu/14-mai-2017-emmanuel-macron-prononce-son-premier-discours-d-investiture> (accessed 16.02.2024).

References

- Arutiunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow : Shkola “Yazyki russkoj kul’tury”, 1999. 896 p. (In Russian)
- Baranov A.G. *Funkcional’no-pragmaticheskaya koncepciya teksta* [Functional-pragmatic concept of text]. Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 1993. 182 p. (In Russian)
- Dejk T.A. van. *Diskurs i vlast’: Rezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and power: Representing dominance in language and communication]. Moscow: Knizhnyj dom, 2022. 344 p. (In Russian)
- Egorova O.G., Emel’yanova N.A., Savel’eva U.A. *Pragmatika diplomaticheskogo diskursa (na primere vystupenij predstavitelej diplomaticheskikh sluzhb i glav Fran-*

- cii i Velikobritanii) [Pragmatics of diplomatic discourse (on the example of speeches by representatives of diplomatic services and heads of France and Great Britain)]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 2019. T. 6, № 2. S. 265–277. (In Russian)
- Karaulov Yu.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 p. (In Russian)
- Rozental' D.Eh., Telenkova, M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Moscow: Mir i obrazovanie, 2022. 624 p. (In Russian)
- Sokolova O.V. *Tipologija diskursov aktivnogo vozdejstvija: poeticheskij avangard, reklama i PR* [Typology of discourses of active influence: Poetic avant-garde, advertising and PR]. Moscow: Gnosis, 2014. 304 p. (In Russian)
- Shapochkin D.V. *Politicheskij diskurs: kognitivnyj aspekt* [Political discourse: cognitive aspect]. Tyumen', 2012. 260 p. (In Russian)
- Shakhovskij V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emocij* [Linguistic theory of emotions]. Moscow: Gnozis, 2008. 416 p. (In Russian)
- Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena, 2000. 368 p. (In Russian)
- Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur sa réélection à la Présidence de la République française et le projet de son deuxième quinquennat, à Paris le 24 avril 2022. *France Info*. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/284950-emmanuel-macron-24042022-presidence-de-la-republique> (accessed 16.03.2024).
- Discours du Président de la République à l'occasion du 75e anniversaire de la Déclaration des Droits de l'Homme, à Paris le 10 décembre 2022*. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/12/10/75eme-anniversaire-de-la-declaration-universelle-des-droits-de-lhomme> (accessed 16.03.2024).
- Le premier discours d'investiture d'Emmanuel Macron, à Paris le 14 mai 2017. *France Info*. URL: <https://www.ina.fr/ina-eclaire-actu/14-mai-2017-emmanuel-macron-prononce-son-premier-discours-d-investiture> (accessed 16.02.2024).

Сергиевская Л.А., Федосеева Л.Н., Мелехова Л.А.¹

МЕСТОИМЕНИЕ «Я»: УСЛОВИЯ ОПРАВДАННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. Цель работы – описать условия оправданного употребления местоимения «я» в соответствии с правилами русского речевого этикета, а именно принципом авторской скромности. Этот принцип диктует отказ от употребления данного местоимения, что достигается различными структурно-семантическими способами. Но иногда автору необходимо использовать «я» или «мы» в тексте. В работе уточнены виды синтаксических конструкций, требующих использования личного местоимения первого лица. Особое внимание уделено поэтической речи, где семантика местоимения «я» трансформируется, расширяется под влиянием жанра, и стилистическим приемам, связанным с использованием «я» в публицистике.

Ключевые слова: местоимение «я»; русский речевой этикет; принцип авторской скромности; оправданное употребление.

Для цитирования: Сергиевская Л.А., Федосеева Л.Н., Мелехова Л.А. Местоимение «я»: условия оправданного употребления // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1. – С. 31–45. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.03

¹ © Сергиевская Л.А., Федосеева Л.Н., Мелехова Л.А., 2025

Сергиевская Любовь Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; l.sergievskaya@365.rsu.edu.ru

Федосеева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков Академии ФСИН России; ln-fedoseewa@yandex.ru

Мелехова Любовь Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; l.melehova@mail.ru

Abstract. The purpose of the work is to describe the conditions for the justified use of the pronoun “I” in accordance with the rules of Russian speech etiquette, namely the principle of author's modesty. This principle dictates the rejection of the use of this pronoun, which is achieved in various structural and semantic ways. But sometimes the author needs to use “I” or “we” in the text. The paper clarifies the types of syntactic constructions that require the use of the personal pronoun of the first person. Special attention is paid to poetic speech, where the semantics of the pronoun “I” is transformed, expanded under the influence of genre, and stylistic techniques associated with the use of “I” in journalism.

Keywords: the pronoun “I”; Russian speech etiquette; the principle of author's modesty; justified use.

For citation: Sergievskaya, L.A., Fedoseeva, L.N., Melekhova, L.A. The pronoun “I”: conditions of justified use. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 31–45. DOI: 10.31249/ling/2025.01.03

Введение

Русский речевой этикет требует соблюдения принципа авторской скромности, который состоит в отсутствии акцента на личности говорящего. Этот принцип диктует отказ от употребления местоимения «я», что достигается различными структурно-семантическими способами: односоставной структурой предложений, замене «я» на «мы» (авторское «мы» является, как известно, обязательным для академической среды), различными лексико-семантическими вариантами обозначения автора. И действительно, все виды бытовой, публичной, официально-деловой речи, кроме отдельных документов, могут существовать без употребления подлежащего-местоимения, если ис-

¹ © Sergievskaya L.A., Fedoseeva L.N., Melekhova L.A., 2025

Sergievskaya Lyubov Alekseevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching at Ryazan State University named after S.A. Yesenin; l.sergievskaya@365.rsu.edu.ru

Fedoseeva Larisa Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; ln-fedoseewa@yandex.ru

Melekhova Lyubov Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching at Ryazan State University named after S.A. Yesenin; l.melekhova@mail.ru

пользуется форма глагола в первом лице. Это соответствует правилам русского речевого этикета.

Объект исследования – функционирование личного местоимения первого лица единственного числа в рамках русского речевого этикета при соблюдении принципа авторской скромности. Предметом изучения явились условия оправданного употребления местоимения «я» в высказывании. При том, что личным местоимениям уделяли внимание в своих работах в последние годы многие лингвисты [Сахарова Е.Е., Басенко Г.В., Чунахова Л.В., Волков В.В., Волкова Н.В., Ефанова Л.Г., Гранева И.Ю., Муравлева В.Р., Чжао Я. и др.], под таким углом зрения данные языковые единицы не рассматривались. Кроме того, в фокусе внимания авторов оказалось именно местоимение «я», использование которого в речи является неоднозначным: с одной стороны, способствует выражению эгоцентризма, что не свойственно русской языковой традиции, с другой – бывает необходимым по ряду причин структурного, семантического и стилистического характера. Первые два аспекта потребовали выявления синтаксических конструкций, предполагающих использование личного местоимения первого лица, последний – исследования поэтической речи, где семантика местоимения «я» трансформируется, расширяется под влиянием жанра, и изучения стилистических приемов, связанных с использованием «я» в публицистике.

Основная часть

В некоторых ситуациях использование местоимения «я» не только оправдано, но и не нарушает правил речевого этикета. На конкретных примерах можно увидеть, что употребление «я»:

– может выражать индивидуальность и субъективный взгляд, подчеркивая авторское мнение, например: *«Люблю Россию я, но странную любовью»* (М. Лермонтов) [Лермонтов, 2004]; *«Я это никогда не люблю»* (В. Высоцкий) [Высоцкий, 1998]; *«Я ночами плохо сплю, потому что я тебя люблю»* (из песни) [URL: ya.ru];

– необходимо в качестве подлежащего при рассуждениях о прошлом и настоящем, если форма сказуемого не имеет показателей лица, например: *«Я бы хотел, чтобы правительства, промышленность и гражданское общество присоединились к нашей кампании, нацеленной на охват вакцинацией 70% населения каждой страны к началу июля»* (Ведомости, 2021.12.29) [НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/>]; *«Я уверен, что каждый человек, который делает добро делам, получает такую же обратную реакцию добра»* (Парламентская

газета, 2021.12.28) [НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/>]; «**Я** не поверил ей... Кому же стану верить?» (М. Лермонтов) [Лермонтов, 2004];

– обязательно при противопоставлении и сопоставлении с участием местоимений, ср.: **Ты** оставайся, а **я** пойду; **Они** могут себе это позволить, а **я** нет; «**Я** знаю, что у нее душа кошкина, а **я** шикарная, мадам Брошкина» (из песни) [URL: <https://genius.com/Alla-pugacheva-madame-broshkina-lyrics>]; **Ты** пришла, и **я** пришел...; «**Ты** с басом, Мишенька, садись против альта. **Я**, прима, сяду против вторы...» (И. Крылов) [Крылов, 1980];

– требуется в ответе на вопрос: *Кто идет?* – **Мы** идем, дружные ребята (из речевки); «*Кто хочет сегодня поработать?* – **Я!**» (из фильма) [URL: vk.com/video-44872347456248962];

– важно для создания ритма стиха: «**Я** люблю, а значит, **я** живу» (В. Высоцкий) [Высоцкий, 1998]; «*И ненави́дим **мы**, и любим **мы** случайно*» (М. Лермонтов) [Лермонтов, 2004].

Итак, личное местоимение первого лица в некоторых случаях весьма уместно и даже необходимо. Главное – находить баланс и не злоупотреблять своим собственным «я», чтобы избежать эгоцентризма.

Встречается совмещение нескольких функций местоимения «я» в рамках одного предложения. Вспомним классический пример лучшего признания в любви: «*Ежели бы **я** был не **я**, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире... **я** бы сию минуту на коленях просил руки и любви вашей*» (Л. Толстой) [Толстой, 1983]. Лексический повтор «я» акцентирует значимость признания от первого лица. Оптативная структура предложения включает «я» как обязательный член предложения. Сказуемое с отрицанием *был бы не я* привносит в высказывание оттенок признания от третьего лица: *другой, красивейший, умнейший..., просил бы руки и любви вашей*. Это передает драматичность ситуации. Такое использование «я» ничуть не противоречит принципу авторской скромности.

Лингвисты неоднократно отмечали преимущество определенно-личных односоставных предложений перед синонимичными двусоставными: указание лица в последних придает речи лишь более спокойный тон, делает ее «более вялой, разжиженной», по выражению А.М. Пешковского [Пешковский, 2001].

В разговорной речи часто используются односоставные глагольные предложения, особенно в контекстах, требующих экспрессии. Это помогает добавить эмоционального окраса и выразительности в высказывание. Однако в некоторых случаях все же употребляются не односоставные предложения этого типа, а дву-

составные с подлежащим, выраженным личным местоимением. Объясняется это стилистическими основаниями.

Для подчеркивания значения первого лица как носителя действия используются двусоставные предложения, в них местоимение «я» выделяется логическим ударением: *«Ты живешь в огромном доме; Я ж среди горя и хлопот Провожу дни на соломе»* (А. Пушкин) [Пушкин, 2024]; *«Как вы могли подумать, что это сделал я?!»*

Также двусоставные предложения используются для выражения побуждения с оттенком увещевания, где важен порядок слов: подлежащее-местоимение предшествует сказуемому: *«Вы не торопитесь, я подожду; Ты не бойся: я тебя не обижу!»*

В лирической поэзии большое внимание уделяется местоимению «я», которое связано с выражением лирического героя. Термин «лирический герой» был введен Ю. Тыняновым в 1921 г. [URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/kritika-o-bloke/tynyanov-blok.htm>] и дальше развивался и уточнялся. Сейчас в литературе используется много синонимов для этого понятия, таких как «лирический персонаж», «лирическое Я», «лирический характер» и др.

По мнению Ю. Тынянова, «воспринимаемый нами «голос автора» («личность автора», «авторское Я», «первичный автор») есть уже произведение искусства, художественный объект, реальность другого рода, чем жизненная, это «я» уже не творец, создатель поэтического мира, но житель созданного мира» [Тынянов, 1965, с. 83].

Поэт или писатель в авторском мире использует местоимение «я» для передачи своих мыслей и чувств, что создает прямую связь между ним и читателем. Эта связь не распространяется на других персонажей, поэтому автор остается основным героем лирического произведения, не упоминая своего имени. Он олицетворяет субъект лирического высказывания через местоимение «я».

Отсутствие тождества между авторским и лирическим «я» в поэзии является нормой, а не исключением. Безымянность субъекта – один из законов лирики. «Безымянность, – отмечает Т.И. Сильман, – заложена в самой природе лирического жанра, поскольку лирика также отражает некую коммуникативную ситуацию, а именно: сугубо личное, интимное обращение поэта либо к другому Я, либо к природе, к миру, ко вселенной» [Сильман, 1975, с. 83]. Следовательно, местоимение «я» играет важную роль в выражении лирического героя.

В произведениях поэтов XX века встречаются различные семантические варианты использования местоимения первого лица единственного числа, такие как «Я позиционирующее», «Я предназначенное», «Я замещенное» и «Я психологическое». Важно отме-

тить, что все эти формы «я» вполне уместны, хотя формально не соответствуют русскому речевому этикету.

Рассмотрим каждый вид «я» более подробно.

«Я позиционирующее» отражает сложность и противоречивость человеческой природы: «**Я** от жизни смертельно устал, / Ничего от нее не приемлю...» (О. Мандельштам) [Мандельштам: 1997]; «Для того **я** (в проявленном – сила) / Все родное на суд отдаю, / Чтобы молодость вечно хранила / Беспокойную юность мою...» (М. Цветаева) [Цветаева, 2008]. В поэтических произведениях в этом случае герой либо безымянный, либо атрибутивно охарактеризованный: «**Я** случайный, бедный, тленный, / Может быть, любим...» (А. Блок) [Блок, 1979]; «Нет! **Я** не Байрон, **я** другой» (М. Лермонтов) [Лермонтов, 2004].

«Я предназначенное» определяет роль в различных сферах жизни: в искусстве, судьбе других людей или целого народа: «**Я** знал, задумчивый поэт, / Что ни один не ведал гений / Такой свободы, как обет / Моих невольничьих служений...» (А. Блок) [Блок, 1979]; «**Я** голос ваш, жар вашего дыханья, / **Я** отраженье вашего лица...» (А. Ахматова) [Ахматова, 1996].

«Я замещенное» может казаться полным отсутствием автора, но он всегда отождествляется с лирическим героем: «**Я** – Гамлет. Холодеет кровь, / Когда плетет коварство сети, / И в сердце – первая любовь / Жива – к единственной на свете...» (А. Блок) [URL: <https://www.culture.ru/poems>]; «Возлюбленный! Ужель не узнаешь? **Я** ласточка твоя – Психея...» (М. Цветаева) [Цветаева, 2008].

«Я психологическое» выражается в самохарактеристике лирического героя как личности, иногда цельной, иногда двойственной, ср.: «**Я** не люблю холодного цинизма, В восторженности не верю, и еще – Когда чужой мои читает письма, Заглядывая мне через плечо»; «Во мне два **Я** – два полюса планеты, Два разных человека, два врага: Когда один стремится на балеты – Другой стремится прямо на бега» (В. Высоцкий) [Высоцкий, 1998].

Все эти типы можно объединить в группу «собственного Я»: поэт выражает свои мысли и чувства от лица лирического героя. Противопоставляется этому «чужое Я», включающее в себя «Я повествователя», «Я персонифицируемого объекта» и «Я натуралистическое».

«Я повествователя» – это рассказчик, который не исключает присутствия лирического героя, в той или иной форме выражающего свое отношение к высказываниям персонажа. Лицо, от чьего имени ведется рассказ, – часто заглавный герой, т.е. его имя указывается в названии произведения, а далее, в тексте, обычно умалчивается: «**Я**

на сверкнувший гребень горный / Взлечу уверенно с тобой. / Я пронесу тебя над бездной...» (А. Блок. «Демон») [Блок, 1979].

«Я персонафицируемого объекта» – это олицетворенный предмет, животное, явление или отвлеченное понятие, сравниваемое с человеком: *«Внимай! Внимай! Я – ветер встречный. Мы в лунном круге...»* (А. Блок) [Блок: 1979]; *«Я звезда мечтаний нежных, / И в венце метелей снежных / Я плыву скользя...»* (С. Есенин) [Есенин, 2009].

«Я натуралистическое» – это отождествление себя с растениями и животными, явлениями природы: *«Повиликой среди нив золотых / Завилась я на том берегу...»* (А. Блок) [Блок, 1979]; *«Птица-Феникс я, только в огне пою! / Поддержите высокую жизнь мою!»* (М. Цветаева) [Цветаева, 2008].

В поэзии исследуются взаимоотношения между человеком и окружающим миром, причем эта тема рассматривается изнутри через призму субъективного восприятия. Особое внимание уделяется личным местоимениям, которые помогают понять границу между внутренним и внешним миром человека, они «являются существеннейшим смысловым звеном лирического жанра, рисующего взаимоотношения между «лирическим Я» и миром в обобщающем плане» [Сильман, 1970, с. 84]. Важно отметить, что автор лирики не претендует на абсолютную истинность и универсальность своих высказываний, что свидетельствует о его скромности и открытости различным толкованиям.

Таким образом, в поэзии семантика местоимения «я» трансформируется, расширяется под влиянием жанра. Кроме того, наличие подлежащего «я» при соответствующем сказуемом первого лица единственного числа не является показателем авторской нескромности, синтаксической избыточностью, а может быть обусловлено соблюдением ритма и рифмы стихотворного произведения.

Авторское «я» часто используется в полемических рассуждениях, где говорящий выражает свою причастность к теме обсуждения. Это особенно распространено в философских текстах, как, например, в работе Д.Л. Андреева «Роза Мира». В своей книге об истории философии автор акцентирует свое личное отношение к теме, прямо сообщая о собственных мыслях и убеждениях: *«Я начинал ее в тюрьме, носившей название политического изолятора. Я писал ее тайком. Рукопись я прятал, и добрые силы – люди и не люди – укрывали ее во время обысков. И каждый день я ожидал, что рукопись будет отобрана и уничтожена, как была уничтожена моя предыдущая работа, отнявшая десять лет жизни и приведшая меня в политический изолятор. <...> Я заканчиваю рукопись «Розы Мира» на*

свободе, в золотом осеннем саду. <...> Но я принадлежу к тем, кто смертельно ранен двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единичной тиранией» [Андреев, 1991, с. 7]. «При глагольной форме прошедшего времени... (морфологическое лицо не проявляется) наличие местоимения является обязательным» [Лаврентьев, 2013, с. 318], что мы и видим в начале текстового фрагмента, а далее «я» подчеркивает субъективность суждений автора и поэтому не воспринимается как нескромное речевое поведение.

Использование местоимения «я» в автобиографиях, мемуарах и дневниках не является проявлением нескромности со стороны автора, если оно подчеркивает субъективную точку зрения говорящего, его личный опыт и особый подход к проблеме. В этих жанрах автор ставит перед собой цель привлечь внимание читателя к своим мыслям, чувствам и переживаниям, чтобы передать свой взгляд на происходящие события. Например: «То, что я говорил до сих пор, подводит нас к новому углу зрения на многовековой спор о примате сознания или бытия» [Андреев, 1991, с. 50].

Д.Л. Андреев незаметно отходит от «я» и переходит к более отстраненному «мы»: «Когда **мы** имеем в виду мир образов столь же идейно насыщенных и тоже, быть может, связанных, хотя и не так тесно, с идеями религиозного и нравственного порядка, но не сложившихся в стройную систему и отражающих ряд общих нравственных, трансфизических, метаисторических или вселенских истин в связи именно с данностью и долженствованием вот этой культуры, – **мы** имеем перед собой общие мифы сверхнародов» [Андреев, 1991, с. 52]. Понятие «мы» включает как автора, так и читателя в надежде на совпадение во мнении.

Такой переход к представлению речи от «мы» затем довольно часто чередуется с рассуждениями от «я»: «**Мне** кажется, что понятие мифов национально-религиозных воспринимается без труда» [Андреев: 1991, с.52]. Позднее местоимение «мы» персонифицируется в четко выраженное «я»: «Ни к каким другим явлениям в истории культуры **мы** (= я) применять слово миф не будем» [Андреев, 1991, с.52]. «Я» ученого-констататора и ученого-теоретика прослеживается в последовательном написании книги III от первого лица.

В философских трудах Н.А. Бердяева, таких как «Самопознание», особое внимание уделяется личному «я» [Бердяев, 1998]. Интересно отметить, что русская философская литература прошлого времени также характеризовалась явным акцентом на личное «я», в отличие от современной тенденции к более общим и универсальным концепциям.

В современной же научно-популярной литературе иногда встречаются тексты, в которых наблюдается чрезмерное повторение «я». Такое «яканье» не вписывается в понятие авторской скромности, оно отторгает читателя от личности автора. Злоупотребление местоимением «я» не вызывает симпатии к личности пишущего, отвлекает внимание от сути излагаемых фактов, так как на первый план выдвигается субъективность мнения говорящего. Например, известная книга М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» начинается так: *«Я никак не мог понять, почему эта книга дается мне с таким трудом»* [Кронгауз, 2012, с. 15]. Далее большинство разделов книги «пестрит» местоимением «я». В одном из разделов, заголовок которого «Я, в принципе, не против...», на двух страницах содержится около двадцати употреблений «я» («мне»). Примеры: *«Я, в принципе, не против заимствований, я только хочу, чтобы русский язык успевал их осваивать, я хочу знать, где в этих словах ставить ударение и как их правильно писать»* (с. 27); *«Я, в принципе, не против, сленга... Я просто хочу понимать, где граница между ним и литературным языком»* (с. 26) [Кронгауз, 2012]. Не слишком ли много внимания автор уделяет своей собственной персоне? Так возникает недоверие к мыслям автора и нежелание разделить его точку зрения из-за сомнений по поводу их объективности. Допускаем, что у такой частотности употребления «я» имеется определенная стилистическая задача, но соотносить ее с принципом скромности нам не представляется возможным.

Один из стилистических приемов в публицистике – использование авторского «я» с учетом авторской скромности. Этот прием позволяет журналисту активно взаимодействовать с описываемыми событиями, выражать свои мысли и позицию, что может проявляться как контакт с героями, воспоминания, соображения по поводу поведения персонажей, передача эмоций и раскрытие творческой лаборатории автора. Таким образом, авторское «я» приобретает различные функции в тексте.

По мнению М.И. Старуш, метод «я действующее» наиболее соответствует репортажности в публицистике [Старуш, 2006]. Этот метод используется в различных вариациях, таких как автор-очевидец, автор-участник, автор-наблюдатель, что создает эффект эмоциональной причастности читателя к происходящему и делает журналистское произведение более эффективным в плане воздействия.

Выражение авторской позиции с использованием местоимения «я» без нарушений правил речевого этикета, а именно принципа авторской скромности, допустимо в следующих случаях. 1) В данной ситуации я, как журналист, являюсь действующим лицом и могу под-

твердить объективность описываемых событий. Например, как в репортаже с места пожара А. Бойко («Комсомольская правда», 10-15 мая 2005 г.): «**Я**, по наивности, хотел сфотографировать момент сброса воды. Но когда увидел, ЧТО на **меня** летит, метнулся под чудом оказавшийся недалеко жестяной козырек. Даже брызг хватило, чтобы размазать **меня** по стенке» [URL: <https://www.kp.ru/daily/23507.5/39697/>]. Драматизм происходящего подчеркивается здесь участием автора и его рефлексией. 2) Обращаясь к вам, уважаемые читатели / зрители, в рамках моей авторской колонки / программы, я хотел бы поделиться с вами своим мнением: «*Через год **меня** от “Независимой газеты” отправили на настоящее ЧП – пожар на заводе. Когда **я** приехала, вначале потерялась в паникующей толпе. Через минуту освоилась... В редакции **я** испугалась, как бы огонь не перекинулся на клавиатуру – так горел во мне этот репортаж!»*» [URL: <https://www.kp.ru/daily/23507.5/39697/>].

«Я размышляющее» ориентировано на совместное с читателем исследование проблем, объективацию мыслей автора и введение в его творческую лабораторию. Этот подход позволяет создать эффект соразмышления с читателем, приобщить его к публицистической мысли и оказать комплексное воздействие на него [Старуш, 2006]. Например: «***Мне** выпало сменить Анатолия Ивановича Поздеева на посту редактора “Шахтёрской правды” в 1985 году. Ох, как **я** сомневался перед этим назначением в своих силах и способностях! Кто **я** – 29-ти летний?! К этому сроку успевший поработать лишь литсотрудником, завотделом и собственным корреспондентом областной газеты... И – зубр журналистики Поздеев!»* (С. Черемнов) [URL: <https://proza.ru/2021/11/21/419?ysclid=m18x6gj3ar314825520>].

Журналист использует авторское «я», чтобы привлечь внимание читателей к своему тексту. При этом автор выражает свои личные чувства и отношение к описываемым событиям, что делает повествование более интимным. Такой подход создает особую атмосферу и помогает читателям более глубоко вжиться в происходящее.

Современная журналистика использует два основных подхода: репрезентативный и интроспективный. Эти подходы могут комбинироваться друг с другом в различных вариациях. Репортажное «я» может проявляться не только в путевых заметках, но и в расследовательских или портретных материалах. Использование авторского «я» не является элементом самопиара, а помогает создать ощущение присутствия автора на месте события. В отличие от репортажа, где автор ведет повествование в настоящем времени, авторское «я» в очерках играет роль углубления внутреннего смысла происходящего, а не только фокусировки на внешних деталях. Кроме того, авторское «я» в

очерках позволяет вводить личные воспоминания, так как автор не ограничен временными рамками, используемыми в репортаже.

Различные методы выражения авторского «я» в публицистике необходимы не только для выполнения жанровых требований, но и для воздействия на читателя или зрителя. Они помогают передавать информацию, убеждать аудиторию в истинности или ложности своей или чьей-либо позиции, а также устанавливать контакт с читателем / слушателем / зрителем.

В то же время речевое поведение многих публичных персон отличается эгоцентричностью, высказывания перенасыщены местоимением «я». Например: «**Я** объявляю это реальностью; **Я** не говорю о том, чтобы так было!; За **меня** – за православного – не голосуют! **Я** единственный православный, а за **меня** не голосуют!; **Я** один венчался! Весь мир видел, как **я** венчался в церкви! **Я** крещенный и венчаный. **Я** сам беженец, **я** – первый беженец. **Я** бросил все: дом, матерскую, всех родственников, могилу бабушки!» (из выступлений В. Жириновского) [URL: <https://stihi.ru/2022/04/08/2443>]; «**Я** пришел, чтобы вы победили. Почему **я** решил, что буду хорошим президентом? Потому что быть плохим не стоит. Прятать нужно мусор, а не голоса. Выборы должны быть прозрачными. Говори правду! Каждому Некляев ответит на все!» (из речи кандидата в президенты Белоруссии В. Некляева) [Электронный ресурс. URL: <https://manzal.livejournal.com/77849.html>]; «Если не **я**, то кто?» (из речи М. Прохорова) [URL: <https://www.bolshoyvopros.ru/>].

Такая явная эгоцентричность в высказывании переносит акцент с содержания на адресата, показывая агрессивное отношение к нему говорящего и не учитывая интересов и реакции слушателя. Невнимание к принципу скромности ведет к нарушению речевого этикета и создает преграды для успешного общения.

Заключение

Итак, употребление местоимения «я» не противоречит правилам русского речевого этикета, а именно принципу авторской скромности, если оправдано причинами структурного, семантического и стилистического плана. Правила построения предложения требуют использовать местоимение «я» в случае, если глагол не указывает на конкретное лицо, для актуализации субъекта в препозиции относительно предиката, а также в ответных репликах при диалоге. Условия семантики предложения объясняют необходимость местоимения «я» при противопоставлении и сопоставлении, при ситуативной потребности в намеренном акценте на личности автора с помощью логиче-

ского ударения. Кроме того, использование «я» бывает обусловлено определенными стилистическими условиями: автор должен явно указывать на лирического героя, сохранять музыкальность и ритм стиха, а также подчеркивать значение субъективной точки зрения говорящего на представленные факты или создавать оттенок обобщенности и объективности, чтобы придать высказываниям субъекта действия более глубокий смысл.

Список литературы

- Андреев Д.Л.* Роза мира. – Москва : АСТ, 1991. – 896 с.
- Ахматова А.А.* Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Эллис Лак, 1998. – Т. 1: Стихотворения, 1904–1941. – 1998. – 966 с.
- Бердяев Н.А.* Самопознание. – Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. – 620 с.
- Блок А.А.* Стихотворения и поэмы. – Москва : Советская Россия, 1979. – 141 с.
- Волков В.В., Волкова Н.В.* Традиции русского соборного «мы» в воинских балладах В.С. Высоцкого // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – №1 (76). – 2023. – С. 27–38.
- Высоцкий В.С.* Нерв. – Москва : Современник, 1988. – 240 с.
- Гранева И.Ю.* О культурной значимости русских личных и лично-притяжательных местоимений в составе фразеологизмов // Научный диалог. – №12. – 2017. – С. 74–87.
- Евстигнеева Е.И., Гафитуллова Ю.Р., Кабанова Е.В.* Семантика и экспрессивные функции местоимений в творчестве Александра Доронина // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития науки : сб. ст. по итогам Международной научно-практической конференции : в 6 ч. Ч. 6. – Уфа : ООО «Агентство международных исследований», 2017. – С. 184–186.
- Есенин С.А.* Полное собрание сочинений в одном томе. – Москва : Альфа-книга, 2009. – 720 с.
- Ефанова Л.Г.* Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – №2 (14). – 2011. – С. 5–11.
- Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. – Москва : Corpus : Астрель, 2011. – 478 с.
- Крылов И.А.* Басни. – Москва : Детская литература, 1980. – 128 с.
- Лаврентьев В.А.* Категория синтаксического лица в современном русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. – Москва : 2013. – 509 с.
- Лермонтов М.Ю.* Стихотворения и поэмы. – Москва : Астрель, 2004. – 172 с.
- Мандельштам О.Э.* Полное собрание стихотворений. – Санкт-Петербург : Академический Проект, 1997. – 718 с.
- Муравлева В.Р.* Прагматический потенциал местоимений первого лица единственного числа в манипулятивных текстах // Военно-филологический журнал. – 2023. – №4. – С. 45–55.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
- Пушкин А.С.* Полное собрание стихотворений в одном томе. – Москва : Эксмо, 2024. – 768 с.

- Сахарова Е.Е., Басенко Г.В., Чунахова Л.В. Семантико-прагматическая специфика местоимения «мы» // Российский лингвистический бюллетень. – 2024. – №5 (53). – С. 1–4.
- Сильман Т.И. Синтаксико-стилистические особенности местоимений // Вопросы языкознания. – 1970. – № 4. – С. 81–92.
- Старуши М.И. Авторское «я» в публицистическом стиле : дис. ... канд. филол. наук. – Москва : 2006. – 205 с.
- Толстой Л.Н. Война и мир. – Москва : Художественная литература, 1983. – Т. 3–4. – 1983. – 702 с.
- Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного анализа. – Москва : Рипол-Классик, 2022. – 190 с.
- Цветаева М.И. Стихотворения. Поэмы. – Москва : Дрофа, 2008. – 302 с.
- Чжао Я. Использование местоимений первого лица в президентском дискурсе как средство речевого вовлечения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – №7. – С. 260–264.
- НКРЯ. – URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.06.2024).
- URL : ya.ru (дата обращения: 11.06.2024).
- URL : <https://genius.com/Alla-pugacheva-madame-broshkina-lyrics> (дата обращения: 11.06.2024).
- URL : vk.com/video-44872347_456248962 (дата обращения: 11.06.2024).
- URL : <http://blok.lit-info.ru/blok/kritika-o-bloke/tynyanov-blok.htm> (дата обращения: 11.06.2024).
- URL : <https://www.kp.ru/daily/23507.5/39697/> (дата обращения: 15.06.2024).
- URL : <https://proza.ru/2021/11/21/419?ysclid=ml8x6gj3ar314825520> (дата обращения: 15.06.2024).
- URL : <https://stihi.ru/2022/04/08/2443> (дата обращения: 17.06.2024).
- URL : <https://manzal.livejournal.com/77849.html> (дата обращения: 17.06.2024).
- URL : <https://www.bolshoyvopros.ru/> (дата обращения: 17.06.2024).

References

- Andreev D.L. *Roza mira* [Rose of Peace]. Moscow: AST, 1991. 896 p. (In Russian)
- Ahmatova A.A. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected Works: in 6 volumes]. Moscow: Ellis Lak, 1998. Т. 1: *Stihotvoreniya, 1904–1941.* 966 p. (In Russian)
- Berdyayev N.A. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: EKSMO-Press; Har'kov: Folio, 1998. 620 p. (In Russian)
- Blok A.A. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1979. 141 p. (In Russian)
- Volkov V.V., Volkova, N.V. Tradicii russkogo sobornogo “my” v voinskiх balladah V.S. Vysockogo [Traditions of the Russian cathedral “we” in the military ballads of V.S. Vysotsky]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology]. 2023. № 1(76). P.27–38. (In Russian)
- Vysockij V.S. *Nerv* [Nerve]. Moscow: Sovremennik, 1988. 240 p.
- Graneva I.Yu. O kul'turnoj znachimosti russkikh lichnyh i lichno-prityazhatel'nyh mestoimenij v sostave frazeologizmov [On the cultural significance of Russian personal and personal-possessive pronouns in phraseological units] // *Scientific dialogue [Nauchnyj dialog]*. 2017. №12. P. 74–87. (In Russian)

- Evstigneeva E.I., Gafiatullova, Yu.R., Kabanova, E.V. Semantika i ekspressivnye funktsii mestoimenij v tvorcestve Aleksandra Doronina [Semantics and expressive functions of pronouns in the works of Alexander Doronin]. In *Sovremennye problemy i perspektivnye napravleniya innovacionnogo razvitiya nauki: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 6 chastyah. Chast' 6* [Modern problems and promising directions of innovative development of science: collection of articles based on the results of the International scientific and practical conference: in 6 parts]. Ufa: Agentstvo mezhdunarodnyh issledovanij, 2017. P. 184–186. (In Russian)
- Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome* [Complete Works in One Volume]. Moscow: Al'fa-kniga, 2009. 720 p. (In Russian)
- Efanova L.G. Kommunikativnaya distanciya kak norma rechevogo vzaimodejstviya (na primere ispol'zovaniya nekotoryh russkikh mestoimenij) [Communicative distance as a norm of speech interaction (using the example of the use of some Russian pronouns)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Filologiya Bulletin of Tomsk State University. Philology]. 2011. № 2(14). P. 5–11. (In Russian)
- Krongauz M.A. *Russkij yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Corpus: Astrel', 2011. 478 p. (In Russian)
- Krylov I.A. *Basni* [Fables]. Moscow: Detskaya literatura, 1980. 128 p. (In Russian)
- Lavrent'ev, V.A. *Kategoriya sintaksicheskogo lica v sovremennom russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Category of syntactic person in modern Russian language]. Moscow, 2013. 509 p. (In Russian)
- Lermontov M.Yu. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems]. Moscow: Astrel', 2004. 172 p. (In Russian)
- Mandel'shtam O. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems]. Saint-Petersberg: Akademicheskii proekt, 1997. 718 p. (In Russian)
- Muravleva V.R. Pragmaticheskij potencial mestoimenij pervogo lica edinstvennogo chisla v manipulyativnyh tekstah [Pragmatic Potential of First Person Singular Pronouns in Manipulative Texts]. *Voенно-lingvистический журнал* [Military-philological journal]. 2023. №4. P. 45–55. (In Russian)
- Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 544 p. (In Russian)
- Pushkin A.S. *Polnoe sobranie stihotvorenij v odnom tome* [Complete collection of poems in one volume]. Moscow: Eksmo, 2024. 768 p. (In Russian)
- Saharova E.E., Basenko, G.V., Chunahova, L.V. Semantiko-pragmaticheskaya specifikа mestoimeniya “my” [Semantic and pragmatic specificity of the pronoun “we”] // *Rossijskij lingvистический byulleten'* [Russian Linguistic Bulletin]. 2024. №5(53). P. 1–4. (In Russian)
- Sil'man T.I. Sintaksiko-stilisticheskie osobennosti mestoimenij [Syntactic and stylistic features of pronouns]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. 1970. № 4. P. 81–92. (In Russian)
- Starush M.I. *Avtorskoe “ya” v publicisticheskom stile: dis. ... kand. fil. nauk* [The author's “I” in a journalistic style]. Moscow, 2006. 205 p. (In Russian)
- Tolstoj L.N. *Vojna i mir* [War and Peace]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1983. T. 3–4. 702 p. (In Russian)
- Tynyanov Yu.N. *Problemy stihotvornogo analiza* [Problems of poetry analysis]. Moscow: Ripol-Klassik, 2022. 190 p. (In Russian)
- Cvetaeva M.I. *Stihotvoreniya. Poemy* [Poems]. Moscow: Drofa, 2008. 302 p. (In Russian)

Chzhao Ya. Ispol'zovanie mestoimenij pervogo lica v prezidentskom diskurse kak sredstvo rechevogo вовлечения [The use of first person pronouns in presidential discourse as a means of speech engagement]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. 2019. №7. P. 260–264. (In Russian)

NKRYa. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 11.06.2024). (In Russian)

URL: ya.ru (data obrashcheniya: 11.06.2024). (In Russian)

URL: <https://genius.com/Alla-pugacheva-madame-broshkina-lyrics> (data obrashcheniya: 11.06.2024). (In Russian)

URL: [vk.com»video-44872347_456248962](https://vk.com/video-44872347_456248962) (data obrashcheniya: 11.06.2024). (In Russian)

URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/kritika-o-bloke/tynyanov-blok.htm> (data obrashcheniya: 11.06.2024). (In Russian)

URL: <https://www.kp.ru/daily/23507.5/39697/> (data obrashcheniya: 15.06.2024). (In Russian)

URL: <https://proza.ru/2021/11/21/419?ysclid=m18x6gj3ar314825520> (data obrashcheniya: 15.06.2024). (In Russian)

URL: <https://stihi.ru/2022/04/08/2443> (data obrashcheniya: 17.06.2024). (In Russian)

URL: <https://manzal.livejournal.com/77849.html> (data obrashcheniya: 17.06.2024). (In Russian)

URL: <https://www.bolshoyvopros.ru/> (data obrashcheniya: 17.06.2024). (In Russian)

УРОВНИ ЯЗЫКА

ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ

PHONETICS. PHONOLOGY

УДК 81'28

DOI: 10.31249/ling/2025.01.04

Гордеева Т.А., Таньков Н.Н.¹

ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗВУЧАЩИХ ТЕКСТОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье содержатся результаты специального анализа темпоральных характеристик разграничительных средств на границах лингвистических единиц в немецком языке, выявляется характер их модификаций в речи представителей того или иного регионального варианта. Анализируется физическая длительность речевого сигнала на границах лингвистических единиц как физического коррелята временной характеристики звуков. Приводятся данные по результатам тестирования носителей немецкого литературного языка. Проблематика работы представляется весьма актуальной и социально востребованной: изучение временных характеристик звучащих немецких текстов в таких регионах, как Германия, Швейцария и Австрия, является малоизученным аспектом при рассмотрении вопроса адекватности восприятия иноязычного сообщения, определения устойчивых и переменных параметров иноязычной речи, позволяющих принять объективное решение о наличии или отсутствии границы между фрагментами высказывания. Объектом изучения являются стыковые участки в аугентичных звучащих немецких текстах, представляющих образцы немецкого литературного произношения в различных регионах распространения не-

¹ © Гордеева Т.А., Таньков Н.Н., 2025

Гордеева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Романо-германская филология» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»; gordejewa@mail.ru

Таньков Николай Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Романо-германская филология» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»; tankovnn@gmail.com

мецкого языка, таких как германский, швейцарский и австрийский. Предмет исследования – специфика временной организации звучащих немецких текстов в позиции окончания стыка. Метод изучения материала – слуховой анализ звучащих немецких текстов с привлечением информантов – носителей региональной нормы современного немецкого языка и не являющихся таковыми – русскими лингвистами. Материал исследования – звучащие корреляты текстов на немецком языке, представляющие образец немецкоязычного произношения. В ходе исследования были проанализированы аутентичные немецкие тексты (n=125), в которых были выделены звуковые сегменты в позиции окончания изучаемых лингвистических единиц. Длительность звучания всех текстов составила около трех часов. Отмечено, что границы рассмотренных фонетических единиц, таких как фонетические абзацы, фразы, синтагмы и фонетические слова, имеют специфическую выраженность в отношении их временной организации в зависимости от занимаемой позиции в фонетическом контексте.

Ключевые слова: временная характеристика; речевой поток; речевой сегмент; принципы сегментации; слуховая идентификация.

Для цитирования: Гордеева Т.А., Таньков Н.Н. Временная организация звучащих текстов в региональных вариантах современного немецкого языка // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1. – С. 46–60. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.04

GORDEEVA T.A., TANKOV N.N.¹

TEMPORAL ORGANIZATION OF SPOKEN TEXTS IN REGIONAL VARIANTS OF MODERN GERMAN

Abstract. The purpose of this study is to analyze the temporal characteristics of delimiting means at the boundaries of linguistic units in the German language, and to reveal the nature of their modifications in the speech of people representing certain regional variants. The physical duration of the speech signal at the boundaries of linguistic units is analyzed as a physical correlate of the temporal characteristics of sounds. We provide data on the results of testing native speakers of the German literary language. The problems discussed in our research seem to be rather relevant and socially important: temporal characteristics of spoken German texts in such regions as Germany, Switzerland and Austria is a little-studied aspect when considering the adequacy of perceiving a message in a foreign language and the determination of stable and variable parameters of foreign speech, which ensure an objective decision as to whether there is a boundary between fragments of an utterance. The object of our study is the junctions in authentically spoken German texts, representing examples of German literary pronunciation in various regions of German language distribution, such as Germany, Switzerland and Austria. The subject of our study is the specific features of the

¹ © Gordeeva T.A., Tankov N.N., 2025

Gordeeva Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romano-Germanic Languages of Penza State University; gordejewa@mail.ru

Tankov Nikolai Nikolaevich – PhD in Pedagogy, Docent, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages of Penza State University; tankovnn@gmail.com

temporal organization of spoken German texts at the end of the junction. Our research method is an auditory analysis of spoken German texts involving informants (native speakers of the regional norm of the modern German language) and non-native speakers (Russian linguists). The research material is the spoken correlates of texts in German, representing a sample of German pronunciation. During the study, we analyzed authentic German texts (n=125), in which we identified sound segments at the end of the linguistic units under study. The duration of all texts was approximately three hours. We found that the boundaries of the studied phonetic units, such as phonetic paragraphs, phrases, syntagms and phonetic words, have specific contrast in relation to their temporal organization, depending on their position in the phonetic context.

Keywords: temporal characteristics; speech flow; speech segment; segmentation principles; auditory identification.

For citation: Gordeeva, T.A., Tankov, N.N. Temporal organization of spoken texts in regional variants of modern German. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Jazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 46–60. DOI: 10.31249/ling/2025.01.04

Введение

В лингвистических исследованиях последних лет наиболее приоритетным направлением является изучение новых принципов и подходов к решению задач в области теоретической и прикладной лингвистики. Во многом нерешенными проблемами остаются научно-практические сферы, включающие устную речь как источник информации и вопросы, связанные с определением принципов организации звучащей речи и ее адекватного восприятия [Hirschfeld, Ulbrich, 2002; Pittner, 2016; Rupperecht, 2014; Simpson, 2006; Variation-Normen-Identität, 2018]. Главенствующим в подобного рода исследованиях является разработка практически полезных новейших методов в соответствующих предметных отраслях знаний, направленных в том числе на совершенствование лингвистических процессов в автоматизированных системах обработки семантической информации.

Одной из основных проблем, возникающих при изучении слухового восприятия звучащей речи, является установление характера и описание признаков разграничения лингвистических единиц в потоке речи. Временная характеристика, как известно, является основой слуховой реализации и адекватного восприятия языкового сообщения, отражая его специфику.

Упоминание о временных характеристиках в качестве базовых применительно ко всему существу на земле мы находим уже в

трудах древнеиндийских философов. Так, в Упанишадах провозглашается: «Время является первопричиной всего... нет ничего выше времени» [Аникеев, 1957].

Физическая длительность звукового сигнала рассматривается в качестве коррелята временной характеристики и является необходимым фактором для артикуляторной реализации речевого сегмента, его перцептивной идентификации и определения лингвистического статуса изучаемой речевой единицы. Протяженность речевого сегмента во времени зависит от собственной длительности звукового сегмента, наличия определенного фонетического контекста и позиции (начальной / конечной) в лингвистической единице – фонетическом слове, синтагме, фразе и сверхфразовом единстве (фоноабзаце) [Потапова, 1986].

Результаты многочисленных лингвистических исследований последних лет в области экспериментальной фонетики указывают на длительность как на один из определяющих факторов в процессе слуховой реализации речевого высказывания [Гордеева, 2020; Гордеева, Булатова, 2023; Общая и прикладная фонетика, 1997; Потапова, Потапов, 2012; Речевая коммуникация в информационном пространстве, 2017; Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным, 2022; Potarova, Potarov, 2011; и др.].

Результаты экспериментального исследования

В рамках совместного проекта с немецкими учеными проводилось экспериментальное исследование темпоральной характеристики в оригинальных текстах из немецкоговорящих регионов Австрии, Германии и Швейцарии, результаты которого показали специфику модификаций данной характеристики звуков в потоке речи на границах лингвистических единиц, таких как фоноабзацы, фразы, синтагмы и фонетические слова в позиции их окончания.

Слуховое исследование основных показателей изменения временной характеристики осуществлялось в Институте языкознания, медиа- и музыковедения Рейнского университета им. Фридриха Вильгельма в г. Бонн. В число информантов (n=21) вошли носители германской, австрийской и швейцарской произносительной нормы современного немецкого литературного языка – преподаватели этого института. Из всех прозвучавших немецких текстов (n=125) были отобраны 79 текстов, наиболее соответствующих

требованиям эксперимента и отражающих нормативное произношение в исследуемых регионах.

Результаты начального этапа исследования, проведенного на основе письменных текстов, позволили выявить наиболее и наименее частотные фонемные цепочки, а также закономерности в их распределении, которые послужили основой для дальнейшего экспериментального изучения перцептивных коррелятов стыковых сигналов на супraseгментном уровне.

В дальнейшем описании результатов проведенного комплексного экспериментально-фонетического исследования просодических признаков слуховой сегментации немецких текстов мы рассмотрим более подробно специфику временной организации этих текстов на границах вышеуказанных лингвистических единиц в позиции начала стыка, соответствующей позиции их окончания на материале аутентичных немецких текстов различного регионального звучания.

Первоначально рассматривались основные модификации временного признака в начальной позиции стыка фоноабзацев и фраз, соответствующей их окончанию. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение по рангам модификаций временного признака в позиции окончания фоноабзацев и фраз

Ареалы распространения современного немецкого языка		Окончания фоноабзацев			Окончания фраз		
		Показатели временной характеристики					
		медл.	средн.	быстр.	медл.	средн.	быстр.
западно-германский	%	17,9	57,1	25,0	21,2	57,6	21,2
	ранги	3	1	2	2	1	2
восточно-германский	%	7,1	50,0	42,9	3,6	39,3	57,1
	ранги	3	1	2	3	2	1
швейцарский	%	20,0	45,0	35,0	17,1	54,3	28,6
	ранги	3	1	2	3	1	2
австрийский	%	31,3	25,0	43,7	13,3	46,7	40,0
	ранги	2	3	1	3	1	2

Таблица показывает, что окончания фоноабзацев характеризуются максимально выраженным средним темпом во всех регионах. Наименее выражен быстрый темп с равными значениями в пределах 25,0% – 43,7%. Третье ранговое место занимает медленный темп. Минимально выражен медленный темп по Восточной Германии (7,1%), максимально – по Австрии (31,3%). Среднее по-

ложение с близкими значениями занимают западногерманский (17,9%) и швейцарский (20,0%) варианты.

Таким образом, в целом в окончаниях фоноабзацев модификации временной характеристики выражены довольно равномерно с преобладающим средним темпом. Рассмотрение данного признака в отношении различных регионов позволяет заключить, что наиболее близки по значениям два региональных варианта литературного немецкого языка – швейцарский и западногерманский. Достаточно разнообразными являются данные, представляющие выраженность временного признака в Австрии и Восточной Германии.

Далее анализировалась конечная позиция фраз, в результате чего были выявлены аналогичные тенденции, присущие окончаниям фоноабзацев. На первом месте находится признак среднего тона, который распределяется следующим образом: западногерманский региональный вариант – 57,6%; швейцарский – 54,3%; австрийский – 46,7%; восточногерманский – 39,3%. На втором месте наблюдается убыстрение темпа: доминируют данные по Восточной Германии – 57,1%; далее следует Австрия – 40,0%; далее – Швейцария и Западная Германия со значениями 28,6% и 21,2% соответственно. На третьем месте находится медленный темп: западногерманский региональный вариант – 21,2%; швейцарский – 17,1%; австрийский – 13,3% и восточногерманский – 3,6%.

Если сравнить окончания фраз и окончания фоноабзацев, то здесь отчетливо видно, что модификации темпоральной характеристики на данных стыковых участках близки по своим значениям. Особенно ровная картина наблюдается в швейцарском и западногерманском ареалах распространения немецкого языка.

В таблице 2 представлены данные, полученные на основе обработки временных параметров в начальной стыковой позиции, характеризующей окончания синтагм и фонетических слов.

Общая картина модификаций временной характеристики в начальной стыковой позиции синтагм, соответствующей их окончанию, является достаточно ровной и соответствует результатам, полученным в ходе исследования фоноабзацев и фраз. Предпочтительным является средний темп с его последующим убыстрением.

Признак медленного темпа имеет следующие модификации (в порядке убывания частотности): швейцарский региональный вариант – 27,0%; австрийский – 26,4%; западногерманский – 19,7%; восточногерманский – 7,3%. Данные в отношении модификации временного признака в позиции окончаний синтагм представляют следующую зону значений. Западногерманский регион:

быстрый темп – 31,1%; средний темп – 49,2%; медленный темп – 19,7%. В данных по восточногерманскому региону установлены следующие показатели: быстрый темп – 39,1%; средний – 53,6%; медленный – 7,3%. В данных по швейцарскому региону следующие значения: быстрый темп – 49,3%; средний – 48,0%; медленный – 27,0%. В Австрии быстрый темп составляет 35,9%; средний – 37,7%; медленный – 26,4%.

Таблица 2

Распределение по рангам модификаций временного признака в позиции окончания синтагм и фонетических слов

Ареалы распространения современного немецкого языка		Окончания синтагм			Окончания фонетических слов		
		Показатели временной характеристики					
		медл.	средн.	быстр.	медл.	средн.	быстр.
западногерманский	%	19,7	49,2	31,1	8,0	41,3	50,7
	ранги	3	1	2	3	2	1
восточногерманский	%	7,3	53,6	39,1	6,8	48,6	44,6
	ранги	3	1	2	3	1	2
швейцарский	%	27,0	48,0	49,3	16,0	40,0	44,0
	ранги	3	2	1	3	2	1
австрийский	%	26,4	37,7	35,0	12,0	26,7	61,3
	ранги	3	1	2	3	2	1

Таким образом, общая картина модификаций временной характеристики во всех региональных вариантах выявляет единую зону значений.

Далее проводилось рассмотрение окончаний фонетических слов. Данные таблицы 2 выявляют тенденцию к доминированию быстрого темпа. На втором месте – замедление темпа и на третьем – медленный темп. Быстрый темп имеет наибольшую процентную выраженность в данных по Австрии – 61,3%; далее следует вариант немецкого языка, представленный в регионе Западной Германии (50,7%). Данные по региональным вариантам немецкого языка в Восточной Германии и Швейцарии довольно близки: соответственно 44,0% и 44,6%. Максимальную выраженность имеет средний темп в регионе Восточной Германии – 48,6, минимальную выраженность показывает Австрийский регион – (26,7%).

Результаты, полученные на материале всех регионов, довольно ровные, без выделения каких-либо общих зон реализации. Так, в западногерманском региональном варианте максимально

представлен быстрый темп – 50,7%; минимально – медленный (8,0%); средний темп имеет 41,3%. В восточногерманском максимально выражен средний темп (48,6%); затем – быстрый (44,6%) и медленный – 6,3%. В швейцарском регионе данные имеют следующую частотность: быстрый темп – 44,0%; средний темп – 40,0%; медленный темп – 16,0%. В австрийском региональном варианте – специфическая картина: максимально представлен быстрый темп (61,3%), минимально – медленный темп (12,0%). Промежуточное положение занимает средний темп (26,7%).

Таким образом, завершая описание модификаций темпоральной характеристики в позиции окончаний всех анализируемых единиц, можно сделать общий вывод. Модификация рассматриваемой характеристики по данным всех регионов выявляет довольно ровную картину с доминированием среднего темпа и последующим некоторым его ускорением на границах фоноабзацев, фраз и синтагм. На границах фонетических слов доминирует быстрый темп. Общая картина модификации временной характеристики довольно ровная.

Таблица 3

**Распределение по рангам модификаций временного признака в позиции окончания фоноабзацев и фраз
(по данным аудиторов-носителей русского языка)**

Ареалы распространения современного немецкого языка		Окончания фоноабзацев			Окончания фраз		
		Показатели временной характеристики					
		медл.	средн.	быстр.	медл.	средн.	быстр.
западно-германский	%	23,1	65,4	11,5	30,8	65,4	3,8
	ранги	2	1	3	2	1	3
восточно-германский	%	25,0	45,0	30,0	21,7	47,9	30,4
	ранги	3	1	2	3	1	2
швейцарский	%	13,3	54,4	33,3	5,3	60,1	31,6
	ранги	3	1	2	3	1	2
австрийский	%	33,6	58,1	8,3	35,0	55,0	10,0
	ранги	2	1	3	2	1	3

Отдельные модификации рассматриваемой характеристики имеют близкие значения в регионах Швейцарии и Западной Германии. В окончаниях фонетических слов специфические реализации имеют данные по австрийскому региону.

На завершающем этапе исследования была поставлена задача сравнения результатов эксперимента в двух группах испытуемых – носителей немецкого языка и лиц, не являющихся таковыми. Вторую группу составили опытные русские лингвисты – преподаватели немецкого языка (n=5). Данное решение связано с тем, что слуховое восприятие звукового сообщения находится в прямой зависимости от языковой практики воспринимающего, а фонологическая система родного языка определяет ограничения и особенности восприятия [Потапова, 1986].

Сводные данные в отношении модификаций темпорального признака окончаний фоноабзацев и фраз, полученных в группе русских испытуемых, представлены в таблице 3.

Таблица 4

Распределение по рангам модификаций временного признака в позиции окончания синтагм и фонетических слов (по данным аудиторов-носителей русского языка)

Ареалы распространения современного немецкого языка		Окончания синтагм			Окончания фонетических слов		
		Показатели временной характеристики					
		медл.	средн.	быстр.	медл.	средн.	быстр.
западно-германский	%	31,1	53,3	15,6	42,2	44,4	13,4
	ранги	2	1	3	2	1	3
восточно-германский	%	13,9	37,3	48,8	15,6	28,8	55,6
	ранги	3	2	1	3	2	1
швейцарский	%	15,6	42,2	42,2	20,0	40,0	40,0
	ранги	2	1	1	2	1	1
австрийский	%	16,2	62,2	21,6	15,6	42,2	42,2
	ранги	3	1	2	2	1	1

Из таблицы видно, что в позиции окончания фоноабзацев и фраз во всех региональных вариантах максимально выражен средний темп. Показатели медленного и быстрого темпа распределяются равномерно с переменным преобладанием того или другого показателя в определенных регионах. Наиболее близкие по значениям зоны образуют данные по Западной Германии и Австрии, с одной стороны, и Западной Германии и Швейцарии – с другой. Данные показатели не совпадают с результатами, полученными в группе немецких, австрийских и швейцарских информантов.

Далее обрабатывались данные по временному признаку в отношении начальной стыковой позиции синтагм и фонетических

слов, отражающей их окончание. Полученные результаты представлены в таблице 4.

Таблица показывает равномерное распределение показателей временной характеристики в начальной стыковой позиции, соответствующей окончанию синтагм и фонетических слов. Выявить какие-либо тенденции довольно сложно. Все регионы объединяются в единую зону близких реализаций. Данные результаты близки значениям, полученным в группе иностранных аудиторов.

Таким образом, в целом распределение значений, полученных в отношении темпоральной характеристики в рассматриваемой позиции, довольно равномерное. Ведущее место принадлежит быстрому и среднему темпу, меньшие показатели имеет медленный темп. Все региональные варианты распадаются на две зоны значений: регионы Западной и Восточной Германии, а также Австрии и Швейцарии. Данные показатели в целом соотносятся с результатами, полученными в группе носителей немецкого языка.

При сравнении данных исследования перцептивного восприятия выраженности темпорального признака в двух группах испытуемых – носителей немецкого языка в его региональных вариантах и русских аудиторов – наблюдались общие направления в модификациях полученных значений в процессе слухового членения немецкой речи, а также установлены особенности их восприятия в каждой группе информантов.

Далее сравнивались основные параметры, полученные в двух группах испытуемых применительно к временной характеристике. На основании сравнения выявлено следующее.

Признак медленного темпа в окончаниях фоноабзацев и фраз идентифицируется русскими аудиторами с большей вероятностью применительно к западногерманскому, австрийскому и восточногерманскому ареалам распространения немецкого языка. Медленный темп в швейцарском региональном варианте лучше определяют носители этого варианта. Признак среднего темпа во всех случаях определяется с большей вероятностью русскими аудиторами. Признак быстрого темпа, наоборот, воспринимается в данной группе с меньшей выраженностью.

В окончаниях синтагм и фонетических слов признак медленно-го темпа реализуется, по данным сравнения, с большей вероятностью в группе русских аудиторов. Исключения составляют окончания синтагм швейцарского и австрийского региональных вариантов. Здесь признак медленного темпа лучше распознается носителями немецкого языка. Признак среднего темпа представлен с большим процентом

распознавания в данных русской группы аудиторов применительно к вариантам Западной Германии и Австрии.

В отношении среднего темпа его показатели наиболее представлены в данных носителей регионов Восточной Германии и Швейцарии. Модификации быстрого темпа особенно ярко выражены в рассматриваемой позиции у русских информантов в отношении региона Восточной Германии. В других региональных вариантах данный признак более выражен в показаниях представителей носителей немецкого языка.

В позиции начала стыка, соответствующей окончанию фоноабзацев и фраз, признак медленного темпа реализуется во всех региональных вариантах с большей вероятностью его идентификации в группе русских информантов. Даже там, где носители немецкого языка совсем не воспринимают данный признак, русские аудиторы различают его довольно хорошо, например, в западно-германском и восточногерманском региональных вариантах. Признак среднего темпа, наоборот, на уровне слухового восприятия более выражен в группе немецких аудиторов.

В отношении быстрого темпа можно признать, что он наилучшим образом идентифицируется применительно к регионам Западной Германии и Швейцарии, а также в австрийском регионе в позиции окончания фраз. Данный признак имеет наименьшую выраженность у русских информантов применительно к региону Восточной Германии.

В позиции окончания синтагм и фонетических слов – наблюдается следующая картина. Признак медленного темпа гораздо лучше воспринимается русскими аудиторами, чем немецкими, австрийскими и швейцарскими информантами. Признак среднего темпа показал довольно разнообразную картину, выявить определенные тенденции оказалось довольно сложно. Признак быстрого темпа с большим процентом вероятности распознается немецкими, австрийскими и швейцарскими испытуемыми.

Заключение

Таким образом, результаты сравнения характера модификаций временного признака на материале данных, полученных в двух группах информантов, позволили выявить общие тенденции и различия, присущие той или иной группе испытуемых. Установленные различия в слуховом восприятии просодических параметров слуховой сегментации звучащей немецкой речи позволяют выработать определенные рекомендации по отработке особенно-

стей немецкого произношения на супрасегментном уровне для русской аудитории с ориентацией на данные, полученные носителями – представителями региональных ареалов распространения немецкого языка.

Характер слуховой идентификации временной организации звучащей немецкой речи, установленный на материале результатов, полученных в двух группах информантов – носителей региональных вариантов немецкого языка и русских испытуемых, – позволил подойти дифференцированно к классификации пограничных сигналов. Среди них были выделены как положительные, указывающие на наличие стыка, так и отрицательные, указывающие на его отсутствие, пограничные сигналы в зависимости от стыковой позиции на границе анализируемых лингвистических единиц.

Рассмотрение вопроса адекватности восприятия иноязычно-го сообщения, определение устойчивых супрасегментных параметров иноязычной речи, позволяющих принять объективное решение о слуховой сегментации речевого континуума, является несомненным и существенным вкладом как в развитие лингвистики, так и в разработку способов решения практических задач, стоящих перед специалистами в области фундаментального и прикладного речеведения, современной криминалистики, а также при изучении различных аспектов социальной коммуникации, находящегося под влиянием многочисленных факторов, в том числе и региональных [Berend, 2005; Haspelmath, 2011; Neuber, 2002; Regularität und Irregularität in Phonologie und Morphologie. Diachron, kontrastiv, typologisch, 2016; Riehl, 2015].

Кодирование речевого сигнала и его распознавание необходимо при решении задач автоматического распознавания и синтеза речи, в судебной и медицинской психологии, психиатрии, неврологии, при создании систем автоматической идентификации и верификации говорящего и т.д. [Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности, 2015]. Этим определяется теоретическая значимость и практическая ценность представленного исследования и, в частности, его перцептивного аспекта, направленного на установление адекватных полиинформативных признаков, позволяющих соотнести их с характером функционального состояния и речевой деятельности человека под воздействием различных факторов.

Список литературы

- Аникеев Н.П. Материалистические направления в древнеиндийской философии. – Москва : Знание, 1957. – 215 с.
- Гордеева Т.А. Модификация мелодического признака фонетического членения текстов в региональных вариантах современного немецкого языка // Известия ВГПУ. – 2020. – № 3(146). – С. 167–172.
- Гордеева Т.А., Булатова А.О. Специфика временной организации немецких текстов в региональных вариантах современного немецкого языка // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 6(132). – С. 1–5.
- Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности / Р.К. Потапова, В.В. Потапов, Н.Н. Лебедева и др. – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – 347 с.
- Общая и прикладная фонетика : учебник для вузов по направлению и специальности «Лингвистика» / Л.В. Златоустова, Р.К. Потапова, В.В. Потапов и др. ; под общ. ред. Р.К. Потаповой. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1997. – 414 с.
- Потапова Р.К. Слоговая фонетика германских языков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 144 с.
- Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация: от звука к высказыванию. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 461 с.
- Речевая коммуникация в информационном пространстве / [Р.К. Потапова и др.] ; отв. ред. Р.К. Потапова. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 112 с.
- Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным : сб. науч. трудов / ИНИОН РАН, отдел языкознания ; отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. – Москва, 2022. – 280 с.
- Berend N. Regionale Gebrauchsstandards – Gibt es sie und wie kann man sie beschreiben? // Standardvariation: Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? / Hrsg. L.M. Eichinger, W. Kallmeyer. – Berlin ; New York, 2005. – S. 102–108.
- Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation, and the nature of morphology and the syntax // Folia linguistica. – 2011. – Vol. 45, N 1. – P. 31–80.
- Hirschfeld U., Ulbrich Ch. Untersuchungen zu prosodischen Merkmalen der Standardsprachen der Bundesrepublik Deutschland und der deutschsprachigen Schweiz // Festschrift für Max Mangold zum 80. Geburtstag / Hrsg. W. Barry & M. Pützer. – Saarbrücken, 2002. – S. 81–85.
- Neuber B. Prosodische Formen in Funktion: Leistungen der Suprasegmentalia für das Verstehen, Behalten und die Bedeutungs(re)konstruktion. – Frankfurt am Main etc. : Peter Lang, 2002. – 321 S.
- Pittner K. Einführung in die germanistische Linguistik. – 2. Auflage. – Darmstadt : WGB, 2016. – 342 S.
- Potapova R., Potapov V. Kommunikative Sprechfähigkeit. – Köln etc. : Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.
- Regularität und Irregularität in Phonologie und Morphologie. Diachron, kontrastiv, typologisch / Hrsg. A. Bittner, K.-M. Köpke. – Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2016. – 218 S.
- Riehl C. Language contact, language attrition, and the concept of relic variety: The case of Barossa-German // International Journal of the Sociology of Language. – 2015. – N 236. – P. 1–33.

- Rupprecht W. Einführung in die Theorie der kognitiven Kommunikation. – Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2014. – 251 S.
- Simpson A.P. Phonetic processes in discourse // Encyclopedia of Language and Linguistics. 2nd Edition. – Amsterdam, 2006. – Vol. 9. – P. 317–348.
- Variation-Normen-Identität / Hrsg. von A.N. Lenz, A. Plewna. – Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2018. – 235 S.

References

- Anikeev N.P. *Materialisticheskie napravleniya v drevneindijskoj filosofii* [Materialistic trends in ancient Indian philosophy]. Moscow: Znanie, 1957. – 215 p. (In Russian)
- Gordeeva T.A. Modifikatsiya melodicheskogo priznaka foneticheskogo chleneniya tekstov v regional'nykh variantakh sovremennogo nemetskogo yazyka [Modification of the melodic characteristics of the phonetic text's division in the regional variants of the modern German language]. *Izvestiya VGPU* [News of VSPU]. 2020. № 3(146). P. 167–172. (In Russian)
- Gordeeva T.A., Bulatova, A.O. Spetsifika vremennoj organizatsii nemetskikh tekstov v regional'nykh variantakh sovremennogo nemetskogo yazyka [Specificity of temporal organisation of German texts in regional variants of modern German]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. 2023. № 6(132). P. 1–5. (In Russian)
- Potapova R.K., Potapov, V.V., Lebedeva, N.N. et al. *Mezhdistsiplinarnost' v issledovanii recevoj poliinformativnosti* [Interdisciplinarity in the study of speech multi-information content] / Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury [Languages of Slavic culture], 2015. 347 p. (In Russian)
- Zlatoustova L.V., Potapova, R.K., Potapov, V.V. et al. *Obshhaya i prikladnaya fonetika: uchebnik dlya vuzov po napravleniyu i spetsial'nosti "Lingvistika"* [General and applied phonetics: textbook for universities in the direction and specialty "Linguistics"]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1997. 414 p. (In Russian)
- Potapova R.K. *Slogovaya fonetika germanskikh yazykov* [Syllabic phonetics of Germanic languages]. Moscow: Higher School, 1986. 144 p. (In Russian)
- Potapova R.K., Potapov, V.V. *Recheyaya kommunikatsiya: ot zvuka k vyskazyvaniyu* [Speech communication: from sound to utterance]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur [Languages of Slavic cultures], 2012. 461 p. (In Russian)
- Potapova R.K. et al. *Recheyaya kommunikatsiya v informatsionnom prostranstve* [Speech communication in the information space]. Moscow: LENAND, 2017. 112 p. (In Russian)
- Recheyaya kommunikatsiya v setevykh strukturakh: mezhdru global'nym i lokal'nym* [Speech communication in network structures: between the global and the local] / ed. by V.V. Potapov, E.A. Kazak. Moscow, 2022. 280 p. (In Russian)
- Berend N. Regionale Gebrauchsstandards – Gibt es sie und wie kann man sie beschreiben? [Regional usage standards – Do they exist and how can they be described?]. In *Standardvariation: Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache?* [Standard variation: How much variation can the German language tolerate?] / L.M. Eichinger, W.Kallmeyer (Publ.). Berlin; New York, 2005. Pp. 102–108.
- Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation, and the nature of morphology and the syntax. *Folia linguistica*. 2011. Vol. 45, N 1. P. 31–80.

- Hirschfeld U., Ulbrich, Ch. Untersuchungen zu prosodischen Merkmalen der Standardsprachen der Bundesrepublik Deutschland und der deutschsprachigen Schweiz [Studies on prosodic features of the standard languages of the Federal Republic of Germany and German-speaking Switzerland]. In *Festschrift für Max Mangold zum 80. Geburtstag* [Festschrift for Max Mangold on his 80th birthday] / Ed. by W. Barry & M. Pützer. Saarbrücken, 2002. Pp. 81–85.
- Neuber B. *Prosodische Formen in Funktion: Leistungen der Suprasegmentalia für das Verstehen, Behalten und die Bedeutungs(re)konstruktion* [Prosodic forms in function: contributions of suprasegmentalia to understanding, retention and meaning (re)construction]. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2002. 321 p.
- Pittner K. *Einführung in die germanistische Linguistik* [Introduction to Germanic Linguistics]. 2. Auflage. Darmstadt: WGB, 2016. 342 p.
- Potapova R., Potapov, V. *Kommunikative Sprechfähigkeit* [Communicative speaking activity]. Köln etc.: Böhlau Verl., 2011. 312 p.
- Regularität und Irregularität in Phonologie und Morphologie. Diachron, kontrastiv, typologisch* [Regularity and irregularity in phonology and morphology. Diachronic, contrastive, typological] / Ed. by A. Bittner, K.-M. Köpke. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2016. 218 p.
- Riehl C. Language contact, language attrition, and the concept of relic variety: The case of Barossa-German. *International Journal of the Sociology of Language*. 2015. N 236. P. 1–33.
- Rupprecht W. *Einführung in die Theorie der kognitiven Kommunikation* [Introduction to cognitive communication theory]. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2014. 251 p.
- Simpson A.P. Phonetic processes in discourse. In *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd ed. Amsterdam, 2006. Vol. 9. Pp. 317–348.
- Variation-Normen-Identität* [Variation-norms-identity] / Ed. by A.N. Lenz & A. Plewna. Berlin; Boston: Walter de Gruyter 2018. 235 p.

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

APPLIED LINGUISTICS. TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

УДК 81'255.2

DOI: 10.31249/ling/2025.01.05

Нестерова Н.М., Наугольных Е.А.¹

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК СРЕДСТВО ДЕКОДИРОВАНИЯ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА ПЕРЕВОДИМОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПОЗДНЕГО ТВОРЧЕСТВА ДЖ. ДЖОЙСА)

Аннотация. Статья посвящена роли переводческих комментариев в процессе декодирования вертикального контекста оригинала. Материал исследования – поздние тексты Дж. Джойса: «Улисс» и «Поминки по Финнегану». Проведен сопоставительный анализ переводческих комментариев, составленных А. Рене, С. Диваковым, С. Огольцовым, С. Маховым и ранними переводчиками творчества писателя. Отмечено, что переводы «Поминок по Финнегану» в большей степени, чем «Улисс», нуждаются в переводческих комментариях за пределами текста, которые даже в этом случае не всегда позволяют раскрыть многозначность первоисточника, его вертикальный контекст.

Ключевые слова: переводческий комментарий, ингертекстуальность, окказиональное слово, творчество Дж. Джойса, переводческая интерпретация, вертикальный контекст.

Для цитирования: Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. Переводческий комментарий как средство декодирования вертикального контекста переводимого текста (на

¹ © Нестерова Н.М., Наугольных Е.А., 2025

Нестерова Наталья Михайловна – доктор филологических наук, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода; nest-nat@yandex.ru

Наугольных Евгения Андреевна – кандидат филологических наук, Пермская государственная фармацевтическая академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, и.о. завкафедрой иностранных языков и фармацевтической терминологии; pulina_jane@mail.ru

материале переводов позднего творчества Дж. Джойса) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1. – С. 61–76. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.05

NESTEROVA N.M., NAUGOLNYKH E.A.¹

**TRANSLATION COMMENTS AS A TOOL OF DECODING THE VERTICAL
CONTEXT OF THE SOURCE TEXT (BASED ON JAMES JOYCE'S LATER WORKS)**

Abstract. The article focuses on translation comments as a tool to decode the vertical context of the source text. Two later novels of J. Joyce – *Ulysses* and *Finnegans Wake* – were explored. Translation comments created by A. Rene, S. Divakov, S. Ogoltsov, S. Makhov were analyzed. It was noted that *Finnegans Wake* even more than *Ulysses* requires in-depth translation comments, which, however, in certain cases fail to express the multidimensional perception of the Joyce's masterpiece, its vertical context.

Keywords: translation comments, intertextuality, occasional word, J. Joyce literary works, translator's interpretation, vertical context.

For citation: Nesterova, N.M., Naugolnykh, E.A. Translation comments as a tool of decoding the vertical context of the source text (based on James Joyce's later works). *Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 61–76. DOI: 10.31249/ling/2025.01.05

Введение

Одним из ключевых понятий литературы модернизма и постмодернизма является интертекстуальность. Литературное слово трактуется не как «некая точка (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей», как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя и письма, образованного нынешним и предшествующим культурными контекстами [Кристева, 1995, с. 97]. Из большого числа классификаций маркеров интертекстуальности наиболее известна классификация межтекстовых и внутритекстовых отношений Ж. Женетта, который выделял следующие межтекстовые и внутритекстовые отношения: ин-

¹ © Nesterova N.M., Naugolnykh E.A., 2025

Nesterova Natalia Mikhailovna – Doctor of Philology, Perm National Research Polytechnic University, Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation; nest-nat@yandex.ru

Naugolnykh Evgeniya Andreevna – Candidate of Philology, Perm State Pharmaceutical Academy, Acting Head of the Chair of Foreign Languages and Pharmaceutical terminology; pulina_jane@mail.ru

тертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитекстуальность [Женетт, 1998].

Различные формы реализации таких отношений приводят к возникновению в тексте произведения так называемого вертикального контекста. В отечественной филологии данное понятие было впервые введено О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет. Под вертикальным контекстом они понимали такую информацию филологического характера, которая объективно заложена в конкретном литературном произведении, но выходит за пределы горизонтального контекста (языкового окружения данной языковой единицы) [Ахманова, Гюббенет, 1997, с. 47]. В обширную сферу вертикального контекста входят такие элементы, как реалии, литературные аллюзии и цитаты, реминисценции, антропонимы, топонимы, инкорпорированная иноязычная лексика. Основное отличие вертикального контекста от фонового знания заключается в том, что «он является принадлежностью единицы текста» [Гюббенет, 1991, с. 7]. Развернутое определение вертикального контекста можно также встретить в работах С.Е. Никитиной, Н.В. Васильевой, Л.В. Болдыревой, О.Н. Лагуты и др. [Никитина, Васильева, 1996; Болдырева, 1999; Лагута, 1999].

Цель данного исследования заключается в сопоставительном анализе переводческих комментариев, написанных отечественными переводчиками к собственным переводам двух последних романов Дж. Джойса, способствующих (насколько это возможно) воссозданию вертикального контекста оригинала.

Материал и методы исследования

Материалом для настоящего исследования стали новаторские романы Дж. Джойса – «Улисс» и «Поминки по Финнегану» – и переводческие комментарии как особые метатексты, созданные авторами русскоязычных переводов А. Рене, С. Диваковым, С. Огольцовым, С. Маховым, а также ранними переводчиками творчества писателя (И. Романовичем, А. Елонской, В. Топер, В. Стеничем и др.).

Выбор произведений продиктован тем, что полифонические сверхсложные для восприятия художественные тексты Дж. Джойса теперь рассматриваются, прежде всего, как «литература для писателей», переставшая быть читабельной. Они теряют свою аудиторию, хотя во многом являются революционными и, бесспорно, достойными внимательного прочтения. Нами предпринимается попытка раскрыть возможности передачи элементов вертикального контекста в романах посредством переводческих комментариев. Именно они по-

зволяют переводчику добиваться более глубокого понимания читателем языка и культуры автора произведения, особенно когда речь заходит о романах-деконструкциях, в которых «в отсутствие центра или начала – решительно все становится текстом, а поле, где происходит знаковая игра, не имеет границ» [Деррида, 1995, с. 172].

В качестве основных методов исследования использовались описательный, сопоставительный, интертекстуальный и дискурсивный анализы.

Результаты и обсуждение

Традиция переводческих предисловий и комментариев сложилась давно: еще Цицерон, как известно, комментировал свои переводы и объяснял свое переводческое кредо. Многие предисловия вошли в науку о переводе как серьезные теоретические работы. Наиболее известные из них – предисловия Дж. Драйдена к его переводу «Понтийских посланий» Овидия (1680) и В. Бенямина к переводу «Парижских картин» Ш. Бодлера (1923), известного как «Задача переводчика». Из комментариев в мировой переводческой практике наиболее фундаментальным, несомненно, является комментарий В. Набокова к переводу «Евгения Онегина», в котором вертикальный контекст пушкинского текста представлен более, чем полно.

Потребность в переводческой комментарии особо остро ощущается, когда исходный текст представляет собой своего рода «загадку» для иноязычного читателя. К таким «загадочным» (темным) элементам, как правило, относят реалии как предметные, так и языковые, которые требуют обязательного переводческого комментирования, создания вертикального контекста. Выбранный нами материал, несомненно, представляет для переводчиков то, что наиболее точно выражается английским словом *challenge*. И несмотря на нечитабельность и непереводаемость текстов Джойса, переводчики принимают авторский вызов.

Вертикальный контекст в последних романах Дж. Джойса

Как известно понятие «вертикальный контекст» тесно связано с понятием интертекстуальности. Такой контекст представляет собой информацию филологического, культурологического характера и вводится он в текст за счет скрытых и явных цитат, различного рода аллюзий. Сложный, не очень легко распознаваемый вертикальный контекст особенно характерен для модернистских и постмодернистских текстов, перевод которых, как правило, сопро-

вождается переводческим комментированием, необходимым для «считывания» читателем переводного текста культурных кодов, имеющих в исходном тексте [Нестерова, Попова, 2016].

Вертикальный контекст в рассматриваемых нами романах Дж. Джойса представляет огромную трудность для его декодирования. С целью демонстрации функционирования элементов вертикального контекста приведем небольшой отрывок из «Поминок по Финнегану»:

“I should like to ask that *Shedlock Homes* person who is out for removing the roofs of our criminal classics by what *deductio ad dominum* he hopes *de tacto*” [Joyce, 2012, p. 165].

В данном отрывке курсивом выделены те фрагменты, которые, на наш взгляд, требуют пояснения. Прежде всего это окказиональный антропоним *Shedlock Homes*, который, безусловно, эксплицирует отсылку к книгам Артура Конана Дойля о сыщике Шерлоке Холмсе. Однако не каждый русский читатель без соответствующего комментария заметит встроенную в текст деформированную цитату из его рассказа «Установление личности» (“If we could fly out of that window hand in hand, hover over this great city, gently *remove the roofs*, and peep in at the queer things which are going on...” [Doyle, 2011, p. 67]). Каламбур Дж. Джойса строится не только на внесении в текст искаженного прецедентного антропонима, образованного контаминацией (*shed* (навес, хижина, крыша) + *Sherlock*), но и на синонимии (*shed* / *roof* (крыша)), имплицитной оппозиции значений паронимов *classics* / *classes*, инкорпорировании трансформированных иноязычных устойчивых словосочетаний (*reductio ad absurdum* (лат. *доведение до абсурда*); *deductio ad dominum*; *de facto* (фактически) – *de tacto*).

Приведенный небольшой фрагмент подтверждает слова Л. Гюббенетт, писавшей, что «каким бы незначительным ни представлялось упоминание того или иного объекта, за ним всегда скрывается гораздо большее содержание, чем можно предположить с первого взгляда» [Гюббенетт, 1991, с. 8].

По мнению У. Эко, «читатель и комментатор постоянно подвергаются искушению вычленив поэтику, высказанную или подразумеваемую Дж. Джойсом, чтобы разъяснить его творчество и определить в понятиях самого Дж. Джойса те художественные решения, к которым он прибегает в своих произведениях [Эко, 2003, с.7]. Закономерно одной из основных задач переводчика становится идентификация и передача элементов вертикального контекста соответствующими средствами родного языка, и здесь

«спасают» переводческие комментарии. Такого типа комментарий Т.А. Казакова называет «дополнительным», который она определяет как «дополнительный прием, сопровождающий слова, переведенные с помощью любого способа лексико-семантической трансформации» [Казакова, 2001, с. 113].

Общепринятой функцией переводческого комментария является его способность «восполнить утраченное» или дополнить «знаковое поле неуловимых семиотических свойств, обладающих силой воздействия на ассоциативное мышление читателя» [Казакова, 2006, с. 136]. Отсутствие комментария или его неточность могут значительно снизить уровень понимания текста перевода.

В.И. Карасик считает, что переводчик как активный интерпретатор иноязычного художественного пространства может реализовать себя в комментариях в трех ипостасях (как истолкователь, лингвокультуролог и поэт). Исходя из данных ролей, лингвист делит все комментарии на три типа: комментарии первого (осмысление чужого слова), второго (рефлексия по поводу иной культуры в целом) и третьего (рефлексия, направленная на свою деятельность) типа [Карасик, 2015, с. 280].

Романы Дж. Джойса адресованы эрудированным, высокоинтеллектуальным читателям, обладающим внушительной базой фоновых знаний в различных областях. На перенасыщенность текста Дж. Джойса аллюзиями и цитатами, например, обращает внимание М. Бютор в своем произведении «Портрет художника – молодой обезьяны» (пародия на название романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности»). Переводческие комментарии являются особым способом передачи интертекстуальных элементов в ткани произведения, позволяя компенсировать смысловые потери в том случае, когда они неизбежны в рамках текста перевода.

По словам М.М. Бахтина, «пытаясь понять и объяснить произведение только из условий его эпохи, мы никогда не проникнем в его смысловые глубины <...> Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени» [Бахтин, 1986, с. 330]. Это еще одна причина, по которой переводческий комментарий к текстам Дж. Джойса приобретает особенно важное значение.

Хотя ряд исследователей подчеркивают «громоздкость» такого способа компенсации смысловых потерь, приводящего к усложнению чтения, превращающего читателя в «исследователя-литературоведа», вынужденного «препарировать» текст, а не просто наслаждаться процессом его восприятия, сложно отрицать положительные аспекты полноценных переводческих комментариев.

Переводческие комментарии оказываются особенно ценными для тех, кого В.В. Набоков называет «хорошими, отборными, соучаствующими и созидающими читателями» или «перечитывателями» [Набоков, 2000, с. 25]. Именно обстоятельный переводческий комментарий формирует дополнительное информационное поле вокруг исходного текста, открывая произведение по-новому, обеспечивая лучшее понимание замысла автора. Сам Набоков стал автором масштабного перевода «Евгения Онегина» прозой и снабдил свой труд объемными комментариями (свыше 1100 страниц), поставив перед собой труднейшую задачу: «пересадить древо пушкинского романа, не повредив корневую систему, на почву англоязычной культуры» [Бессонова, Викторovich, 1999, с. 282]. Таким образом, он действительно приблизил англоязычных читателей к русской культуре, которые открыли для себя целый ряд важных авторских реминисценций, утраченных в прежних поэтических переводах А.С. Пушкина.

Вернемся к позднему творчеству Дж. Джойса и попыткам русских переводчиков познакомить читателей с его последними новаторскими романами «Улисс» и «Поминки по Финнегану». Для правильного толкования «Улисса» Джойс в свое время составил две схемы: на английском (схема Гилберта) и на итальянском (схема Линати) языках, информацию в которых Набоков посчитал «насмешливой», даже «вводящей в заблуждение» [Набоков, 2000, с. 371].

Опубликованный впервые в России в полном объеме в переводе В. Хинкиса и С. Хоружего в 1989 г. роман «Улисс» был переиздан спустя четыре года с объемным комментарием С. Хоружего. Данный комментарий содержал перечень аллюзий, использованных писателем, основные темы эпизодов, а также опорные точки композиции романа. В 2007 г. появляется новая версия «Улисса» – в переводе С. Махова, который сопровождает его отдельным томом переводческих комментариев (190 страниц) под названием «Пояснение к “ОдиссейЯ”». Данный комментарий имеет выраженную культурологическую направленность, а также эксплицирует отношение самого переводчика к оригиналу. Еще одной полной переводной версией романа считается работа С. Огольцова. Автор перевода разместил свои примечания онлайн в свободном доступе, о чем сообщил в предисловии к книге. Ранние переводы отдельных глав «Улисса» либо содержали подстрочные ссылки, либо не сопровождались какими-либо примечаниями переводчиков.

В ходе анализа мы прибегаем к структурно-функциональной типологизации переводческих комментариев, предложенной

Т.А. Казаковой (5 типов) [Казакова, 2006, с. 137]. Покажем, насколько важен может оказаться комментарий переводчика, на следующем примере из первого эпизода романа «Улисс»:

О, shade of Kinch the elder! *Japhet* in search of a father! [Joyce, 1998, p. 18].

О, призрак Кинча-старшего! *Иафет* в поисках отца! [Джойс, 2000, с. 291].

В целом в переводе И. Романовича встречаются редкие внутритекстовые ссылки, при этом в анализируемом отрезке они отсутствуют, затрудняя читателю раскрытие замысла Дж. Джойса.

О, тень Кинка-старшего! *Иафет* в поисках отца! [Джойс, 2002, с. 21].

Переводческий комментарий: «Иафет в поисках отца» (1836) – роман Ф. Мэриэтта (1792–1848). Иафет (Яфет) – в Книге Бытия младший сын Ноя; «поиски отца» – один из лейтмотивов темы Стивен [Джойс, 2002, с. 691].

О, тень Кинка-старшего! *Иафет* в поисках отца! [Джойс, 2007а, с. 19].

Переводческий комментарий: «Иафет в поисках отца» – книга Ф. Марриетта (1792–1848). Иафет (Яфет) – в Книге Бытия младший сын Ноя; «поиски отца» – одна из сквозных нитей при изображении Стивена [Джойс 2007б, с. 12].

О, тень Кинча-старшего! *Яфет* в поисках отца! [Джойс, 2020, с. 11].

Онлайн-примечание Огольцова: «Яфет в поисках отца» – роман морского офицера Фредерика Мариата (1836 г.) [Джойс, 2020, с. 11].

Стоит отметить, что С. Огольцов в отличие от трех других переводчиков использует не укоренившийся в русской культуре антропоним «Иафет», а транслитерированное с иврита имя «Яфет», что еще более усложняет ассоциативный поиск читателя, особенно если он не обратится к примечаниям на веб-сайте.

Все три комментария относятся по классификации Казаковой к первому типу простейшего переводческого комментария, который совпадает по форме и содержанию с обычной словарной статьей. В данном случае, однако, они звучат в некоторой степени формально, так как произведение Марриетта едва ли известно русскому читателю, а, следовательно, желательным было бы расширение толкования. Возможно, стоило бы сделать акцент на основной сюжетной линии романа Марриетта, в котором сын ищет и находит родного отца с носом, похожим на его собственный, в то время как Б. Маллиган, напротив, намекает на непохожесть Стивена и Блума. Безусловно, пере-

водческие комментарии могут в значительной степени субъективировать текст. Как указывал в своих работах М.Л. Гаспаров, «нейтрального комментария, как и нейтрального перевода, не существует: перевод начинает интерпретацию текста, комментарий ее продолжает [Гаспаров, 2004, с. 74].

Обратимся к следующему примеру из четвертого эпизода романа «Улисс» – «Калипсо» или «Утро м-ра Блума»:

Inishturk. Inishark, Inishboffin. At their joggerfry. Mine. *Slieve Bloom* [Joyce, 1998, p. 56].

Иништурк. Инишарк. Инишбоффин. Урок гиаграфии. *Гора Блум* [Джойс, 2000, с. 524]. Переводческий комментарий или ссылки в переводе В.И. Стенича отсутствуют.

Да, Айништерк, Айнишарк, Айнишбоффин¹. У них география. Моя. *Сливе-Блум*². Подстрочная сноска: 1. Острова в Атлантическом океане, у берегов Ирландии; 2. Горы в южной части острова [Джойс, 2000, с. 329].

Иништерк. Инишарк. Инишбоффин. Зубрят свою смехографию. Мою. *Горы Блум* [Джойс 2002: 58]. Переводческий комментарий: Горы Блум – есть в самом деле, недалеко к юго-западу от Дублина [Джойс, 2002, с. 709].

Инишарк. Инишбоффин. Иништёрк. Зубрят свои летописанья с землеописаньями. И мои. *Хребет Блум** [Джойс, 2007а, с. 56].

Хребет Блум – имеется на самом деле, недалеко на запад от Дублина [Джойс 2007б, с. 34].

Кликуха Квэк. Кликуха Люк. Кликуха Бур. Тушатся на медленном огне. У меня? *Сляк Цвейт* [Джойс, 2020, с. 35]. Гиперссылка отсутствует.

Слив-Блум – официальное название горной цепи, проходящей между графствами Оффали и Лиинш. «Slieve» переводится с ирландского языка как «гора». Очевидна также отсылка названия горного хребта к фамилия главного героя произведения. В. Стенич, С. Хоружий и С. Махов редуцируют первую часть топонима, заменяя ее более понятными для русского читателя лексемами «гора», «горы», «хребет». А. Елонская транслитерирует исходную единицу и сопровождает ее уточняющей сноской, без которой вряд ли представляется возможным сопоставить реалию английской лингвокультуры с русским аналогом и понять, что речь идет о горном массиве Ирландии. Возможно, таким образом А. Елонская пытается компенсировать отсутствующий в ее переводе окказионализм (*joggerfry* – *география*). Наименее понятным для читателя, кажется, переводной вариант Огольцова, к сожалению, прибег-

нувшего, по классификации Казаковой, к комментарию пятого типа (нулевому комментарию). В целом путь, избранный Огольцовым, – максимальная доместикация имен собственных (*Bloom – Цвейт*). Говоря о подобных трансформациях, стоит вспомнить точку зрения другого выдающегося языкового экспериментатора XX века Дж.Р.П. Толкина, который выступал за сохранение у топонимов и антропонимов его романов такого свойства, как “Englishry” [Толкин, 2019, с. 147].

В ходе анализа переводческих комментариев было бы неверным оставить без внимания последний роман Дж. Джойса «Поминки по Финнегану», в котором использование краткой объясняющей ссылки чаще всего является недостаточным. Особенно ценным изучение переводческих комментариев становится ввиду того, что они часто обнажают скрытую сторону переводческого процесса, а значит, позволяют проследить пресуппозиции и пропозиции, заложенные автором. Возможные интерпретации текста романа были собраны в базе *Finnegans Wake Extensible Elucidation Treasury*, доступной на сайте *fweet.org*. Корпус англо-английских комментариев позволяет выявить ряд смыслов, заложенных (или не заложенных) Дж. Джойсом, поскольку любой комментарий – лишь субъективная трактовка созданного писателем текста.

Что касается межязыковой трансляции романа на русский язык, то «Поминки по Финнегану» относительно недавно вышли в полном переводе А. Рене. Кроме того, читатель может познакомиться с отдельными главами романа в переводах А. Волохонского, О. Брагиной и С. Дивакова. Поэтические вставки в романе переведены С. Сергеевым. Переводчики прозы Дж. Джойса, сопровождают свои версии объемными переводческими комментариями, которые представляют собой субъективную трактовку ряда смысловых и звуковых слоев произведения. Рассмотрим следующий пример из первой главы книги:

But we hear also through successive ages that *shebby choryuysh* of *unkalified muzzlenimiissilehims* that would *blackguardise* the *white-stone* ever *hurtleturtled* out of heaven [Joyce, 2012, p. 5].

...но сквозь минувший ряд веков мы слышим также *пьяное распевание непросыхающей музыкальности*, которая призвана *бранно изблегнуть* все выворачивающиеся из сфер небес высокие феномены [Джойс, 2024].

К сожалению, перевод А. Волохонского не содержит переводческих комментариев, но был приведен нами с целью показать, насколько сложно выстроить ассоциативные внутритекстовые связи при отсутствии необходимых сносок. Стоит, впрочем, отметить, что в

своем переводе А. Волохонский элиминировал какие-либо отсылки к религиозным реалиям, требующим словарных объяснений.

Но мы слышим также сквозь последующие века тот растрепанный *курайшитов*⁷⁰ *некалифицированных*⁷¹ *муэззулеманска-мемуэдзинов*⁷² которые сделают мерзостным *белокамень*⁷³ когда-либо *швырнувшийся/перевернувшийся* с небес [Джойс 2022: 18].

Переводческие комментарии: (70) курайшиты – правящее племя в древней Мекке, к которому принадлежал пророк Мухаммед. (71) Калиф (Халиф) – в ряде мусульманских стран титул правителя, соединяющего в своих руках светскую и духовную власть. (72) Муэдзин – служитель мечети, созывающий мусульман на молитву. Кроме того, здесь имеется отсылка к камням, которые используются в обряде побивания Сатаны (см. примечание 69). (73) По исламскому учению, Аллах даровал Адаму белый яхонт из Рая, когда тот добрался до Мекки. Затем из-за людских грехов камень стал черным [Джойс, 2022, с. 59].

Примечания С. Дивакова под номерами 70, 71 и 73 относят к переводческим комментариям первого типа. Они используются переводчиком прежде всего для объяснения некоторых реалий, включенных Дж. Джойсом в словообразовательные игры и вызывающих целый спектр литературных ассоциаций. Наиболее объемной становится сноски 72, однако и она не позволяет раскрыть суть переводческого подхода С. Дивакова, не обнажает словообразовательные особенности текста оригинала, не приближает читателя к разгадке авторских интенций.

В целом комментарии С. Дивакова неоднородны. Наряду с простым словарным объяснением, встречается целый ряд комментариев второго типа, где переводчик, например, объясняет словообразовательную модель, по которой он создает переводную единицу (*сизстры – контаминация слова «сестры» и имени Эстер*). Присутствует также значительная доля комментариев третьего типа (дополняющий комментарий), который включает также побочную информацию по отношению к переводному знаку: *яйцетреснувшей/стенной – в оригинале слово «яйцо» – на искаженном французском, которое Анна Ливия разбивает для Эрвикера, и к тому яйцу, которое героиня «Улисса» Молли Блум обещает приготовить на завтрак своему мужу Леопольду. И, конечно, имеется в виду упавший со стены Шалтай-Болтай*. Кроме того, были найдены комментарии четвертого типа (пояснительные комментарии), которые уточняют характер контекста в связи с употреблением в нем той или иной лексемы.

Вернемся к анализу переводческих комментариев А. Рене.

Но затем мы также слышим в движении вечности ту ущельную *куражистость* некалфицированных мусольвражеских *швыредзинов*, которые очернославят и самый *белокамень*, что был *сгоросгоряшваркнут* с небес [Джойс, 2021, с. 21].

Переводческий комментарий: *куражистость*. Курайшиты – племя, правившее древней Меккой; из этого племени происходил и Мухаммед. *швыредзинов*. Муэдзины – служитель мечети, призывающий мусульман на молитву. Здесь имеется в виду обряд побивания Сатаны камнями. *белокамень*. Черный камень – главный объект поклонения в Каабе, камень яйцевидной формы. Согласно легенде, камень когда-то находился в раю и был белым, но упав на землю, он изменил свой цвет из-за греховности этого мира. *сгоросгоряшваркнут*. Мотив: Горе-Горюшко [Джойс, 2021, с. 81].

Переводчик А. Рене открыто заявил о том, что во время своей работы он опирался на сведения, собранные в корпусе английских комментариев. В базе fweet.org все повторяющиеся буквосочетания, лексемы и фразы обозначены как «мотивы», поэтому в основу перевода и переводческих комментариев А. Рене закладывает именно это понятие. Он приводит систему мотивов из более чем 900 таблиц. Хотя большая часть приведенных выше сносок имеют когнитивный характер, то есть принадлежат к первому типу переводческих комментариев, присутствует отсылка к мотиву «Горе-Горюшко», в котором раскрываются глубинные смысловые пласты.

Приведенные выше отрывки из двух последних романов Дж. Джойса и варианты их переводов, а также комментарии, сделанные переводчиками, позволяют утверждать, что перевод данных текстов обязательно должен содержать комментарий, раскрывающий вертикальный контекст произведения, поскольку без него все культурные коды исходных текстов останутся непонятыми читателями переводных версий джойсовских текстов.

Заключение

Вопрос границ переводческих комментариев был и остается краеугольным. С одной стороны, только творческий комментарий, а не «механическое перенесение данных из справочников» играет важную роль в формировании коммуникативного воздействия переводного текста на вторичного реципиента [Гер-Минасова, 1994, с. 140]. С другой стороны, «соотнесение интерпретации текста с авторским замыслом – единственный способ избежать интерпретационного произвола, насилия над текстом» [Ляпушкина, 2019, с. 126].

Анализ переводческих комментариев, сопровождающих переводы романов Джойса, позволяет считать, что наиболее ценным является переводческий комментарий за пределами текста, поскольку лишь расширенные разъяснения позволяют раскрыть многозначность и многосмысленность первоисточника. Несмотря на то, что «границы между объективностью и субъективностью, сжатостью и развернутостью, эксплицитностью и имплицитностью носят размытый характер» [Карасик 2009, с. 46], переводческий комментарий к тексту, подобному джойсовскому, необходим для понимания произведения и не может сводиться к внутритекстовой ссылке. В идеале он должен носить лингвострановедческий характер, быть контекстуально ориентированным, компенсировать смысловые потери, неизбежные в процессе перевода. В случае если он носит формальный характер, то есть лишь указывает на прото-текст, он не выполняет своей основной задачи.

Проанализированные переводы «Улисса» позволяют утверждать, что переводческие комментарии в основном носят уточняющий, объясняющий характер. Наиболее объемные комментарии наблюдаются в работе С. Махова. Переводы «Поминок по Финнегану» в большей степени нуждаются в переводческих комментариях, которые наиболее полно представлены в текстовом пространстве А. Рене. В ходе создания затекстовых комментариев все переводчики опирались на целый комплекс полученных ими знаний о Дж. Джойсе, его творчестве и пресуппозициях, лежащих в его основе. Результаты проделанной ими кропотливой работы позволяют читателю обнаружить ряд скрытых интертекстов, установить необходимые ассоциативные связи и углубить понимание поздних произведений Дж. Джойса.

Список литературы

- Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47–54.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
- Бессонова А.С., Викторovich В.А. Набоков – интерпретатор «Евгения Онегина» // А.С. Пушкин и В.В. Набоков : материалы Международной научной конференции. – Санкт-Петербург : Дорн, 1999. – С. 279–289.
- Болдырева Л.В. Социально-исторический вертикальный контекст (на материале английской художественной литературы) : монография. – Москва : Диалог-МГУ, 1997. – 88 с.
- Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 2. – С. 70–74.

- Гюббенет И.В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
- Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1995. – № 5. – С. 170–189.
- Джойс Дж.* Избранное: сборник. – Москва : Радуга, 2000. – 624 с.
- Джойс Дж.* На помине Финнеганов : книга 1, глава 1 / пер. с англ. А. Рене. – Екатеринбург : Издательские решения, 2021. – 226 с.
- Джойс Дж.* Сочинения : в 3 т. : ОдиссейЯ / пер. с англ. С. Махова. – Москва : СФК Инвест, 2007а. – Т. 2. – 696 с.
- Джойс Дж.* Сочинения : в 3 т. : Пояснения / пер. с англ. С. Махова. – Москва : СФК Инвест, 2007б. – Т. 3. – 192 с.
- Джойс Дж.* Улисс / пер. с англ. С. Огольцова. – 2020. – URL : <https://sumizdut.narod.ru/volume-2/joyce/telemachus/page-11.html> (дата обращения: 15.07.2024).
- Джойс Дж.* Улисс: роман / пер. с англ. В. Хинкиса, С. Хоружего. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2002. – 830 с.
- Джойс Дж.* Уэйк Финнеганов / пер. с англ. А. Волохонского. – URL : <http://www.james-joyce.ru/works/angl-volhonskiy-text.htm> (дата обращения: 20.07.2024).
- Джойс Дж.* Финнегановы воспоминки / пер. с англ. С.В. Дивакова. – Тверь : Издательство букиниста «Что делать?», 2022. – 120 с.
- Женетт Ж.* Работы по поэтике: фигуры. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 470 с.
- Казакова Т.А.* Практические основы перевода. – Санкт-Петербург : Союз, 2001. – 320 с.
- Казакова Т.А.* Художественный перевод: теория и практика. – Санкт-Петербург : ООО «ИнЪязиздат», 2006. – 544 с.
- Карасик В.И.* Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. науч. трудов. – Воронеж, 2009. – Вып. 7. – С. 32–47.
- Карасик В.И.* Языковое проявление личности. – Москва : Гнозис, 2015. – 384 с.
- Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
- Лагута О.Н.* Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. – Новосибирск : Новосибирский госуниверситет, 1999. – 71 с.
- Ляушикина Е.И.* Введение в литературную герменевтику. – Москва : Панглосс, 2019. – 255 с.
- Набоков В.В.* О хороших читателях и хороших писателях // Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. – Москва : Независимая газета, 2000. – С. 23–32.
- Нестерова Н.М., Попова Ю.К.* Интертекстуальные связи и их трансляция при переводе (на материале постмодернистских текстов и их переводов) // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 10. – С. 59–65.
- Никитина С.Е., Васильева Н.В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов: принципы составления и избранные словарные статьи. – Москва : Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 1996. – 172 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Пушкинская проза в восприятии англоязычного читателя // Россия и Запад: диалог культур : сб. науч. статей. – Москва : МГУ, 1994. – С. 140–144.
- Толкин Дж.Р.Р.* Письма. – Москва : АСТ, 2019. – 752 с.
- Эко У.* Поэтики Джойса. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2003. – 496 с.

- Doyle A.C. A Case of Identity // The Adventures of Sherlock Holmes. – New York : Tribeca books, 2011. – P. 56–75.
- Joyce J. Finnegans Wake. – London : Wordsworth classics, 2012. – 628 p.
- Joyce J. Ulysses. – London : Picador, 1998. – 741 p.

References

- Ahmanova O.S., Gjubbenet, I.V. “Vertikal’nyj kontekst” kak filologicheskaja problema [“Vertical context” as a philological problem]. *Voprosy jazykoznanija*. 1977. N 3. P. 47–54. (In Russian)
- Bahtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow : Iskusstvo, 1986. 445 p. (In Russian)
- Bessonova A.S., Viktorovich, V.A. Nabokov – interpretator “Evgenija Onegina” [Nabokov as Interpreter of “Eugene Onegin”]. In *A.S. Pushkin i V.V. Nabokov: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Saint Petersburg: Dorn, 1999. Pp. 279–289. (In Russian)
- Boldyreva L.V. *Social’no-istoricheskij vertikal’nyj kontekst (na materiale anglijskoj hudozhestvennoj literatury)* [Socio-historical vertical context (based on English fiction)]. Moscow: Dialog-MGU, 1997. 88 p. (In Russian)
- Gasparov M.L. Ju.M. Lotman i problemy kommentirovanija [Lotman and the problems of commenting]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. N 2. P. 70–74. (In Russian)
- Gjubbenet I.V. *Osnovy filologicheskoi interpretacii literaturno-hudozhestvennogo teksta* [Fundamentals of philological interpretation of literary and artistic text]. Moscow: Izd-vo MGU, 1991. 205 p. (In Russian)
- Derrida Zh. *Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk* [Structure, sign and play in the discourse of the human sciences]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*. 1995. N. 5. P. 170–189. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Izbrannoe: sbornik* [Selection]. Moscow: Raduga, 2000. 624 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Na pomine Finneganov: kniga 1, glava 1* [Na pomine Finneganov: vol. 1, chapter 1] / per. s angl. A. Rene. Ekaterinburg: Izdatel’skie reshenija, 2021. 226 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Sochinenija v 3 t.* [Works in 3 volumes: OdisseyYa] / per. s angl. S. Mahova. Moscow: SFK Invest, 2007a. T. 2 : OdisseyJa. 696 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Sochinenija v 3 t.* [Works in 3 volumes: Comments] / per. s angl. S. Mahova. Moscow: SFK Invest, 2007b. T. 3: Pojasnenija. 192 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Uliss* [Ulysses] / per. s angl. S. Ogoľ’cova. 2020. URL: <https://sumizdut.narod.ru/volume-2/joyce/telemachus/page-11.html> (accessed: 15.07.2024). (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Uliss: roman* [Ulysses: novel] / per. s angl. V. Hinkisa, S. Horuzhego. Saint Petersburg: Simpozium, 2002. 830 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Ujejk Finneganov* [Ueik Finneganov] / per. s angl. A. Volohonskogo. URL: <http://www.james-joyce.ru/works/anri-volhonskiy-text.htm> (accessed: 20.07.2024). (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Finneganovy vspominki* [Finneganovy vspominki] / per. s angl. S.V. Divakova. Tver’: Izdatel’stvo bukinista “Chto delat’?”, 2022. 120 p. (In Russian)
- Zhenett Zh. *Raboty po pojetike: figury* [Works on Poetics: Figures]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1998. 470 p. (In Russian)

- Kazakova T.A. *Prakticheskie osnovy perevoda* [Practical basis of translation]. Saint Petersburg: Sojuz, 2001. 320 p. (In Russian)
- Kazakova T.A. *Hudozhestvennyj perevod: teorija i praktika* [Theory and practice of literary translation]. Saint Petersburg: Injazizdat, 2006. 544 p. (In Russian)
- Karasik V.I. Kommentarij kak zhanr germenevtičeskogo diskursa [Commentary as a genre of hermeneutic discourse]. In *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda: sbornik nauchnyh trudov*. 2009. Vyp. 7. Pp. 32–47. (In Russian)
- Karasik V.I. *Jazykovoje projavlenie lichnosti* [Linguistic manifestation of personality]. Moscow: Gnozis, 2015. 384 p. (In Russian)
- Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue and novel]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija*. 1995. N 1. P. 97–124. (In Russian)
- Laguta O.N. *Učebnyj slovar' stilističeskikh terminov. Praktičeskie zadanija* [Educational dictionary of stylistic terms. Practical tasks]. Novosibirsk: Novosibirskij gos-universitet, 1999. 71 p. (In Russian)
- Ljapushkina E.I. *Vvedenie v literaturnuju germenevtiku* [Introduction to literary hermeneutics]. Moscow: Pangloss, 2019. 255 p. (In Russian)
- Nabokov V.V. O horoshih čitateljah i horoshih pisateljah [Good readers and good writers]. In *Nabokov V.V. Lekcii po zarubežnoj literature*. Moscow: Nezavisimaja gazeta, 2000. Pp. 23–32. (In Russian)
- Nesterova N.M., Popova, Ju.K. Intertekstual'nye svjazi i ih transljacija pri perevode (na materiale postmodernistskih tekstov i ih perevodov) [Intertextual relations and their interlanguage translation (on the basis of postmodern texts and their translations)]. *Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija*. 2016. №10. P. 59–65. (In Russian)
- Nikitina S.E., Vasil'eva, N.V. *Jeksperimental'nyj sistemnyj tolkovyj slovar' stilističeskikh terminov. Principy sostavlenija i izbrannye slovarnye stat'i* [Experimental system explanatory dictionary of stylistic terms. Compilation principles and selected dictionary entries]. Moscow: Ros. akad. nauk, In-t jazykoznanija, 1996. 172 p. (In Russian)
- Ter-Minasova S.G. Pushkinskaja proza v vosprijatii anglojazyčnogo čitatelja [Alexander Pushkin's prose in the English-speaking world]. In *Rossija i Zapad: Dialog kul'tur: sbornik nauchnyh statej*. Moscow: MGU, 1994. Pp. 140–144. (In Russian)
- Tolkin, Dzh.R.R. *Pis'ma* [Letters]. Moscow: AST, 2019. 752 p. (In Russian)
- Jeko U. *Pojetiki Džhojsa* [Joyce's Poetics]. Saint Petersburg: Simpozium, 2003. 496 p. (In Russian)
- Doyle A.C. A Case of Identity. In *The Adventures of Sherlock Holmes*. New York: Tribeca books, 2011. P. 56–75.
- Joyce J. *Finnegans Wake*. London: Wordsworth classics, 2012. 628 p.
- Joyce J. *Ulysses*. London: Picador, 1998. 741 p.

Дигалев Н.В., Карасик В.И.¹

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ СПОРТИВНОГО СОСТЯЗАНИЯ: ЦЕННОСТИ, НОРМЫ, ТРАДИЦИИ

Аннотация. Рассматриваются концептуальные и дискурсивные характеристики спортивного события. Осмысление спортивных состязаний дает возможность установить их понятийные, образно-перцептивные, ценностные и дискурсивные признаки. В понятийном плане спортивное состязание представляет собой действие, вызванное стремлением его участников превзойти друг друга и организованное по определенным правилам. Образно-перцептивные признаки таких событий характеризуют их время и место, их разновидности и отношение ним со стороны их участников и зрителей. Ценностные признаки спортивных состязаний амбивалентны: с одной стороны, отмечается их благотворная роль для поддержания хорошего здоровья и воспитания сильной воли, с другой стороны, в современном мире профессиональные спортивные состязания носят откровенно коммерческий и политический характер. Дискурсивные характеристики спортивных событий состоят в описании состязаний с учетом их участников, обстоятельств, норм и традиций. Нормы поведения спортсменов фиксируются в общих и частных правилах организации состязаний, речевках, песнях, мемуарах, публицистике, художественной литературе и кинематографии. Спортивные события могут становиться важными символами лингвокультуры.

¹ © Дигалев Н.В., Карасик В.И., 2025

Дигалев Николай Владимирович – аспирант Московского государственного лингвистического университета; nikodigal@gmail.com

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета; vkarasik@yandex.ru

Ключевые слова: спортивное состязание; концепт; понятие; образ; ценность; норма.

Для цитирования: Дигалев Н.В., Карасик В.И. Лингвоаксиологи спортивного состязания: ценности, нормы, традиции // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1. – С. 77–92. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.06

DIGALEV N.V., KARASIK V.I.¹

**LINGVISTIC AXIOLOGY OF SPORTS COMPETITION:
VALUES, NORMS, TRADITIONS**

Abstract. The paper deals with conceptual and discursive characteristics of sport events. Conceptualization of sport competitions allows us to determine their notional, perceptive, evaluative and discursive features. Notionally, a sport event is an action motivated by its participants to surpass each other and organized according to certain rules. Perceptive features of sport events characterize their varieties, time and place and attitude to them from their actors and public. Evaluative properties of sport competitions are ambivalent: on the one hand, they are beneficial for keeping good health and forming a strong character, on the other hand, nowadays professional sport events have a distinct commercial and political meaning. Discursive characteristics of sport events consist in their description concerning their participants, circumstances, norms and traditions. Behavioral norms of sportsmen are fixed in general and special principles and rules, songs and chants, memoirs, publicist and fiction texts and cinematography. Sport events may turn into important cultural symbols.

Keywords: sport event; concept; notion; perceptive image; value; norm.

For citation: Digalev, N.V., Karasik, V.I. Lingvistic axiology of sports competition: values, norms, traditions. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 77–92. DOI: 10.31249/ling/2025.01.06

Аксиологический подход к языку направлен на выявление ценностей, закрепленных в семантике различных языковых единиц. Эти ценности – высшие ориентиры поведения – в совокупности образуют ценностную картину мира, представляющую собой

¹ © Digalev N.V., Karasik V.I., 2025

Digalev Nikolay Vladimirovich – Postgraduate Student at Moscow State Linguistic University; nikodigal@gmail.com

Karasik Vladimir Ilyich – Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Institute of the Russian Language, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Moscow State Linguistic University; vkarasik@yandex.ru

особый сегмент концептосферы определенного этнокультурного и социокультурного сообщества. Изучению этой проблемы посвящены многие работы, выполненные в рамках лингвокультурологии [Вежбицкая, 2011; Воркачев, 2014; Воробьев, 1997; Дементьев, 2013; Демьянков, 2007; Зусман, 2001; Карасик, 2004; Ковшова, 2016; Красавский, 2008; Красных, 2002; Куссе, 2022; Леонтович, 2022; Романова, 2019; Слышкин, 2004; Степанов, 1997; Стернин, 2008; Шаклеин, 2012; Шмелев, 2002].

Одним из концептов с высоким ценностным содержанием является состязание, в частности спортивное состязание. В основу работы положено предположение, что аксиологическое описание этого концепта на материале русского языка даст возможность установить и охарактеризовать определенные ценности, нормы и традиции, присущие русской лингвокультуре.

Лингвистическое изучение спортивных состязаний, спортивной терминологии, спортивного жаргона, спортивных репортажей и лингвосемиотики спорта привлекало внимание исследователей [Борытко, 2013; Исабаева, 1987; Киселева, 2009; Никитина, Рогалева, 2010; Панкратова, 2005; Попов, 2003; Пром, 2011; Птушкина, 1997; Рылов, 1999; Свистунова, 2005]. Вместе с тем лингвоаксиологические характеристики спортивного состязания еще недостаточно освещены в научной литературе.

В качестве материала исследования использовались данные толковых и ассоциативных словарей, Национального корпуса русского языка, примеров, взятых из медийного и сетевого дискурса.

Описание рассматриваемого концепта (кванта переживаемого знания) включает определение его понятийного, образно-перцептивного, ценностного и дискурсивного содержания.

Понятийное описание спортивного состязания сводится к установлению признаков состязания как такового и спорта как особой сферы социальной активности.

Толковый словарь дает нам следующую информацию:

Состязание – действие по знач. глаг. состязаться – т.е. предпринимаемые кем-л. действия, усилия, вызванные стремлением превзойти, оказаться лучше кого-чего-л в чем-л. Спортивное мероприятие, целью которого является установление сильнейшего среди спортсменов или команд [БУСРЯ]. Спорт – Область человеческой деятельности, связанная с выполнением разного рода физических упражнений, демонстрирующих физические возможности человека, с организацией учебно-тренировочных занятий и соревнований по различным видам таких упражнений, а также отдельное направление этой деятельности [БУСРЯ].

Эта дефиниция суммирует следующие признаки: 1) действие, 2) вызванное стремлением превзойти кого-либо, 3) в игровом мероприятии, 4) демонстрирующем физические возможности людей. Ближайшим синонимом слова «состяжание» является лексическая единица «соревнование», дефиниции этих слов полностью совпадают в словаре. В синонимическом словаре устанавливается тонкое различие между глаголами «соревноваться» и «состяжаться»: *соревноваться – стремиться добиться лучших результатов, превзойти кого-л. в каком-л. отношении; слово «состяжаться» употребляется преимущественно по отношению к действиям, протекающим стремительно, напряженно, в течение ограниченного времени, особенно часто употребляется по отношению к спортивному соревнованию* [ССРЯ, т. 2].

В идеографическом словаре русского языка приводится развернутый список слов, относящихся к теме «спорт» и включающих разделы «физические упражнения», «соревновательная деятельность», «спортивные сооружения», «виды соревнований», «игровые виды спорта», «результат игры», «атлетика», «соревнования на скорость», «циклические виды спорта», «водный спорт», «технические виды спорта», «сложнокоординационные виды спорта», «командные игры», «абстрактно-игровые виды спорта» [ИСРЯ]. Такое тезаурусное представление тематической сферы «спорт» представляется неполным и эклектичным, но позволяет увидеть разнообразные векторы языкового осмысления этой понятийной области.

Образно-перцептивные признаки спортивного состязания можно установить на основе анализа высказываний, в которых приводятся конкретные ситуативные описания состязаний, а также путем анализа ассоциаций при помощи опроса информантов. В национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) приводится множество иллюстративных примеров, в которых уточняются понятийные признаки рассматриваемого концепта.

Спортивные состязания проводятся в определенных местах и длятся определенное время:

Перед глазами зрителей поплыли московские улицы, спортивное состязание на одном из столичных стадионов, канал Москва – Волга... (Е. Ильина).

Напомним, Азиатские игры, называемые также Азиада, – спортивное состязание, проводимое каждые четыре года среди атлетов со всех стран Азии с 1951 года (И. Федорова).

Спортивное состязание состоялось в физкультурно-оздоровительном комплексе «Заречье» (К. Остапенко).

Спортивные мероприятия привлекают к себе внимание многих наблюдателей:

Спорт всегда определяет лицо страны, а когда спортивное состязание транслируют более чем в сто стран мира, это означает, что Россия – нормальная страна (Ш. Тарпищев).

Во время настоящего пребывания в Англии русского военно-го флота в Портсмуте имело место редкое спортивное состязание, собравшее несколько тысяч зрителей, преимущественно моряков (Ф. Иванов).

Спортивные состязания экономически выгодны:

Крупное спортивное состязание, подготовка к которому ведется в соответствии с ранее принятыми планами местного, регионального и общенационального развития, способно ускорить строительство инфраструктуры на десять лет и более, а также повысить качество жизни местного населения, улучшить конкурентоспособность страны на мировой арене и в долгосрочной перспективе обеспечить ей экономическую выгоду (С. Жаров).

Олимпиада Москве нужна, потому что спортивное состязание такого уровня может иметь только положительные аспекты: финансовые, развитие туризма, инфраструктуры, строительство новых стадионов (И. Иванов).

Уточняются виды спортивных состязаний:

С 14 июня по 15 июля будущего года в России будет проходить масштабное спортивное состязание – чемпионат мира по футболу (Л. Самойлов).

Хозяева птиц-участниц забега незадолго до старта должны были подписать специальный документ, гласящий: «Я осознаю, что куриные бега – это очень напряженное спортивное состязание, и подтверждаю, что нахожусь в подходящей для этого события физической форме» (Д. Клименко).

Спортивное состязание предполагает равные условия для его участников:

Какое может быть спортивное состязание, когда у одного клуба в десять раз меньше денег, чем у другого? (Б. Кубарев).

«Уже сейчас можно сказать, что этот турнир в Рио-де-Жанейро удался и как социальный проект, и как спортивное состязание, в котором участники показывают настоящий пример честной и корректной борьбы», – цитирует ИТАР-ТАСС основателя чемпионата мира среди бездомных и президента турнира шотландца Мела Янга (Н. Сидоров).

Спортивные состязания противопоставляются другим социальным действиям:

К сожалению, в каждое спортивное состязание сейчас вкладывается больше политический смысл, нежели чисто спортивный, а из этого вытекают и соответствующие выводы (Б. Вронский).

Да, научный поиск – не спортивное состязание, быть первым – не самоцель (Н. Петров).

Нельзя превращать суд в спортивное состязание между двумя крючкотворцами или краснобаями (И. Солоневич).

Для местных жителей все происходящее – скорее диковинный фестиваль, чем спортивное состязание (Е. Бакин).

Спортивные состязания могут иметь и магическое осмысление:

Не только в Нигерии, но и во многих странах Черного континента даже образованные люди верят, что ни одно значительное спортивное состязание, будь то футбольный матч или международная встреча боксеров, не обходится без применения магии, отмечает ИТАР-ТАСС (В. Демченко).

Жители Бостона гордятся своим марафоном еще и потому, что именно здесь произошло переосмысление древнего ритуала, наполняющего спортивное состязание мифологическим содержанием (А. Генис).

Выражения лиц болельщиков наводят на мысли, что смотрят они скорее остросюжетный боевик, а не спортивное состязание (Д. Юрьев).

Заслуживает внимания шутовское метафорическое переосмысление состязания:

Любимое спортивное состязание тещи и свекрови — перетягивание внука (Анон.).

Таким образом, перцептивно-образные характеристики спортивных состязаний уточняют обстоятельства их проведения, их разновидности и социальную значимость, уточняют условия их организации и реакции болельщиков.

Ценностные характеристики спортивного состязания вытекают из осознания противоборства как его сути и игрового характера соперничества, т.е. взаимодействия для получения удовольствия и действия по правилам, установленным для такой борьбы.

В пословицах и поговорках, имеющих отношение к рассматриваемому концепту, можно увидеть суждения, характеризующие участников состязания. Традиционные паремии, возникшие в крестьянском и ремесленном быту, не затрагивают тему спортивных состязаний. Эта тема проявляется в речениях современного городского фольклора:

Занятия спортом полезны для здоровья:

Кто спортом занимается, тот силы набирается. Кто ловко бьет по мячу, тому все по плечу. Спорт – закалка на долгую жизнь.

Стадионы в Советском Союзе часто были украшены девизом:

Труд – счастье, спорт – здоровье.

Следует трезво оценивать себя в спортивном противоборстве:

В спорте, как и в казино, выиграть случайно очень трудно. В спорте мания величия помогает плохо. Но хорошо помогает мания преследования.

Вместе с тем отмечено и критическое высказывание о спорте:

Физкультура – лечит, спорт – калечит.

Высказано важное суждение о сущности формирования характера:

Главное соревнование – борьба с самим собой.

Приведенные высказывания лишь отчасти соответствуют канону пословиц, поскольку они чересчур прямолинейны по содержанию. В паремиях обычно высказывается прямое ценностное суждение о пользе или вреде определенного действия или отношения к жизни. В афористике мы видим суждения о человеческой природе, при этом такие речения носят подчеркнуто личностный характер.

Соревнования на самом деле редко бывают честными:

Серьезный спорт ни имеет ничего общего с честной игрой.

Серьезный спорт – это война минус убийство (Дж. Оруэлл).

Лягушка может прыгнуть дальше льва, если судьей при этом выступает жаба (Х. Пелитев).

Я обнимаю своего соперника, но только с целью задушить его (Ж. Расин).

Соревнование требует азарта:

Самое страшное для задиристых – оказаться без соперника (Д. Квиллар).

Повесть о чемпионате страны по виду спорта, в которой одной команде достался приз «За победу», а другой – «За волю к победе» (А. Кулич).

Соревнование дает силы:

Кони, запряженные в колесницу, бегут быстрее, нежели поодиночке, – не потому, что общими усилиями они легче рассекают воздух, но потому, что их разжигает соревнование и соперничество друг с другом (Плутарх).

Соперничество подстегивает людей; равенство развращает их; непреодолимое превосходство унижает и приводит в отчаяние (Буаст).

Зрители редко бывают на стороне судьи:

Футбольный матч: поединок свистка судьи со свистом трибун (С. Врублевский).

Спорт редко способствует укреплению здоровья:

Спорт – это физкультура, доведенная до абсурда (Л. Краткий).

Самое лучшее в физических упражнениях – отдых от них (Анон.).

Приведенные речения в основном отражают иронию и скептицизм тех, кто оценивает современный спорт.

Дискурсивные характеристики спортивных состязаний включают описание поведения их субъектов, обстоятельств и норм. Субъектами состязания являются их непосредственные участники, тренеры, которые их готовят к соревнованиям, судьи и болельщики. В качестве обстоятельств выступают место и время проведения соревнования (например, определенный стадион, дата и время футбольного матча). Нормы состязаний сводятся к общим и частным правилам.

Общие правила таковы: честное спортивное соперничество, соблюдение правил игры, безопасное поведение, поддержка товарищей по команде, уважительное отношение к соперникам, антидопинг (<https://crumb.ru/marking>). Правила честного соперничества сводятся к базовым этическим принципам справедливости, доброты, честности, уважения и ответственности. Такие правила – это установленные традицией ограничения в каждой игре, например, в футболе нельзя прикасаться к мячу рукой. Правила безопасности требуют от игроков не допускать причинения физического вреда сопернику. В спортивной борьбе, например, существует определенный жест, удар ладонью по полу, после чего соперник должен прекратить применение болевого приема. Поддержка товарищей по команде означает участие в коллективном действии. Уважение к сопернику подразумевает признание того, что противник – это не враг, а партнер и участник игры. Антидопинг – это отказ от применения препаратов, повышающих уровень физической активности спортсмена. Эти правила, как и любые нормы, имеют градуальный характер, их нарушение влечет за собой разные виды наказаний – от исключения из игры до спортивной дисквалификации.

Этика спорта в наиболее ярком выражении представлена в принципах Олимпийского движения. Основатель этого движения Пьер де Кубертен руководствовался благородной идеей возродить традиции античной Греции и сделать спорт одним из способов приближения к идеалам человечества. Олимпионикам было присуще не только физическое, но и нравственное совершенство. В результате честных и бескорыстных состязаний венки победите-

лей получали самые достойные люди. Сегодня большой спорт превратился в отрасль индустрии, профессиональные спортсмены получают огромные гонорары, спортивные события приобретают политический смысл.

Отклонения от идеальных норм поведения во время Олимпийских игр отмечены еще в античную эпоху:

В 146 году до н. э. Грецию завоевали римляне, и побежденные греки вопреки священной традиции вынуждены были позволить им участвовать в Играх. Переполненный гордостью Нерон приказал построить в Олимпии сказочный дворец, а затем решил сам участвовать в состязаниях колесниц. В этих соревнованиях предполагалось участие множества атлетов. Огромное количество колесниц принадлежало знатнейшим фамилиям, а участники были прекрасно подготовлены. Но когда стало известно, что император собственной персоной хочет участвовать в соревнованиях, все немедленно ретировались. Никто не осмелился помешать Нерону стать «чемпионом». Каждый отлично знал: попытайся он противостоять Нерону, сразу появится риск потерять жизнь. Таким образом, Нерон в гордом одиночестве появился на дорожке ипподрома, стоя на своей колеснице, запряженной десятью лошадьми. На дистанции он дважды умудрился упасть, но наконец добрался до финиша. Он был немедленно увенчан лавровым венком, и никто не посмел даже улыбнуться (www.litres.ru/book/valeriy-shteynbah).

В наши дни, когда спортивные состязания становятся коммерческими и политизированными событиями, возникают новые знаки антиспортивного поведения, например, жест «кнель», напоминающий сдерживаемое нацистское приветствие, используемый некоторыми футболистами из стран третьего мира в матчах с европейцами, т.е. провокационное выражение вражды.

Частные правила спортивных состязаний определяют конкретную совокупность признаков определенного вида спорта. Например, в футболе это размер футбольного поля и его разметка, определенный вес и размер мяча, количество игроков и возможность их замены, одежда игроков, полномочия судьи, игровое время, положение «вне игры» и др.

Заслуживают внимания традиции поведения болельщиков. Регламентируется поведение зрителей во время спортивных состязаний: болельщикам разрешается криками подбадривать игроков, скандировать спортивные девизы, петь, поднимать плакаты, но нельзя выбегать на футбольное поле или устраивать драку на трибунах. В русской лингвокультуре известны возгласы болельщиков

«Судью на мыло!» в тех случаях, когда публика считает, что судья поступает нечестно. Подбадривая игроков, болельщики хором скандируют: «Надо – гол!», на международных матчах российские фанаты часто кричат: «Рос-си-я!». В Волгограде болельщики так подбадривали свою любимую команду «Ротор»: «Если Ротор – не команда, значит, Волга – не река!». Болельщики команды «Зенит» нашли оригинальное выражение поддержки своей команде: “*Umberto! Unito! Zenito pobedito!*” (Здесь видна интертекстуальная связь с девизом *El pueblo unido jamás será vencido!* – Объединенный народ никогда не будет побежден! – в песне чилийского поэта и композитора Серхио Ортеги, написанной в 1973 во время вооруженного мятежа против правительства С. Альенде).

Популярные спортивные игры как значимая часть массовой культуры закономерно отражаются в аксиогенных текстах, в частности в песнях.

В хоккей играют настоящие мужчины. Трус не играет в хоккей (С. Гребенников, Н. Добронравов). Мужчина должен быть сильным и смелым.

Мы верим твердо в героев спорта, нам победа как воздух нужна. Мы хотим всем рекордам, наши звонкие дать имена (Н. Добронравов).

Удача как жар-птица, пусть не всегда везет, / Но мы одна команда и мы сравняем счет! / Стремись всегда к победе, не бойся неудач. / Ты завтра в высшей лиге забьешь свой главный мяч! (Н. Осошник). Спорт формирует волю к победе.

В песнях советской эпохи спорт был значимым концептом:

Эй, вратарь, готовься к бою: / Часовым ты поставлен у ворот. / Ты представь, что за тобою / Полоса пограничная идет! (В. Лебедев-Кумач). Победа в спортивном поединке ассоциируется с защитой Родины.

Если хотите, поспорьте, / Но я скажу, наконец: / Кто себя выразил в спорте, / Тот молодец, тот молодец! / Бегать, скакать, кувыркатся, / Каждый обязан уметь, / Нужно лишь только собраться / И захотеть, и захотеть! (Н. Олев, А. Балагин). Каждый обязан быть в хорошей физической форме.

Аксиология спортивного состязания состоит также в том, что спортивное событие становится символом, выражающим высшие ценности.

Летом 1942 г. в оккупированном немцами Киеве состоялся футбольный матч, получивший название «матч смерти», между советскими футболистами, по разным причинам оставшимися в городе, и немецкой командой Flakelf. Это событие было неодно-

кратно освещено в мемуарах, публицистике, художественной литературе и кинематографии. Приведем пример из мемуаров:

Гитлеровцы узнали, что на хлебозаводе № 1 работает грузчиком бывший вратарь киевского «Динамо», любимец болельщиков Николай Трусевич. Его часто видели после работы, играющим в футбол на пустыре с местными парнями. Представители гитлеровского командования и местных властей предложили ему собрать команду для участия в открытии стадиона в матче со сборной одной гитлеровской дивизии. Он начал искать бывших футболистов. Когда ему удалось набрать нужное количество, то возник ожесточенный спор: стоит ли принимать немецкое предложение, не будет ли это смахивать на предательство? Говорили и то, что в случае отказа их могут расстрелять, а в лучшем случае – отправить в концлагерь. Многие говорили: «Лучше умереть, чем играть с фрицами». Но высказывалась и другая точка зрения: «Нужно играть и обязательно выиграть, разгромить фрицев, не дать им ощутить радость победы!» После короткого спора было решено участвовать в футбольных матчах и сделать все, чтобы обязательно победить! (http://samlib.ru/a/aja_k).

Немецкая команда потерпела поражение, и это было осмыслено как символ силы и стойкости советских людей. После этой победы наши футболисты были расстреляны, хотя некоторым из них удалось выжить.

Значимым событием был и футбольный матч команд «Динамо» и «Зенит» в мае 1942 г. в блокадном Ленинграде.

Несмотря на то, что в осажденном городе не хватало продовольствия, не было электричества, даже в самые непростые месяцы город старался жить настолько полноценной жизнью, насколько это было возможно. Например, продолжали работать театры и проводились спортивные соревнования. ... Сам факт, что Ленинград живет и борется, – это был очень сильный сигнал для всех остальных о том, что у нас есть возможности, силы и город будет жить и бороться дальше (<https://tass.ru/sport/14775859>).

Приведенный пример свидетельствует о том, что спортивное событие может стать значимым символом несгибаемости и веры в победу.

Подведем основные итоги.

Осмысление спортивных состязаний дает возможность установить их понятийные, образно-перцептивные, ценностные и дискурсивные признаки. В понятийном плане спортивное состязание представляет собой действие, вызванное стремлением его участ-

ников превзойти друг друга и организованное по определенным правилам. Образно-перцептивные признаки таких событий характеризуют их время и место, их разновидности и отношение ним со стороны их участников и зрителей. Ценностные признаки спортивных состязаний амбивалентны: с одной стороны, отмечается благотворная роль спорта для поддержания хорошего здоровья и воспитания сильной воли, с другой стороны, в современном мире профессиональные спортивные состязания носят откровенно коммерческий и политический характер. Дискурсивные характеристики спортивных событий состоят в описании состязаний с учетом их участников, обстоятельств, норм и традиций. Нормы поведения спортсменов фиксируются в речевках, песнях, общих и частных правилах организации состязаний, мемуарах, публицистике, художественной литературе и кинематографии. Спортивные события могут становиться важными символами лингвокультуры.

Список литературы

- Борытко А.Н.* Коммуникативная ясность спортивного комментария : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. – 26 с.
- Вежибицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. – Москва : Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
- Воркачев С.Г.* Воплощение смысла: *conceptualia selecta* : монография. – Волгоград : Парадигма, 2014. – 331 с.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы) : монография. – Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 31 с.
- Дементьев В.В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. – Москва : Глобал ком, 2013. – 336 с.
- Демьянков В.З.* «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. трудов. – Москва ; Калуга : ИП Кошелев А.Б., 2007. – С. 26–33.
- Зусман В.Г.* Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. – Нижний Новгород : Деком, 2001. – С. 38–53.
- Исабаева К.К.* Лексика из области спорта как экспрессивно-стилистическое средство // Образная структура текста : сб. науч. трудов. – Алма-Ата, 1987. – С. 89–94.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.
- Киселева В.А.* Лексико-фразеологическая экспликация концепта *футбол* в спортивном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2009. – 21 с.
- Ковшиова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – Москва : URSS, 2016. – 456 с.
- Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. – Москва : Гнозис, 2008. – 374 с.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с.

- Куссе Х. Культуроведческая лингвистика / пер. с нем. – Москва : Гнозис, 2022. – 536 с.
- Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга : монография. – Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. – 252 с.
- Никитина Т.Ю., Рогалева Е.И. Словарь футбольного болельщика: оле-оле-оле-оле! – Москва : ОлмаМедиаГрупп : Просвещение, 2010. – 384 с.
- Панкратова О.А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 23 с.
- Попов Р.В. Русская спортивная терминология (на материале баскетбольной терминосистемы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Северодвинск, 2003. – 24 с.
- Пром Н.А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 23 с.
- Птушкина Е.В. Спортивная терминология в коммуникативном аспекте (лексика фигурного катания) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1997. – 24 с.
- Романова Т.В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности : монография. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. – 120 с.
- Рылов А.С. Специфика терминосистем спортивных игр // Актуальные вопросы русистики и общего языкознания. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1999. – С. 104–111.
- Свиштунова Н.И. Спортивные игры в семиосфере культуры и языка: концепт «футбол» в английском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2005. – 21 с.
- Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография. – Волгоград : Перемена, 2004. – 340 с.
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин. – С. 8–20.
- Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 301 с.
- Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

Лексикографические источники

- Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 1456 с.
- Идеографический словарь русского языка : 4166 статей / сост. О.С. Баранов. – Москва : ЭТС, 1995. – 820 с.
- Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Астрель : АСТ, 2001. – Т.2. – 856 с.

References

- Borytko A.N. *Kommunikativnaya yasnost' sportivnogo kommentariya*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Communicative clarity of sports commentary : candidate dissertation synopsis]. Volgograd, 2013. 26 p. (In Russian)

- Vezhbickaya A. *Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty*. [Semantic universals and basic concepts]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2011. 568 p. (In Russian)
- Vorkachev S.G. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: monografiya*. [Implementation of meaning: conceptualia selecta: a monograph]. Volgograd: Paradigma, 2014. 331 p. (In Russian)
- Vorob'ev V.V. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody): monografiya*. [Linguistic culturology (theory and methods): a monograph]. Moscow: Izd-vo Ros. un-ta druzhby narodov, 1997. 331 p. (In Russian)
- Dement'ev V.V. *Kommunikativnye cennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike*. [Communicative values of the Russian culture: the category of personality in Lexis and Pragmatics]. Moscow: Global kom, 2013. 336 p. (In Russian)
- Dem'yankov V.Z. "Koncept" v filosofii yazyka i v kognitivnoj lingvistike. In *Konceptual'nyj analiz yazyka: sovremennye napravleniya issledovaniya: sbornik nauchnyh trudov*. ["Concept" in the Philosophy of language and communicative Linguistics. In: Conceptual analysis of the language : modern directions of investigation : a collection of articles]. Moscow; Kaluga: IP Koshelev A.B., 2007. P. 26–33. (In Russian)
- Zusman V.G. Koncept v kul'turologicheskom aspekte. In *Mezhkul'turnaya kommunikaciya: ucheb. posobie*. [Concept in culturological aspect. In: Intercultural communication: a manual]. Nizhnij Novgorod: Dekom, 2001. P. 38–53. (In Russian)
- Isabaeva K.K. Leksika iz oblasti sporta kak ekspressivno-stilisticheskoe sredstvo. In *Obraznaya struktura teksta: sb. nauch. tr.* [Lexis of sports field as expressive and stylistic means. In: Figurative structure of text: A collection of articles]. Alma-Ata, 1987. P. 89–94. (In Russian)
- Karasik V.I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs*. [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 390 p. (In Russian)
- Kiseleva V.A. *Leksiko-frazeologicheskaya eksplikaciya koncepta "futbol" v sportivnom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. [Lexical and phraseological explication of the concept 'football' in sports discourse: candidate dissertation synopsis]. Saint-Petersburg, 2009. 21 p. (In Russian)
- Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: kody kul'tury*. [Linguistic and culturological method in phraseology : codes of culture]. Moscow: URSS, 2016. 456 p. (In Russian)
- Krasavskij N.A. *Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah*. [Emotional concepts in the German and Russian linguistic cultures]. Moscow: Gnozis, 2008. 374 p. (In Russian)
- Krasnyh V.V. *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lekcij*. [Ethnic Psycholinguistics and Linguistic Culturology: a course of lectures]. Moscow: Gnozis, 2002. 284 p. (In Russian)
- Kusse H. *Kul'turovedcheskaya lingvistika* [Culturological Linguistics]. Moscow: Gnozis, 2022. 536 p. (In Russian)
- Leontovich O.A. *Slovo i obraz v poiskah drug druga* [Word and image in search of each other]. Volgograd: PrinTerra-Dizajn, 2022. 252 p. (In Russian)
- Nikitina T.Yu., Rogaleva, E.I. *Slovar' futbol'nogo bole'shchika. Ole-ole-ole-ole!* [A dictionary of a football fan. Ole-ole-ole-ole!]. Moscow: OlmaMediaGrupp / Prosveshchenie, 2010. 384 p. (In Russian)
- Pankratova O.A. *Lingvosemioticheskie harakteristiki sportivnogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and semiotic characteristics of sports discourse: candidate dissertation synopsis]. Volgograd, 2005. 23 p. (In Russian)

- Popov R.V. *Russkaya sportivnaya terminologiya (na materiale basketbol'noj terminosistemy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian sports terminology (on the material of basketball terms system): candidate dissertation synopsis]. Severodvinsk, 2003. 24 p. (In Russian).
- Prom N.A. *Sovremennyy gazetnyy sportivnyy reportazh: zhanrovo-stilisticheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modern newspaper sports reporting: a genre and stylistic aspect : candidate dissertation synopsis]. Volgograd, 2011. 23 p. (In Russian)
- Ptushkina E.V. *Sportivnaya terminologiya v kommunikativnom aspekte (leksika figur-nogo kataniya)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Sports terminology in a communicative aspect (lexis of figure skating): candidate dissertation synopsis]. Rostov-na-Donu, 1997. 24 p. (In Russian)
- Romanova T.V. *Ideologemiy i aksiologemiy russkogo yazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki nacional'noj mental'nosti* [Ideologemes and axiologemes of the Russian linguistic consciousness as a reflection of constants and dynamics of the national mentality]. Nizhnij Novgorod: DEKOM, 2019. 120 p. (In Russian)
- Rylov A.S. *Specifika terminosistem sportivnyh igr. In Aktual'nye voprosy rusistiki i obshchego yazykoznanija* [Specificity of terms systems of sports games. In: Topical questions of the Russian studies and General linguistics]. Nizhnij Novgorod: Izd-vo Nizhegorod. un-ta, 1999. P. 104–111. (In Russian)
- Svistunova N.I. *Sportivnye igrы v semiosfere kul'tury i yazyka: koncept "futbol" v anglijskom yazykovom soznanii*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Sports games in semiotic sphere of culture and language: the concept 'football' in the English linguistic consciousness: candidate dissertation synopsis]. Irkutsk, 2005. 21 p. (In Russian)
- Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty* [Linguistic and cultural concepts and meta-concepts]. Volgograd: Peremena, 2004. 340 p. (In Russian)
- Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury: opyt issledovaniya* [Constants: a dictionary of the Russian culture: an experience of investigation]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury", 1997. 824 p. (In Russian)
- Sternin I.A. *Opisanie koncepta v lingvokonceptologii. In Lingvokonceptologiya. Vyp.1.* [A description of a concept in linguistic Conceptology. In: Linguistic Conceptology. Iss. 1]. Voronezh: Istoki, 2008. P. 8–20. (In Russian)
- Shaklein V.M. *Lingvokul'turologiya: tradicii i innovacii.* [Linguistic culturology: traditions and innovations]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012. 301 p. (In Russian)
- Shmelev A.D. *Russkaya yazykovaya model' mira: materialy k slovarju* [Russian linguistic model of the world: materials to the dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 224 p. (In Russian)

Dictionaries

- Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka / pod red. V.V. Morkovkina.* [A big universal dictionary of the Russian language / Ed. by V.V. Morkovkin]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2016. 1456 p. (In Russian).
- Ideograficheskij slovar' russkogo yazyka: 4166 statej / sost. O.S. Baranov.* [An Ideographic Dictionary of the Russian language: 4166 enyries / compiled by O.S. Baranov]. Moscow: ETS, 1995. 820 p. (In Russian).
- Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj.* [A dictionary of synonyms of the Russian language: In 2 vol. Ed. by A.P. Evgenyeva]. Moscow: Astrel': AST, 2001. T.2. 856 p. (In Russian)

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 81'28

DOI: 10.31249/ling/2025.01.07

Опарина Е.О.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
CONTESTED LANGUAGES: THE HIDDEN MULTILINGUALISM IN EUROPE
/ ED. BY M. TAMBURELLI, M. TOSCO. – AMSTERDAM; PHILADELPHIA:
JOHN BENJAMINS, 2021. – 279 P. – (STUDIES IN WORLD LANGUAGE
PROBLEMS).**

Аннотация. В рецензируемом издании анализируются подходы к разграничению языков и диалектов, разработанные в современной европейской лингвистике. Исследуемая авторами тема является актуальной для современной Европы, так как на континенте существует большое количество миноритарных региональных идиомов, статус которых как языков или диалектов носит спорный характер. Как правило, общественные организации, занимающиеся правами этнических меньшинств, а также лингвисты настаивают на статусе таких идиомов как полноценных языков. Государственные институты, наоборот, часто отказывают региональным идиомам в статусе языков, официально оставляя их в статусе диалектов.

Авторы работ, помещенных в издании, исследуют, каким образом статус региональных идиомов отражается на их сохранении, развитии и часто – на выживании. Доминирующая точка зрения состоит в том, что при решении вопроса следует учитывать не только социолингвистические факторы (степень распространения, сферы функционирования, роль в образовании, существующий уровень стандартизации), но также структурные характеристики миноритарных идиомов.

Ключевые слова: языки со спорным статусом, или «оспариваемые» языки; мультILINGВИЗМ в Европе; регионализм; функционирование языков; структурные характеристики языков; языковая политика.

¹ Опарина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; ellenoparina@gmail.com

Для цитирования: Опарина Е.О. Рецензия на монографию: *Contested Languages: The hidden multilingualism in Europe* / Ed. by M. Tamburelli, M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2021. – 279 p. – (Studies in World Language Problems) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1 – С. 92–105. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.07

OPARINA E.O.¹

MONOGRAPHY REVIEW:

CONTESTED LANGUAGES: THE HIDDEN MULTILINGUALISM IN EUROPE / ED. BY M. TAMBURELLI, M. TOSCO. – AMSTERDAM; PHILADELPHIA: JOHN BENJAMINS, 2021. – 279 P. – (STUDIES IN WORLD LANGUAGE PROBLEMS)

Abstract. The volume under review contains the analysis of approaches to the differentiation of languages and dialects, worked out in modern European linguistics. The topic is actual for the continent, as there are many minority and regional idioms there with the unsolved status of either languages or dialects. As a rule, social organization monitoring the rights of minor ethnic groups, as well as linguists, advocate the language status of regional idioms. As for official institutions of the European states, they often refuse to recognize them as languages, preferring to conserve their status as dialects.

The authors of the works presented in the volume discuss the links between the status of regional idioms, on the one hand, and the perspectives of their survival and development, on the other. The dominating viewpoint is that not only sociolinguistic factors (such as the spheres of idioms use, the official support, the attitude of speakers to their native idiom), but also specific structural features of contested languages should be taken into account.

Keywords: contested languages; multilingualism in Europe; regionalism; functioning of languages; structural features of languages; language policy.

For citation: Oparina, Je. O. *Contested Languages: The hidden multilingualism in Europe* / Ed. by M. Tamburelli, M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2021. – 279 p. – (Studies in World Language Problems). *Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 92–105. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.07

В рецензируемом издании из серии “Studies in World Language Problems” рассматриваются вопросы, связанные с проблематикой разграничения языков и диалектов. Тема весьма актуальна для Европы, где существует множество языков меньшинств, которых немало на континенте. Ситуация в регионах Европы характеризуется в под-

¹ *Oparina Elena Olegovna* – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; ellenoparina@gmail.com

заголовке: «Скрытый мультилингвизм в Европе» (здесь и далее перевод мой. – Е. О.). Статус многих миноритарных идиомов до настоящего времени остается неопределенным: они считаются либо языками, либо диалектами. Неопределенность отражается в терминологии, в которой один и тот же объект обозначается разными наименованиями в зависимости от точки зрения исследователя. В англоязычных работах употребляются словосочетания “contested language”, “disputed language”, “debated language”, в которых подчеркивается спорность статуса языка [Ammon, 2006; Kloss, 1967].

В российской лингвистике также отмечается сложность отграничения диалектов от самостоятельных языков: «Отнесение диалекта, находящегося на границе двух близкородственных языков, к тому или другому языку, а также определение ареальной единицы как диалекта данного языка или как самостоятельного языка в ряде случаев представляет значительные трудности» [Касаткин, 1990].

Вопрос о статусе идиома как языка или диалекта имеет социально-политическое измерение. Авторы работ, помещенных в издании, рассматривают тему с разных точек зрения, показывая, каким образом статус региональных идиомов отражается на условиях и перспективах их существования, а часто – выживания. При этом в сферу исследования включается не только роль государственной политики, но также вопросы самоидентификации носителей того или иного идиома, оценки ими престижа своего регионального языка или диалекта. При квалификации статуса идиома лингвисты призывают опираться в первую очередь на его внутриязыковые характеристики, на степень его отличия от других языков, как признаваемых, так и имеющих спорный статус

Коллективная монография состоит из введения (как отдельной главы) и четырех разделов, каждый из которых состоит из нескольких глав.

Во введении («Что такое языки со спорным статусом и почему лингвисты должны ими интересоваться?»), написанном М. Тамбурелли и М. Тоско (Marco Tamburelli, Mauro Tosco, “What are contested languages and why should linguists care?”), представлен обзор многогранной темы, в котором внимание фокусируется на ключевых теоретических вопросах и их связи с языковой политикой. Авторы подчеркивают важность исследуемых вопросов для населения Европы, так как в разных частях континента до настоящего времени сохранилось множество региональных идиомов, статус которых как диалектов или самостоятельных языков спорен. Среди многочисленных миноритарных территориальных идиомов Италии к таким, например, относятся романские по происхождению ломбардский и пьемонтский, а также

говор германоязычного баварского диалекта; это также романский по генеалогии окситанский (провансальский) язык, распространенный на юге Франции и на севере Италии; кашубский, относящийся к западославянским языкам, в Польше; финно-угорский язык по происхождению ливонский язык в Латвии и другие идиомы. Многие из этих идиомов находятся под угрозой исчезновения главным образом из-за того, что число говорящих на них неуклонно сокращается. Авторы приводят пример кашубского языка, который сформировался на севере Польши, на побережье Балтийского моря. В Польше его называют родным более 100 тыс. человек, он также используется мигрантами в США, Канаде и некоторых других странах. В «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО кашубский отнесен к исчезающим.¹

Законы и хартии стран Европы, следующих принципам Совета Европы, гарантируют языковые права носителям малых языков. Вместе с тем квалификация многих из региональных идиомов как диалектов официальными институтами государств ограничивает их функционирование и возможности развития.

М. Тамбурелли и М. Тоско подчеркивают, что споры лингвистов относительно статуса регионального идиома основываются на том, каким критерием руководствуется тот или иной исследователь. Определяющим доводом является либо структурно-языковая сторона «спорного» языка, либо социолингвистическая. По мнению авторов, разграничение языков и диалектов не должно производиться на сугубо социолингвистических основаниях, которые часто выражают политические интересы групп людей и официальных институтов. Более объективным является определение статуса языка, основанное на лингвистических критериях.

Базовыми в данной лингвистической тематике можно считать два понятия, введенные в научный обиход Х. Клоссом [Kloss, 1967], – *Abstand languages* и *Ausbau languages*. *Abstand language* (нем. *Abstand* «дистанция, расстояние») – это язык, значительно расходящийся в лингвистическом плане с другими идиомами.

Исследование двух подходов представлено в главе «Языки со спорным статусом и отказ в лингвистических правах в XXI веке», написанной М. Тамбурелли (“Contested Languages and the Denial of linguistic Rights in the 21st Century”). Глава открывает раздел 1 «Более широкая картина». (“The broader Picture”).

¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Кашубский_язык (дата обращения 08.03.2024)

По мнению М. Тамбурелли, ключевым для признания за идиомом статуса самостоятельного языка следует считать критерий *intelligibility* («понятность»), определяющий степень взаимопонимания, точнее, трудность взаимопонимания между носителями двух разных языков, в отличие от более легкого взаимопонимания между носителями диалектов одного языка. Трудность взаимопонимания является результатом дистанции между двумя языками, что соответствует критерию *Abstand* и может прослеживаться на разных языковых уровнях. На основании критерия взаимопонимания самостоятельными языками были признаны, например баскский (на территории северных областей Испании) и ретороманский (на территории Швейцарии).

Противоположный подход основан на понятии *Ausbau* (по-немецки «расширение», «развитие»), согласно которому базовым является социокультурный критерий. Как правило, за образец принимается национальный литературный язык, признанный государственными институтами и призванный служить ориентиром для других вариантов его широкого диалектного континуума. М. Тамбурелли отмечает, что такой подход и другие социокультурные критерии для определения статуса идиомов, используются как инструмент возвышения одних языков в ущерб другим. Теория может иметь негативные последствия для развития миноритарных языков, для определения состояния билингвизма и многоязычия в регионах. Кроме того, подобные походы противоположны идее языкового разнообразия, которое по убеждению М. Тамбурелли, следует поддерживать лингвистам. И, безусловно, задача лингвистов состоит в том, чтобы в проблемной ситуации поддерживать миноритарные языки и языковые права их носителей.

Как было сказано выше, государственные органы нередко препятствуют признанию за миноритарными идиомами статуса самостоятельных языков. Международные организации придерживаются противоположной позиции: многие миноритарные идиомы, например пьемонтский и сицилийский в Италии, признаны ЮНЕСКО самостоятельными региональными языками и зафиксированы в таком качестве в «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» (“European Charter for Regional or Minority Languages”)¹

¹ Хартия, принятая Советом Европы в 1992 г. и вступившая в силу 01.03.1998, является конвенцией о защите языков меньшинств. Согласно конвенции, Совет Европы обязуется поддерживать традиционные языки меньшинств (<https://www.coe.int/tu/web/european-charter-regional-or-minority-languages>). Дата обращения 11.03.2024.

В первом разделе также представлена глава «Демократия: Угроза языковому разнообразию?» (“Democracy: A threat to language diversity?”), автор которой М. Тоско утверждает, что политические установки современных демократических государств могут иметь негативные последствия для сохранения языкового многообразия. К опасным факторам прежде всего относится приоритет политических и гражданских прав над идеей сохранения национально-культурной специфики. В экономическом плане выравнивание уровня жизни разных регионов и социальных групп также нивелирует идентичность миноритарных сообществ. Общий вывод М. Тоско: демократические страны Европы не провозглашают своей целью ассимиляцию меньшинств, однако доминирование принципа равноправия граждан может привести к снижению роли миноритарных языков в общественной коммуникации и к их превращению исключительно в символы национально-культурного своеобразия. Это опасность, которую лингвисты и общественные организации не должны игнорировать.

В обширный второй раздел «Идентификация и восприятие языков со спорным статусом» (“Identifying and perceiving contested languages”) включены шесть глав, авторы которых анализируют социальные условия существования миноритарных идиомов. В центре внимания – отношение к миноритарным языкам со стороны заинтересованных групп: жителей регионов, государственных институтов, лингвистов.

В числе исследуемых тем – генетическая классификация миноритарных языков, которая должна базироваться на характеристиках самих идиомов, однако иногда в большей степени обусловлена политическими и идеологическими соображениями. Так, для лингвистов спорным вопросом является классификация языков Северо-западной Италии. Тема исследуется в главе «Смещение методов в классификации языков: Замаскированное выступление против полилингвизма? Спорный статус галло-«италийских» языков в романской языковой семье» (“Mixing methods in linguistic classification: A hidden agenda against multilingualism? The contestedness of Gallo-“Italic” languages within the Romance family”, Lisander Brasca),

В число языков данной группы традиционно включаются эмильский, лигурийский, ломбардский, пьемонтский и романьоло (Romagnol). Л. Браска доказывает, что классификация этих идиомов как галло-италийских (Gallo-Italic) на практике служит предпосылкой для отнесения их к числу диалектов итальянского языка. Такой подход обусловлен идеями поддержания единства итальянской нации и

престижа общенационального языка. Однако при этом игнорируются реально существующие внутриязыковые характеристики, свидетельствующие, как считает Л. Браска, в пользу классификации идиомов Северо-западной Италии как самостоятельных языков, принадлежащих к галло-романской группе.

М.М.В. Леонарди и М. Тамбурелли в главе «Цена игнорирования степени *Abstand* в определении регионального языка: Свидетельство из Южного Тироля» (“The cost of ignoring degrees of *Abstand* in defining a regional language: Evidence from South Tyrol”, Mara Maya Victoria Leonardi, Marco Tamburelli) на примере ситуации в системе школьного образования в Южном Тироле показывают, насколько важно при определении статуса языка или диалекта учитывать степень взаимопонимания между говорящими. В данном случае объектом исследования является бытующий на северо-востоке Италии специфический вариант (*Bavarian variety*), который является германским по происхождению, однако значительно отличается от стандарта немецкого языка.

О. Жубер в главе «Деконструкция идеи языка: Результат превращения в наречие окситанского языка во Франции» (“Deconstructing the idea of language: The effects of *patoisation* of Occitan in France”, Aurélie Joubert) изучает влияние лингвистической терминологии на самосознание носителей регионального идиома. Исследуется широко применяемый в западной социолингвистике и диалектологии термин *patois*. При денотативном значении «диалект, говор» термин несет оценочно-коннотативный компонент, подчеркивая функциональную ограниченность и необработанность варианта, называемого *patois*. Проведенные опросы показывают, что частое применение термина *patois* при обсуждении языковой ситуации в регионе привело к пренебрежительному отношению к окситанскому со стороны его носителей и он перестал восприниматься ими как ценность и инструмент самоидентификации.

Исследования авторов подтверждают, что отношение населения региона к своему идиому как к важной части идентичности и связанная с этим условием готовность участвовать в его сохранении и возрождении – один из самых значительных факторов в судьбе миноритарных языков.

На основе интервью носителей двух миноритарных языков Европы – кашубского и пьемонтского Н. Доловы-Рыбинска и К. Сориа в главе «Исследование этнолингвистической жизнеспособности двух языков со спорным статусом: Кашубский и пьемонтский» (“Surveying the ethnolinguistic vitality of two contested languages: The case of Kashubian and Piedmontese, Nicole Dolowy-Rybińska, Claudia Soria)

разработали вопросник для определения перспектив выживания миноритарного языка или диалекта в зависимости от отношения к нему его носителей.

Авторы устанавливают шесть критериев, среди которых следующие: 1) критическая оценка большинством интервьюируемых и каждым участником опроса собственной компетенции в этом языке (устная и письменная практика, уровень понимания и осмысления); 2) применение языка в разных ситуациях и в общении с разными собеседниками; 3) передача языка младшим поколениям; 4) отношение к языку, которое проявляется в корреляции языка и идентичности, в оценке целесообразности использования данного миноритарного языка, а также в отношении к нему со стороны носителей других языков и диалектов; 5) оценка статуса языка и его применения в разных сферах жизнедеятельности; 6) оценка дискриминации данного миноритарного языка.

Исследователи отмечают, что даже на основе ряда данных трудно точно прогнозировать, какой вектор развития победит в судьбе миноритарного языка – позитивный или негативный. Признание идиома самостоятельным языком не является абсолютно надежным критерием. Например, кашубский признается в Польше самостоятельным языком, в то время как пьемонтский в Италии нет. Однако в обоих случаях осознание необходимости поддержки регионального идиома со стороны его носителей не находится на достаточно высоком уровне. Поэтому авторы полагают, что жизнеспособность этих миноритарных языков проблематична, несмотря на то что количество их носителей немалое. Это приводит Н. Доловы-Рыбинску и К. Сориа к следующему выводу: при прогнозировании перспектив выживания идиома не следует переоценивать фактор числа говорящих и недооценивать социальный и психологический контекст существования языка, в первую очередь – отношения самих говорящих к своему языку или диалекту.

В этом плане ситуацию с пьемонтским языком характеризует отношение его носителей к нормам письменности. Тема представлена Э. Миола в главе «Спорные орфографии: Более внимательный взгляд на «спонтанную» письменность пьемонтского» («Contested orthographies: Taking a closer look at spontaneous writing in Piedmontese», Emanuele Miola). Для пьемонтского разработана стандартизованная орфография, меняющая письменность пьемонтского языка в сторону большего соответствия его фонематическому строю и произношению. Однако ее нормы соблюдаются только представителями творческой интеллигенции и активными сторонниками разви-

тия этого языка. Остальные носители идиома, в том числе молодежь и активисты интернета, ориентируется на нормы итальянского. Такой же линии поведения придерживаются носители других региональных языков Италии.

Тема письменности и ее важности для жизни регионального идиома исследуется в главе «Оживление языков со спорным статусом: Ситуация с ломбардским», написанной П. Колуцци, Л. Браска и С. Скури (“Revitalising contested languages: The case of Lombard”, Paolo Coluzzi, Lissander Brasca, Simona Scruri). Ломбардский идиом, распространенный на северо-западе Италии, не признается государственными институтами страны самостоятельным языком. Среди аргументов такой позиции – отсутствие общего стандарта и невозможность его выработки, потому что ломбардский, в свою очередь, существует в форме нескольких диалектов, и единый стандарт непременно будет кого-то из говорящих оскорблять. Обосновывая странность такого утверждения, авторы статьи доказывают, что выработка общего письменного стандарта возможна при ориентации орфографии на этимологию слов и грамматические формы, в противоположность ее ориентирования на произношение. Такой подход важен для носителей ломбардского языка психологически: он поможет им осознать происхождение своего идиома и связанную с ним специфику. Кроме того, выработка письменного стандарта будет способствовать признанию ломбардского как самостоятельного языка официальными институтами.

Раздел третий «Работа с языками со спорным статусом: Практический опыт» (“Working with contestedness: Experiences from the fields”) включает главы, в которых анализируется работа лингвистов по изучению реального функционирования миноритарных идиомов в разных сферах жизни и обсуждаются меры по их поддержке и развитию.

Авторы издания разделяют такую деятельность на два взаимосвязанных направления, обозначая их различными терминами: термин *corpus planning* означает меры, направленные на стандартизацию самого языка. Это нелегкая задача, так как многие региональные языки, например в Италии, сами делятся на диалекты. Ближайшая цель в подобных случаях состоит в разработке общих правил письменности. Цель *status planning* заключается в повышении престижа миноритарного языка через расширение сфер его применения, увеличение числа говорящих, передачу языка молодым поколениям. Авторы подчеркивают, что необходимыми для достижения этих целей условиями являются стремление носителей миноритарного идиома сохранить

свою культурно-языковую идентичность и готовность работать в этом направлении.

Преподавание региональных идиомов в школах и университетах – неотъемлемая часть программ по их поддержке и развитию, и успехи в этой области в разных регионах Европы. являются реальной позитивной тенденцией последнего десятилетия. Опыт разработки образовательных программ для миноритарных языков и их преподавания позволяет выявить некоторые закономерности, проанализированные и описанные авторами.

Н Дуберти и М. Тоско в главе «Преподавание пьемонтского: Вызов?» (“Teaching Piedmontese: A challenge?”, Nicola Duberti, Mauro Tosco) прослеживают успехи и трудности преподавания пьемонтского на автохтонной территории. Государственные институты относятся к этой деятельности как к определенной угрозе итальянскому языку, поэтому пьемонтский преподается в университете Турина в рамках курсов по романской филологии и итальянской диалектологии. При этом в Турине и в других университетах Италии, следуя государственному законодательству, в лингвистических курсах языки со спорным статусом не называют языками. Пьемонтский также рассматривается либо как диалект, либо просто как объект лабораторных исследований. Однако территория, где пользуются этим языком и где его изучают, регионом самого Пьемонта не ограничивается. Пьемонтский преподается в университете штата Массачусетс (США), в г. Торонто (Канада), в Аргентине, где также немало эмигрантов из области Пьемонт, которые продолжают пользоваться этим языком.

В другой области Италии – Сардинии – преподавание регионального языка также встречается с трудностями и ограничениями. Как отмечают Ф. Гоббо и Л. Вардеу в главе «Какой сардинский выбрать для образования? Возможность для работы CLIL лабораторий: Исследование по теме» (“Which Sardinian for education? The chance of CLIL-based laboratories¹: A case study”, Federico Gobbo, Laura Vardeu), сардинский в настоящее время находится под угрозой вымирания. Такой вывод представлен в документах ЮНЕСКО. Ситуация усугубляется тем, что в молодом поколении активно происходит сдвиг в сторону итальянского языка. Одна из причин состоит в том, что правительство региона длительное время выступало за увеличение возраста обучающихся местному языку. Однако преподаватели и обще-

¹ Аббревиатура CLIL расшифровывается как: Content and Language Integrated Learning. Метод основывается на том, что изучение иностранного языка связывается с определенными ситуациями в жизни, вероятно, понимаемыми как нечто близкое к фреймам и их составляющим. – Е.О.

ственные организации добились того, что сардинский начали преподавать в школах.

При участии лингвистов был проведен учебный эксперимент в школах региона: на сардинском преподавался курс по истории. В программе предусматривались не только устные лекции, но и письменные задания. Результаты эксперимента были оценены положительно наблюдателями и самими учащимися; лингвистами были сделаны выводы относительно направлений усовершенствования сардинской письменности.

Интересная программа предложена для сохранения и продвижения другого регионального языка Италии, а именно сицилийского. А. Мусунечи в главе «Языковое планирование с опорой на сообщество: Сицилийские народные сказки возвращаются к жизни» (“Community-based language planning: Bringing Sicilian folktales back to life”, Andrea Musuneci) анализирует эффективность мер, направленных на сохранение сицилийского идиома и расширение сфер его применения. Для успеха этого процесса, как подчеркивает автор, необходимо активное участие жителей региона. Другая составляющая успеха – учет социально-культурных особенностей региона, которые позволяют выбрать правильные опорные точки для поддержки и функционального расширения местного языка. В данном случае такой основой стали тексты народных сказок (*cunti*), написанных на сицилийском языке и собранных в середине XIX в. Дж. Петри (Giuseppe Pitrè). Тексты сказок представляют собой ценный корпус сицилийского языка: в них содержится лексика, относящаяся к повседневной жизни, трудовой деятельности (к ремеслам, сельскому хозяйству), внутреннему миру и отношениям людей. Кроме того, тексты этих сказок следуют выработанным грамматическим и орфографическим стандартам. Сицилийские народные сказки с их сюжетами – также хорошая основа для театральных постановок, которые помогают расширить сферу применения языка и число вовлеченных в деятельность людей разных социальных групп и профессий – через участие в постановках, их просмотр и обсуждение в домашнем и дружеском кругу, в школах и СМИ. Однако для реализации этих целей необходима практическая и психологическая заинтересованность регионального сообщества в сохранении своей культурно-языковой идентичности.

В последние десятилетия в регионах Европы применяется добровольное коллективное финансирование проектов, направленных на сохранение и развитие миноритарных языков (*crowdfunding*). В этой деятельности участвуют состоятельные индивидуальные спонсоры, организации и простые жители регионов.

А.Ф.Д. Ди Стефано в главе «Публикация грамматики и литературной антологии языка со спорным статусом» (“Publishing a grammar and literature anthology of a contested language”, Andrea Francesco Daniele Di Stefano) описывает проведенную им акцию по сбору средств для издания грамматики и антологии пьемонтского языка через прямое обращение к пользователям сети. Проект, в ходе которого постоянно поддерживался контакт с участниками, получил горячую поддержку и был успешно реализован. Опыт показывает, что активное неформальное участие людей в деятельности по сохранению и возрождению региональных идиомов может помочь выживанию и развитию языков, находящихся под угрозой вымирания.

Заключительный четвертый раздел «Вне сферы языков со спорным статусом: Когда спорный статус подкрадывается...» (“Beyond contested languages: When contestedness creeps in...”) включает две главы, в которых исследуются уникальные ситуации, связанные с языками: возрождение мертвого ливонского языка в Латвии и проблема эсперанто.

К. Мосли в главе «Гражданство и национальность: Ситуация с возрожденным ливонским языком и его носителями» (Citizenship and nationality: The situation of the users of revived Livonian in Latvia”, Christopher Moseley) анализирует обстоятельства возрождения ливонского языка. Его последние носители как родного языка скончались более десяти лет назад, один из них – в Канаде. Во второй половине XX в. этот финно-угорский язык, имевший письменность, вымирал. Однако после обретения Латвией независимости в 1991 г. жители региона Курземе, считающие себя потомками ливов, начали предпринимать усилия по возрождению своей культурно-этнической идентичности и языка. Для успехов мероприятия важно то, что правительство страны поддерживает эту деятельность. Ранее существовали некоторые различия между вариантами ливонского языка на юге и на севере района Курземе. В настоящее время его потенциальные и наследственные носители фокусируются на общих чертах и подчеркивают единство идиома.

В главе «Языковая идеология эсперанто: От проблемы мирового языка к сбалансированному мультилингвизму», написанной Ф. Гоббо (“The language ideology of Esperanto: From the world language problem to balanced multilingualism”, Federico Gobbo), исследуется положение языка эсперанто в современной ситуации.

Эсперанто, разработанный в 1887 г. Л.М. Заменгофом, не является языком со спорным статусом в том смысле, в котором этот термин применяется по отношению к миноритарным региональным

языкам. Тем не менее, общим для них является то, что они слабо присутствуют или совершенно игнорируются в общественном дискурсе. Помимо этого, жизнеспособность эсперанто, как и в случае с региональными языками, зависит от деятельности активистов и сторонников этого языка. Спорность эсперанто как полноценного языка основывается на его искусственном характере и отсутствии связи с культурно-национальным сознанием. Его идеология скорее осознавалась как политическая. В разные исторические периоды он «брался на вооружение» сторонниками различных политических течений: накануне Первой мировой войны он был международным языком пацифистов, в 1930-е годы в Японии и Китае – языком анархистов и коммунистов, в период после Второй мировой войны доминирующей идеологией его сторонников стала защита языковых прав.

В современном мире сторонники эсперанто стремятся преодолеть ограничения путем идеологической нейтральности. Сторонники разных социальных течений могут войти в сообщество эсперантистов со своей проблематикой.

Таким образом, исследования, представленные в рецензируемом издании, свидетельствует о сложности ситуации с миноритарными региональными идиомами современной Европы. Это касается вопросов их сохранения, развития и защиты их прав. Спорными являются также лингвистические теории, определяющие их статус как диалектов либо самостоятельных языков. Несмотря на заботу региональных и неправительственных организаций и внимание со стороны академических и университетских кругов, множество миноритарных языков находятся под угрозой исчезновения уже в силу того, что число их носителей постоянно уменьшается.

Доминирующая точка зрения лингвистов, занимающихся исследованиями региональных языков, в том числе со спорным статусом, состоит в том, что ученые должны поддерживать языковое многообразие, которое тесно связано с культурным многообразием.

Успех деятельности по сохранению миноритарных языков и перспектива их выживания в значительной степени зависят от отношения самих носителей этих языков к своим идиомам и осознание ими языка как необходимой части региональной идентичности.

Список литературы

- Касаткин Л.Л.* Диалект // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 132–133.
- Ammon U.* Language contact in the European Union // International j. of applied linguistics. – 2006. – Vol. 16(3). – P. 319–338.

Kloss H. “Abstand languages” and “Ausbau languages” // *Anthropological linguistics*. – 1967. – N 9(7). – P. 29–41.

References

- Kasatkin, L.L. Dialekt [Dialect]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary / chief ed. V.N. Jartseva. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. Pp. 132–133. (In Russian)
- Ammon, U. Language contact in the European Union. *International j. of applied linguistics*. 2006. Vol. 16(3). P. 319–338.
- Kloss, H. “Abstand languages” and “Ausbau languages”. *Anthropological linguistics*. 1967. N 9(7). P. 29–41.

Раренко М.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КУССЕ Х. КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА. – МОСКВА : «ГНОЗИС», 2022. – 536 с.**

Аннотация. Рецензируемая монография Х. Куссе «Культуроведческая лингвистика» посвящена фундаментальным проблемам общего языкознания, которые сегодня привлекают внимание многих как зарубежных, так и отечественных исследователей.

Монография состоит из введения и одиннадцати разделов, списка литературы, включающем работы на русском, немецком и английском языках.

В основу книги положены авторские лекции по культуроведческой лингвистике и другим дисциплинам бакалаврских и мастерских программ Дрезденского технического университета, предназначенные для специалистов в области языкознания и культурологии. Рецензируемое издание специально ориентировано на русскоязычную аудиторию. В работе представлены два подхода к моделированию языка, признаваемого в качестве квинтэссенции культуры: «гумбольдтианский» и «дискурс-сенситивный».

Ключевые слова: Х. Куссе; культуроведческая лингвистика; язык и культура; моделирование языка; дискурс; дискурс-сенситивная лингвистика; гумбольдтианская лингвистика; социолингвистика; лингвистика текста; гендерная лингвистика; прагмалингвистика.

Для цитирования: Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. – Москва : «Гнозис», 2022. – 536 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1. – С. 106–111. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.08

¹ Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; rarenco@rambler.ru

RARENKO M.B.¹

BOOK REVIEW: KUSSE H. CULTURAL LINGUISTICS. – MOSCOW : GNOSIS, 2022. – 536 p.

Abstract. The reviewed monograph by H. Kusse “Cultural linguistics” is devoted to the fundamental problems of general linguistics, which today attract the attention of many foreign and domestic researchers.

The monograph consists of an introduction and separate sections, a list of literature, including works in Russian, German and English. The book is based on the author's lectures on cultural linguistics and other disciplines of the bachelor's and master's programs of the Dresden Technical University and is intended for specialists in the field of linguistics and cultural studies. The peer-reviewed publication is specifically aimed at the Russian-speaking audience. The paper presents two approaches to modeling a language recognized as the quintessence of culture – “Humboldtian” and “discourse-sensitive” ones.

Keywords: H. Kusse; cultural linguistics; language and culture; language modeling; discourse; discourse-sensory linguistics; Humboldtian linguistics; sociolinguistics; text linguistics; gender linguistics; pragmalinguistics.

For citation: Rarenko, M.B. Book review: Kusse H. Cultural Linguistics. – Moscow : Gnosis, 2022. – 536 p. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 106–111. DOI: 10.31249/ling/2025.01.08

Рецензируемая монография профессора Хольгера Куссе, известного современного филолога, посвящена изучению дискурсов в рамках взаимосвязи языка и культуры – вопросам, относящимся к фундаментальным проблемам общего языкознания, которые сегодня привлекают внимание многих как зарубежных, так и отечественных исследователей.

Монография состоит из введения и одиннадцати разделов, списка литературы, включающего работы на русском, немецком и английском языках (с. 441–526).

В предисловии автор отмечает, что «книга сформирована из цикла лекций по культуроведческой лингвистике и другим дисциплинам бакалаврских и мастерских программ Дрезденского технического университета (в особенности специальностей “Славистика” и “Европейские языки”») и «предназначена для изучающих языкознание и культурологию – германистов, англистов, романистов и славистов».

¹ Rarenko Maria Borisovna – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenco@rambler.ru

стов, а также для всех, кого интересует вопрос о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» [с. 12]. Книга впервые появилась на немецком языке, однако «в русский перевод включено больше русской лингвистической литературы, вместе с тем доля немецкой литературы сокращена, и часть немецких эмпирических примеров заменена русскими» [с. 12–13], т.е. рецензируемое издание специально ориентировано на русскоязычную аудиторию. Автор отмечает, что в обеих научных культурах – русской и немецкой – представлены сегодня два подхода к моделированию языка, признаваемого в качестве квинтэссенции культуры, – «гумбольдтианский» и «дискурс-сенситивный», «в Германии все же отдается предпочтение дискурсивному подходу, тогда как в русской лингвистике доминируют различные вариации гумбольдтианской концепции» [с. 13].

В первом разделе монографии, названном «Введение: Язык и культура», Х. Куссе обозначил предмет монографии, а также задачи и методы культуроведческой лингвистики. Так, предметом монографии Х. Куссе «являются, прежде всего, немецкий, английский, французский и русский языки» [с. 15], а задачи культуроведческой лингвистики – «описание языка как культурного феномена, описание культуры как языкового феномена, применение лингвистики в изучении сфер общественной коммуникации, применение лингвистических исследований в межкультурной коммуникации и межкультурных исследованиях в целом» [с. 15].

В книге взаимосвязь сфер культуры и языка рассматривается в рамках как гумбольдтианского, так и дискурс-сенситивного подходов, однако превалирует все же дискурс-сенситивная парадигма. Гумбольдтианской лингвистике Х. Куссе посвящает второй раздел монографии, в котором анализирует значение трудов В. фон Гумбольдта для развития теории языка, подтверждая свои выводы цитатами из наиболее известных работ ученого. Известно, что В. фон Гумбольдт оказал значительное влияние на развитие последующих научных направлений и школ, во многом определил развитие лингвистического знания. Х. Куссе анализирует научное наследие А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, упоминает вклад в развитие науки о языке Ф. Боаса, Б.Л. Уорфа, Х. Гиппера, Й. Л. Вайсгербера, А. Вежбицкой; упоминает направление гумбольдтианства «логический анализ языка», зародившееся в российской лингвистике в 1980-х годах, известное также как «Московский концептуализм» [с. 94–96].

В третьем разделе «Функциональные направления лингвистики» рассматриваются такие направления современной лингвистики, как: лингвистика текста, социолингвистика, гендерная лингвистика.

Особое внимание Х. Куссе уделяет прагмалингвистике, которой посвящен четвертый раздел монографии. Автор отмечает, что поскольку «главной сферой интересов культуроведческой лингвистики является исследование языка в культурных контекстах», то «лингвистическая прагматика представляет собой едва ли не фундамент культуроведческой лингвистики» [с. 130]. К базовым понятиям культурологической лингвистики Х. Куссе относит перлокуцию и персуазию, категорию (феномен) вежливости, комплексные коммуникативные акты оценивания и аргументирования, а также то, что он называет «парциальным контекстуализмом» (*partieller Kontextualismus*) [с. 131]. По мнению Х.Куссе, «любое описание языковых явлений должно выходить за рамки языка и осуществляться на внеязыковых уровнях» [с. 155]. Он подчеркивает, что в культуроведческой лингвистике «языковые единицы – от частиц до форм предложений – всегда описываются во взаимосвязи с контекстами, жанрами и дискурсами, в которых они актуализируются. Анализ каждого феномена возможен как с перспективы объекта в дискурсе, так и с перспективы самого дискурса: и тот, и другой подход позволяет обнаружить языковые особенности дискурса» [с. 157].

Пятый раздел книги «Дискурс-сенситивная лингвистика» раскрывает различные аспекты дискурса, такие как: 1) конверсационный анализ, или анализ разговора, представляющего собой в значительной степени интеракционный синтаксис; 2) публицистическое употребление термина «дискурс» в значении «дебаты» или «дискуссия»; 3) коммуникативно-этический подход к пониманию дискурса Ю. Хабермаса, «развязки» для нахождения консенсуса; 4) все, что было создано обществом вследствие коммуникации, по М. Фуко. Х. Куссе подробным образом анализирует понятие «дискурс», описывает подходы к изучению дискурса. Вводит понятия «интердискурс», «метадискурс»; по принципу интердискурсивности выделяет два дискурса – бытовой дискурс и медийный дискурс; указывает условия стабильности дискурса. К задачам анализа дискурса в рамках культуроведческой лингвистики Х. Куссе относит: 1) определение ключевых особенностей типов дискурса; 2) описание дискурс-сенситивных языковых единиц в их актуализации в дискурсах; 3) межкультурное сравнение дискурсов; 4) описание динамики развития дискурсов, включая изменение их типов; 5) диффузию дискурсов [с. 199].

В шестом–десятом разделах книги подробнейшим образом рассматриваются разные типы дискурса – политический, религиозный, правовой, экономический и научный. В рамках политического дискурса Х. Куссе обращается к различным аспектам языковой дея-

тельности, таким как персуазия (убеждение, уговаривание) и манипуляция как разновидность персуазии. Выделяет характеристики разных видов дискурса, их сферы коммуникаций. В конце каждого из этих разделов приводятся признаки определенного дискурса. Так, политический дискурс является, по Х. Куссе, «прескриптивно-валютным (по Моррису), а в программных текстах – прескриптивно-систематизирующим (пропагандистским); перлокутивным (побуждающим к действиям и предотвращающим действия); директивным с точки зрения его макроиллокуций; персуазивным с точки зрения его коммуникативных целей; манипулятивным с точки зрения его тоталитарных форм; публичным и официальным (в отдельных случаях только официальным) с точки зрения его диапазона; одновременно приватным и публичным (например, в рамках придворной коммуникации)» [с. 237]. Коммуникативными сферами политического дискурса являются «первичные политические институты...; политические движения...; средства массовой информации...; дискурсивные сети» [с. 237–238], он реализуется в таких жанрах и формах коммуникации, как: «речи; заявления и официальные сообщения; переговоры; программы партий; тексты законов (как объекты); предвыборная реклама; демонстрации; листовки; газетные статьи; интервью; ток-шоу, словесные дуэли; интернет-сайты; Networking...» [с. 238] и пр.

Одиннадцатый раздел монографии «Культурно-языковое многообразие, гибридные формации» представляет собой заключительную часть монографии, в которой раскрываются перспективы развития культуроведческой лингвистики. Х. Куссе подчеркивает, что «национальные и этнические языки и культуры являются такими же динамичными формациями, как и дискурсы», и «их динамика выражается в ослаблении даже исчезновении различий и границ, а также в том, что в определенный момент истории одни языки, национальные культуры и дискурсы становятся доминирующими» [с. 419] и могут оказывать существенное влияние на другие языки и культуры, и даже вытеснять их.

Вводя понятия «мультикультурность», «транскультурность», «интеркультурность», Х. Куссе анализирует различные языковые проявления «смешения, вариативов и дифференцирования» [с. 424], которые наблюдаются параллельно с изменениями и новым структурированием национальных и этнических культур и сопровождаются не только сосуществованием и взаимодействием, но и столкновением представителей различных культур.

В заключение Х. Куссе подчеркивает, что «в рамках культуроведческой лингвистики научные объекты всегда описываются в соот-

ветствии с тремя осями: дискурс-сенситивной, национально-, регионально- или этнокультурной и исторической... Они интегрируются в дискурсивное измерение и соотносятся с его иерархично-систематизированными элементами (от дискурсов, жанров и текстов к предложениям, лексемам и, в случае необходимости, морфемам) ... Культуроведческая лингвистика исследует языки в динамике в рамках коррелятивного описания их развития...» [с. 436].

Отметим, что рецензируемая монография немецкого лингвиста представляет собой оригинальное, строго организованное исследование, выполненное в рамках современной антропологии, которое, безусловно, представляет научный интерес и может быть рекомендовано как специалистам в области теории дискурса, языка, культуры, так и всем интересующимся этой проблематикой.

Трошина Н.Н.¹

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК: МУДРОСТЬ И ЯЗЫК: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ / РЕД. КУССЕ Х. – BERLIN ETC: PETER LANG, 2024. – BD 215. – 164 S. (SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE)

Аннотация. Сборник отражает проблематику международной научно-практической конференции «Языки мудрости», которая состоялась 2–3 февраля 2022 г. в Павлодарском педагогическом университете им. А. Маргулана (Республика Казахстан) и была посвящена 70-летию известного российского лингвиста, специалиста по теории дискурса, социолингвистике и лингвокультурологии, профессора, доктора филологических наук Владимира Ильича Карасика. Инициаторами этой научной встречи и публикации ее материалов выступили названный университет и Институт славистики Дрезденского технического университета. Основные акценты сделаны на типологии феномена мудрости, вопросах национально-культурного своеобразия этого концепта и его вербализации в различных языках.

Ключевые слова: мудрость; здравый смысл; языки мудрости; индивидуализированная мудрость; вербализация мудрости; лингвокультурный концепт.

Для цитирования: Трошина Н.Н. Рецензия на сборник: Мудрость и язык: Лингвистические подходы / Ред. Куссе Х. – Berlin etc: Peter Lang, 2024. – BD 215. – 164 S. (Specimina Philologiae Slavicae) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1. – С. 112–119. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.09

¹ © Трошина Н.Н., 2025

Трошина Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, независимый эксперт; troshinat@gmail.ru

TROSHINA N.N.¹

**BOOK REVIEW: WISDOM AND LANGUAGE. LINGUISTIC APPROACHES.
ED. HOLGER KUßE. BERLIN ETC: PETER LANG, 2024. 164 S.
(SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE; 215)**

Abstract. The anthology deals with the problematic of the international theoretical and practical conference “Wisdom Languages”, which took place on February 2–3, 2022 at Pavlodar Pedagogical A. Margulan University (Republic of Kazakhstan) and was devoted to the 70th anniversary of the known Russian Linguist, Professor, Doctor of Science in Philology, Vladimir Ilyich Karasik – Specialist on the discourse theory, sociolinguistics, language and cultural studies.

The initiators of this scientific summit and publication of its materials were the above-mentioned university and the Institute of Slavic Studies of Dresden Technical University. The conference focused mainly on the typology of the wisdom phenomenon, on the peculiarity of national and cultural identity of this concept and its verbalization in various languages.

Keywords: wisdom; common sense; wisdom languages; individualized wisdom; verbalization of wisdom; linguistic cultural concept.

For citation: Troshina, N.N. Book review: Wisdom and Language: Linguistic Approaches. Ed. Holger Kuße. – Berlin etc : Peter Lang, 2024. 164 S. (Specimina Philologiae Slavicae; 215) *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 112–119. DOI: 10.31249/ling/2025.01.09

В нашей повседневной и в профессиональной жизни нам часто бывает нужен совет опытного человека, о котором мы говорим: «он умудрен опытом». Мудрость – это качество ментальности, потребность в котором мы остро ощущаем при необходимости принять этически правильное решение, что весьма нелегко сделать в наше время, полное самых разнообразных вызовов и противоречий, когда нужен проверенный временем нравственный ориентир. Поэтому столь актуально исследование феномена мудрости, его представленности и вербализации в различных культурах.

Обращает на себя внимание необычное использование слова «язык» применительно к понятию «мудрость» – во множественном числе, т.е. «языки». Это разъясняется в Предисловии к сборнику: «То, что считается мудрым, может меняться в ходе истории и также связа-

¹ © Troshina N.N., 2025

Troshina Natalia Nikolaevna – Candidate of Philology, Independent Researcher; troshinat@gmail.ru

но с культурами и языками, в которых мудрость развивается. Именно поэтому можно говорить о “языках мудрости”» [с. 5].

Особенно важно отметить гуманистический характер концепции проведенной конференции, на что указывает редактор сборника Хольгер Куссе в статье «Языки мудрости. Типология и примеры из разных времен и культур»: «Мягкая сила добра и познания мудрецов в истории человечества снова и снова ... оказывается сильнее насилия, эгоизма, идеологического безумия, власти, убийства и даже массового убийства и всяких других разрушительных грехов, которые люди с первобытных времен выдумали и совершили» [с. 11]. Эта мысль подчеркивается также и в статье Х. Куссе «99 воздушных шариков» (1983): к юбилею классика немецкого рока как пример современной мудрости», в которой анализируется текст популярной песни «99 воздушных шариков» рок-группы «Nena», относящейся к движению «Новая немецкая волна» (Neue Deutsche Welle) и, отчасти, к панку 70–80-х годов прошлого века. Эта песня рассказывает о 99-летней войне, которая разгорелась случайно и привела к концу света. Успех этой песни также связан с политической и общественной ситуацией в Западной Германии во время холодной войны. Важным событием было так называемое «двойное решение НАТО» (1979) о развертывании в Западной Европе американских ракетных систем средней дальности при одновременном продолжении переговоров с СССР о разоружении. Это решение привело к широким протестам и организации митингов мира в стране. Населением Германии овладел страх перед ядерной войной, в том числе и перед войной из-за невнимательности, случайности или просто глупости, как об этом говорится в песне «99 воздушных шариков». Х. Куссе подчеркивает, что эта песня уникально выразила атмосферу прошлого столетия, в том числе опасения людей. Мудрость этой песни характеризуется как индивидуализированная, возникшая во второй половине XX века. «В центре ее стоят не общие нравственные правила или общая истинность о человеке вообще, а отдельный человек и его межличностные отношения, т. е. главное – это “я” и “ты”» [с. 81]. В цитированной выше статье «Языки мудрости. Типология и примеры из разных времен и культур» Х. Куссе уточняет, что речь идет о снижении роли общечеловеческих правил хорошей жизни, о возрастании индивидуальных потребностей и межличностных ценностей, познание которых дает отдельному человеку счастье и успешную жизнь со своими близкими и ближними [с.17–18] (см. также: [Куссе, 2021]). Яркое выражение востребованности такой мудрости автор статьи видит в популярности публикаций с названиями «Как найти свою сильную сторону», «Люби себя!», «Хочу и буду: Принять себя, полюбить жизнь и стать счастливым» и

т.п. Очень важно указание Х. Куссе на главное отличие индивидуализированной мудрости от эгоизма, увы, столь распространенного в наши дни: «Индивидуализированной мудрости свойственен высокий уровень нравственности, которая имплицитно утверждает убеждение, что мир меняется к лучшему только через каждого отдельного человека. Поэтому главными ценностями этой мудрости являются любовь, ответственность, свобода и толерантность» [с. 82]. Индивидуализированная мудрость наиболее ярко представлена в книге Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

Сборник состоит из трех разделов: «Концептуальные измерения мудрости и языка», «Традиции и культурные пространства мудрости и языка», «Лингвокультурные концепты, относящиеся к мудрости». Концептуально и содержательно статьи в этих разделах перекликаются: так, например, правомерность выделения в статье Х. Куссе «Языки мудрости. Типология и примеры из разных времен и культур» двух типов мудрости (мудрости как интеллектуального познания и мудрости как морального наставления) находит подтверждение в статьях Е.П. Гаранниной («Парадокс прецедента. Библиейские притчи в структуре художественных произведений»), В.И. Карасика («“Мудрость” и “здоровый смысл”. Сравнительный анализ сходных концептов в русской и английской лингвокультурах»), Н.Н. Трошиной «Национальная научная культура как лингвообусловленное хранилище мудрости», Л.Е. Токатовой «Если для торжества справедливости нужно скрыть правду, то и ложь становится правдой (практическая мудрость от Алдара-Косе)».

Как следует из материалов конференции, художественный дискурс создает оптимальные условия для акцентирования важной корреляции житейской мудрости и исторического самосознания эпохи. В этом плане отметим статью И.О. Приходченко «Мемуары как язык житейской мудрости поколения: К вопросу об историческом самосознании эпохи (на материале “Павлодарских былей Г. А. Бешкарева”)». Это произведение рассказывает о судьбе молодого человека, приехавшего в конце 30-х годов в качестве сотрудника органов культуры в Павлодар, где ему пришлось многое пережить: брак с политической осужденной, работу в местной газете, внезапную болезнь нервной системы, измену, работу в труппе ссыльных артистов, пристальное внимание НКВД, заключение в тюрьме, вынужденный отъезд из города. Язык «Павлодарских былей» характеризуется афористичностью, причем афоризмы функционально близки к пословицам, поскольку выражают в лаконичной форме житейскую мудрость. На

этом основании автор статьи проводит жанровую параллель между пословицами в фольклоре и афоризмами в литературе.

В соответствии с подзаголовком сборника («Лингвистические подходы») в нем уделяется большое внимание вербализации мудрости. В первую очередь, это относится к статье Б.Ю. Нормана «Мудрость языка – это вербализованный опыт народа», в которой автор предлагает свой ответ на вопрос: «В каких единицах и категориях языка откладывается этот накопленный социумом опыт, что в языке является носителем мудрости?» (с. 22). Ответ Б.Ю. Нормана: этот опыт проявляется не только в словах, но и в факультативных синтаксических связях, которыми различаются, например, квазисинонимы. Этот вывод иллюстрируется на примере семантически очень близких глаголов *хранить* и *беречь*. Глагол *хранить* легко допускает сочетаемость с обстоятельством места (хранить можно «где-то»): *Храните деньги в банке*. Его квазисиноним *беречь* такой валентности не имеет: «беречь где» не говорят. Глагол *беречь* подразумевает указание на возможную внешнюю опасность: *Берегите лес от пожара!*

Учитывая актуальность гендерной проблематики применительно к языку, необходимо отметить точное замечание Б.Ю. Нормана о латентном присутствии гендерной семы в диалоге: – *Пришли мне двух человек. – А женщин можно?* Под человеком здесь «по определению» подразумевался, очевидно, мужчина (немаркированный член оппозиции), а возможность привлечения к делу женщины требует специального уточнения.

С одной из разнообразных возможностей вербализации мудрости связана вербализация национальных лингвокультурных концептов, признанным лидером в исследовании которых является Владимир Ильич Карасик. Его статья «Мудрость» и «здравый смысл». Сравнительный анализ сходных концептов в русской и английской лингвокультурах» опубликована в приложении к сборнику. В ней указывается, что ментальные образования, к которым относятся и лингвокультурные концепты, могут проявляться в нескольких типах дискурса, получая, таким образом, уточнение. Этот тезис доказывается на примере концептов «мудрость» и «здравый смысл», различно используемых в обиходном, религиозном и политическом дискурсах в названных лингвокультурах. На основании данных русскоязычных словарей автор приходит к выводу, что «“мудрость” представляет собой в русской лингвокультуре неразрывное единство глубокого ума, жизненного опыта и морального совершенства», ... отсутствуют (в русской лингвокультуре. – Н. Т.) отрицательные оценки высокой степени интеллекта, сопряженного с желанием и умением обманывать («хитрый»), усложнять объясне-

ние («мудреный»), проявлять свой интеллект обидным для окружающих образом («умничать») [с. 159].

В определении «здорового смысла» в словаре синонимов английского языка акцентируется выражение интеллектуальных качеств человека, значимость здравого смысла и принятия правильных решений. Этические характеристики этого качества отсутствуют. Значимым оказывается также умение не быть обманутым, видеть уловки партнеров по общению (“shrewd”, “sagacious”, “astute”).

На основании лексикографической информации В.И. Карасик приходит к следующему выводу: «...для англоязычного сообщества важно противопоставлять поведение разумное и неразумное, практичное и непрактичное, основанное на базовых знаниях о жизни и на специальных знаниях, а в русском языковом сознании реализуется только первое противопоставление. Нельзя не заметить и важного стилистического различия в толковании данного концепта: в английском языке он является общеупотребительным, в русском же – в определенной степени ограничен книжной или официальной речью» [с. 163].

Национальному своеобразию лингвокультурных концептов посвящены также статьи Ж.Б. Абильдиновой. «Концепты «добро / зло», «жақсылық / жамандық», «good / evil» как отражение народной мудрости и знаний в русской, казахской и английской языковых картинах мира» и А.Е. Агмановой и М.В. Валовой «От концептов к лингвокультурным знаниям». Автор первой статьи выявляет тонкие различия исследуемых концептов: «... в английском языке, в отличие от русского, добро понимается еще и как преимущество, выгода, дар. А в казахском языке добро ассоциируется не только с благом как таковым, оно соотносится с пожеланием этого блага другому человеку» [с.128]. В исследовании А.Е.Агмановой и М.В. Валовой на примере концепта «родина» показана ценность трехмерной модели лингвокультурного концепта, разработанной В.И. Карасиком [Карасик 2004, с. 127] (различаются понятийная, предметно-образная и ценностная составляющие лингвокультурного концепта), так как эта модель успешно применяется на уроках русского языка в современном полиэтническом и многоязычном Казахстане.

В сборнике представлена также статья Н.Н. Трошиной («Национальная научная культура как лингвообусловленное хранилище мудрости») о дискурсивных особенностях национальной научной культуры. В этой статье соотносятся понятия истины, национальной культуры, интеллектуальной и обыденной мудрости. Автор опирается на положение Н.А. Бердяева о том, что «истина не может быть на-

циональной, истина всегда универсальна, но разные национальности могут быть призваны к раскрытию отдельных сторон истины» [Бердяев, 1910, с. 188]. Культуроспецифичные смыслы формируются как конвенциональные конструкты в различных исторических и социальных контекстах и являются дискурсивными характеристиками различных культур. Одной из них является научная культура как совокупность теоретических и прикладных знаний, исследовательских парадигм, а также ценностей, полученных в результате научных исследований. Научные знания всегда связаны с обыденными знаниями, так как оба эти вида знания ориентируют человека в окружающем мире и создают основу для его практической деятельности. Они закреплены в сознании людей, принадлежащих к научному сообществу и при этом являющихся членами определенного лингво- и национально-культурного сообщества. Научные знания составляют основу научного мировоззрения и мышления ученых той или иной эпохи, что проявляется, в частности, в особенностях научной терминологии – в семантике научных терминов. Н.Н. Трошина ссылается на исследования немецкого лингвиста В. Тильмана, который приходит к следующему выводу: «В области эпистемически ориентирующих языковых средств (*erkenntnisleitende sprachliche Mittel*), значимых для выполнения языком его гносеологической функции, немецкий и английский научные языки соотносятся в значительной как альтернативные (*weitgehend alternativ*) [Thielmann, 2020, p. 102].

Итак, в сборнике представлены интересные и убедительные данные о различных дискурсах мудрости и о вербализации концептов, связанных с мудростью, в различных лингвокультурах.

В заключение необходимо подчеркнуть, что разнообразный и разнокультурный материал, на основе которого в статьях сборника выполнен научный анализ, будет, несомненно, полезен не только лингвистам, но и гуманитариям других специальностей – литературоведам, философам, регионоведам. Небезынтересен он также для историков и социологов, поскольку в концепте «мудрость» и в его вербализации, т.е. в языках мудрости аккумулирован социальный опыт, историческая и культурная память народов.

Список литературы

- Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Духовный кризис интеллигенции : статьи по общественной религиозной психологии (1907–1909). – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1910. – С. 171–192.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.

- Кусце Х. Язык(и) мудрости в XX и XXI веках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – Москва : МГЛУ. – 2021. – Вып. 6/848. – С. 242–253.
- Thielmann W. Ist die Anglophonisierung der europäischen Wissenschaft ein Problem? Überlegungen zur Sprachenfrage in den Wissenschaften // Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie? – Baden Baden : Nomos, 2020. – P. 97–109.

References

- Berdiaev, N.A. Filozofskaya istina i intelligentskaya pravda [Philosophical veritas and the truth of intelligentsiya]. In *Duhovnyj krizis intelligentsia: statji po obschestvennoj religioznoj psihologii (1907–1909)* [Spiritual crisis of intelligentsia: articles on social religious psychology (1907–1909)]. Saint Petersburg: Obshhestvennaja pol'za, 1910. S. 171–192. (In Russian)
- Karasik, V.I. *Jazykovej krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 389 p. (In Russian)
- Kuße, H. Jazyk(-i) mudrosti v XX i XXI vekah [Wisdom Languages in the XX and XXI centuries]. *Vestnik Moskovskogo Gos. Lingvisticheskogo Universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities]. Moscow: MGLU, 2021. 6(848). P. 242–253. (In Russian)
- Thielmann, W. *Ist die Anglophonisierung der europäischen Wissenschaft ein Problem? Überlegungen zur Sprachenfrage in den Wissenschaften. Die Sprache von Forschung und Lehre: Lenkung durch Konzepte der Ökonomie?* Baden-Baden: Nomos, 2020. P. 97–109.

Раренко М.Б.¹

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ГУСЕЙНОВА И.А., КОСИЧЕНКО Е.Ф. ГРАНИ СМЕШНОГО И ЮМОР БЕЗ
ГРАНИЦ: СЕМИОТИКА КОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ ЖАНРОВ :
МОНОГРАФИЯ. – КАЗАНЬ : БУК, 2024. – 210 С.**

Аннотация. Рецензируемая монография посвящена проблемам юмора и смеха. Авторы обращаются к работам предшественников, которых также интересовали эти вопросы, и рассматривают социальные и лингвосемиотические аспекты комического, предлагают свои подходы к изучению юмора и отдельных жанров комического, в том числе в прикладном аспекте. В работе поднимаются вопросы, касающиеся жанровой дифференциации современных поликодовых юмористических текстов, рассматривается понятие «институциональной шутки», при этом особое место отводится описанию регулятивной функции юмора, исследуется проблема юмора в эпоху политической корректности. Авторы монографии описывают возможности применения научных исследований в области комического в связи с подготовкой специалистов в сфере межкультурной и межъязыковой коммуникации – переводчиков, а также преподавателей иностранных языков.

Ключевые слова: юмор; комическое; институциональная шутка; юмористический дискурс; юмористический текст; жанр; поликодовые тексты; прикладное языкознание.

Для цитирования: Раренко М.Б. Рецензия на книгу: Гусейнова И.А., Косиченко Е.Ф. Грани смешного и юмор без границ: семиотика комических текстов разных жанров : монография. – Казань : Бук, 2024. – 210 с. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание.* – 2025. – № 1. – С. 120–127. – DOI: 10.31249/ling/2025.01.10

¹ Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; rarenco@rambler.ru

RARENKO M.B.¹

BOOK REVIEW: GUSEYNOVA I.A., KOSICHENKO E.F. FACETS OF FUNNY AND HUMOR WITHOUT BORDERS: SEMIOTICS OF COMIC TEXTS OF DIFFERENT GENRES: MONOGRAPH. – KAZAN : BUK, 2024. — 210 P.

Abstract. The peer-reviewed monograph is devoted to the problems of humor and laughter. The authors turn to the works of their predecessors, who were also interested in this issue, and consider the social and linguistic and semiotic aspects of the comic, offering their approaches to the study of humor and certain genres of the comic, including the applied aspect. The book raises issues related to the genre differentiation of modern polycode humorous texts, examines the concept of “institutional joke”, with a special place given to the description of the regulatory function of humor, explores the problem of humor in the epochs of political correctness. The authors show possible examples of scientific research in the field of comic in connection with the training of specialists in the field of intercultural and interlanguage communication, translators, as well as teachers of foreign languages.

Keywords: humor; comic; institutional joke; humorous discourse; humorous text; genre; polycode texts; applied linguistics.

For citation: Rarenko M.B. Book review: Guseynova I.A., Kosichenko E.F. Facets of Funny and Humor without Borders: Semiotics of Comic Texts of different Genres : monograph. – Kazan : Buk, 2024. – 210 P. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2025. N 1. P. 120–127. DOI: 10.31249/ling/2025.01.10

Рецензируемая монография Иннары Алиевны Гусейновой, доктора филологических наук, доцента (Московский государственный лингвистический университет), и Елены Федоровны Косиченко, доктора филологических наук, доцента (Национальный исследовательский университет «МЭИ»), посвящена вопросам изучения и описания юмора и смеха на примере текстов разных эпох. Авторы обращаются к работам предшественников, которых также интересовали эти вопросы, и рассматривают социальные и лингвосомиотические аспекты комического, предлагают свои подходы к изучению юмора и отдельных жанров комического, в том числе в прикладном аспекте. В работе поднимаются вопросы, касающиеся жанровой дифференциации современных поликодовых юмористических текстов, рассматривается понятие «институциональной шутки». Особое место

¹ *Rarenko Maria Borisovna* – Candidate of Philology, Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenco@rambler.ru

отводится описанию регулятивной функции юмора, исследуется проблема юмора в эпоху политической корректности. В монографии намечаются возможности применения научных исследований в области комического в связи с подготовкой специалистов в сфере межкультурной и межъязыковой коммуникации, переводчиков и преподавателей иностранных языков.

Монография состоит из введения, трех глав («История изучения смешного», «Лингвокогнитивные и дискурсивные аспекты изучения юмора», «Прикладные аспекты юмора»), заключения, списка литературы, включающего более 200 работ на русском, английском и немецком языках.

Во введении авторы обосновывают необходимость обращения к проблемам комического, отмечая, что «попытки познать и описать природу смешного на протяжении многих веков предпринимались философами, социологами, физиологами, психологами, лингвистами, а в последнее время также математиками, программистами и когнитологами» [с. 7], очерчивают круг интересующих непосредственно их аспектов.

В первой главе авторы прослеживают историю развития категории смешного начиная с античности и заканчивая сегодняшним днем. Отмечается, в частности, что «тематическое разнообразие древнегреческого и древнеримского юмора свидетельствует о его высокой социальной значимости, в том числе как средства обеспечения толерантного отношения членов общества к негативным социальным проявлениям» [с. 17]. Переходя к обзору литературно-философских юмористических традиций Средневековья, авторы монографии ссылаются на мнение признанного специалиста комического М.М. Бахтина. Отмечается, что вопреки религиозной идеологии, запрещающей юмор в официальных областях, в других сферах социальной жизни, юмор имел «исключительные привилегии на вольность и безнаказанность», например, во время праздников или «в рекреативной праздничной литературе» [Бахтин, 1965, с. 81] [с. 17]. В то же самое время «гуманистические идеи эпохи Возрождения открыли для юмора и смеха новые горизонты, придав комическому, по выражению М. М. Бахтина, “мирообъемлющую” форму, когда он прорвался из народных глубин и сыграл особую роль в произведениях Дж. Бокаччо, М. Сервантеса, У. Шекспира и др. [Бахтин, 1965, с. 81]» [с. 19].

В дальнейшем, в XVIII в., формируется философско-научный подход к изучению юмора, в рамках которого «осуществляется систематизация накопленных знаний, предпринимается попытка установить объективные причины существования смешного и дать научное

описание механизмов юморизации» [с. 22], однако более серьезные исследования относятся к XIX в. и знаменуются прежде всего работами английского философа и социолога Г. Спенсера, создавшего целостную теорию комического, согласно которой двумя источниками смеха признаются «несообразность некоторой ситуации (incongruity) и чувство удовольствия, переживаемое человеком, который испытывает превосходство от того, что некоторый индивид оказался в невыгодном для себя положении» [с. 25]. Чуть позднее, на рубеже XIX–XX вв., важную роль в изучении комического сыграли исследования З. Фрейда в области психоанализа, чему в значительной степени способствовали идеи основоположника теории эволюции Ч. Дарвина (1809–1882). Так, психоаналитик пришел к выводу о том, что «описание некоторой опасной ситуации в комическом ключе помогает воспринимать ее как достаточно безопасную и способствует лечению неврозов» [с. 38].

Большое внимание в монографии уделяется современным исследованиям юмора. Известной сегодня семантической теории юмора мы обязаны работам американских лингвистов В. Раскина и С. Аттардо, предположившим и доказавшим, что «комический эффект представляет собой следствие когнитивного диссонанса, когда у человека, столкнувшегося с некоторой ситуацией, не отвечающей усвоенному им опыту, происходит осознание имеющего место несоответствия; при этом возникающее психологическое напряжение компенсируется смехом» [с. 41]. Несмотря на то, что семантическая теория юмора В. Раскина и С. Аттардо интегрировала более ранние концепции, в ней был разработан принципиально новый подход в рамках активно развивающейся на тот момент когнитивной семантики с привлечением методов семантического анализа – «основная гипотеза авторов заключалась в том, что юмористический эффект возникает в результате пересечения двух или нескольких в известном смысле противоположных скриптов, которые вместе с тем полностью или частично совместимы с заданным контекстом» [с. 41]. Отмечается особый вклад в развитие теории комического современных отечественных лингвистов, которые значительно развили и дополнили более ранние теории культурной обусловленности смешного, обратившись, в частности, к национально-культурным аспектам юмора. Так, в диссертационной работе А. В. Карасика применяется «характерный для начала текущего столетия лингвокультурологический подход» [с. 45] к изучению английского анекдота, который определяется исследователем как короткий фольклорный юмористический текст, что подчеркивает тот факт, что «в произведениях данного жан-

ра не только репрезентируется характерная для культуры система ценностей, но и воспроизводится повседневное поведение людей» [с. 45] (более подробно см.: [Карасик, 2001]). Отмечается, что особое место в концепции А.В. Карасика занимает разбор многочисленных примеров, анализ которых показывает, что «распознавание юмора бывает затруднено не столько языковыми различиями, сколько расхождениями в ценностных картинах мира и моделях поведения» [с. 46]. Авторы монографии подчеркивают важность лингвокультурологического подхода к исследованию «тематического» юмора¹, что, по их мнению, позволяет «более полно описать характерные для различных этносов общие и специфические черты» [с. 46].

Оппозиция «свой – чужой» рассматривается как особо частая территория реализации комического, что авторы монографии объясняют различиями в мировосприятии у представителей разных культур, национальностей и этносов.

В заключение первой главы монографии авторы отмечают, что «на сегодняшний день природа юмора как вербализованного вида комического достаточно хорошо изучена», а «анализ научных работ в области исследования смешного показывает, что принципы дополнительности и научной преемственности способствовали формированию к середине прошлого столетия общей теории юмора, согласно которой основным механизмом создания комического эффекта выступает либо логическая несовместимость, либо игра слов, а необходимыми условиями его появления – новизна и эффект неожиданности как результат соотнесения некоторого явления с понятием, не связанным с ним логически, при этом основной функцией юмора является обеспечение физического, психологического и социального благополучия человека» [с. 58].

Во второй главе монографии особое внимание уделяется регулятивной функции юмора на том основании, что «наряду со способностью выполнять развлекательную функцию, шутка часто является средством налаживания контакта, выстраивания иерархии, передачи опыта, а также поддержания существующего социального уклада и положительного имиджа государственного управления» [с. 59]. Под регулятивной функцией авторы понимают в данном случае применительно к комическому фатическую, социально-ориентирующую, ку-

¹ Под «тематическим юмором» в монографии понимается юмор, который реализует себя в определенных ситуациях – например, при обсуждении еды, поведения, национальных предпочтений в той или иной сфере и пр. – прим. наше (М.Р.).

мулятивную, ценностную и др. функции, подчеркивая способность юмора «выступать связующим звеном между членами общества и различными социальными институтами, прежде всего теми, которые прямо или косвенно затрагивают каждого человека: институты брака, здравоохранения, образования, военных сил и др.» [с. 60]. Отмечается, что, реализуясь в дискурсе, данная функция «способствует снятию части негативного отношения членов социума к некоторому социальному институту и способствует таким образом поддержанию стабильности в обществе» [с. 60].

И.А. Гусейнова и Е.Ф. Косиченко, описывая функции юмористического, оперируют понятиями «институциональный дискурс» и «юмористический дискурс», опираясь на терминологию, предложенную В.И. Карасиком [Карасик, 2004, с. 304–305]. Они отмечают, что «в силу своей высокой социальной и психологической значимости юмор является неотъемлемой частью жизни всех без исключения социальных институтов, включая также область религии» [с. 62]. В работе *жанр институциональной шутки* определяется авторами как 1) «особый тип текста, в котором в комичном виде репрезентируются наиболее типичные ситуации, связанные с функционированием тех или иных социальных институтов с целью как психологической защиты участников институционального взаимодействия, так и урегулирования отношений между социальным институтом и обществом» [с. 64] и как 2) «текст малого ситуативного жанра на некоторую социально значимую тему, где юмористический эффект достигается в результате создания противоречащей здравому смыслу, абсурдной ситуации и посредством использования языковых средств, например алогизмов, многозначных и однокоренных слов, создающих эффект двусмысленности; основной функцией институциональной шутки является регулятивная функция, основанная на оппозиции “свой – чужой” и способствующая поддержанию терпимого отношения гра-ждан к недостаткам работы различных социальных институтов» [с. 76–77].

Особый раздел во второй главе отводится анализу семиотически осложненных юмористических текстов, т.е. «гетерогенных юмористических текстов, комический эффект которых основан на взаимодействии вербального и пикториального кодов» [с. 83].

Вслед за С. Аттардо [Attardo, 2023], который проанализировал философские и прикладные аспекты комического, создаваемого в интернет-пространстве, авторы рецензируемой монографии отмечают, что важными характеристиками интернет-юмора являются «интертекстуальность и вирусность, вызванные к жизни бо-

лее широкими техническими возможностями для копирования формы и содержания, а также более активными тенденциями к смешению стилей и жанров» [с. 83].

В третьей главе И.А. Гусейнова и Е.Ф. Косиченко обращаются к прикладным аспектам юмора. Они рассматриваются юмор как переводческую проблему, отмечая, что юмористический дискурс представляет серьезную проблему перевода, а основная трудность перевода в этом случае состоит в том, что, «в отличие от других типов текста, где заполнение различного рода лакун, например, при помощи переводческих комментариев, не влияет существенно на их восприятие, впечатление от юмористических текстов, снабженных пояснениями, как правило, не соответствует ожиданиям, поскольку обращение к комментариям сводит на нет эффект неожиданности, необходимый для достижения нужного результата» [с. 149]; а в том случае, когда средством юморизации выступает игра слов, адекватный перевод юмора и возможен в очень редких случаях – при наличии у лексических единиц переводного и переводящего языков совпадающих прямого и переносного значений.

Авторы затрагивают роль юмора в преподавательской и педагогической деятельности. Эта тема не нова – она довольно широко обсуждается как отечественными, так и зарубежными исследователями, однако по-прежнему актуальна. Отмечается, что «привлечение забавных историй способствует созданию благоприятной атмосферы на занятии, снижает напряжение и стресс, повышает концентрацию внимания учащихся, является стимулом к выполнению домашних заданий» [с. 162]. Еще одним прикладным аспектом юмора авторы признают использование юмористического текста в социологических исследованиях [с. 177–188].

Монография, безусловно, представляет большой интерес для лингвистов, преподавателей иностранных языков, переводчиков. Как особое достоинство работы отметим большое количество интереснейших примеров, иллюстрирующих основные теоретические положения работы. В качестве несущественных недостатков отметим неточные высказывания и излишние повторы, которые могут затруднять понимание логики изложения материала. Также хотелось бы отметить, что, поскольку монография адресуется широкому кругу читателей, было бы, на наш взгляд, уместным дать определения понятиям «юмор», «смех» и «комическое».

Список литературы

- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – Москва : Художественная литература, 1965. – 541 с.
- Карасик А.В.* Лингвокультурные характеристики английского юмора : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 193 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.
- Attardo S.* *Humour 2.0: How the Internet Changed Humour.* – London : Anthem Press, 2023. – 294 p.

References

- Bahtin M.M.* *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekov'ja i Renesansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1965. 541 s. (In Russian)
- Karasik A.V.* *Lingvokul'turnye harakteristiki anglijskogo jumora*: dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic and cultural characteristics of English humor : dis. ... candidate of Philology]. Volgograd, 2001. 193 s.
- Karasik V.I.* *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 390 s. (In Russian)
- Attardo S.* *Humour 2.0: How the Internet Changed Humour.* London : Anthem Press. 2023. 294 p.

**Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал**

Серия 6
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025 – № 1

Компьютерная верстка *П.И. Горбунов*
Корректоры *П.И. Горбунов, И.П. Леонтьева*

Подписано к печати 12 / III – 2025 г.
Формат 60 x 84/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 8 Уч.-изд. л. 7,2
Тираж 800 экз. Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6